

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2026. Т. 48, № 7

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2026. Т. 48, № 7

Главный редактор

В. Н. Барышников, доктор исторических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Зам. главного редактора

А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

С. Г. Веригин, доктор исторических наук, профессор
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Адрес редакции журнала

185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.

Тел. (8142) 76-97-11

E-mail: uchzap@petrsu.ru

uchzap.petrsu.ru

Редакционный совет

Е. В. АНИСИМОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Ю. А. ВАСИЛЬЕВ

д. и. н., профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)

А. В. ГОЛОВНЕВ

д. и. н., профессор, академик РАН, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) (МАЭ РАН) (Санкт-Петербург, Россия)

И. Л. ЖЕРЕБЦОВ

д. и. н., Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)

В. Н. ЗАХАРОВ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет; Почетный президент Международного общества Достоевского (IDS) (Москва, Россия)

С. Т. ЗОЛЯН

д. ф. н., профессор, Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)

Ю. ИНОУЭ

к. ф. н., профессор, Университет Дзэти (Токио, Япония)

И. И. МУЛЛОНЕН

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

С. А. МЫЗНИКОВ

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. А. ПЛУНГЯН

д. ф. н., профессор, академик РАН, Институт русского языка имени В. В. Виноградова (Москва, Россия)

Н. А. ФАТЕЕВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

М. А. ЧЕРНЯК

д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

А. В. АНТОЩЕНКО

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

М. А. БОБУНОВА

д. ф. н., профессор, Курский государственный университет (Курск, Россия)

С. В. ВОЛОШИНА

д. ф. н., доцент, Томский государственный университет (Томск, Россия)

В. И. ГОЛДИН

д. и. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

Т. А. ГРИДИНА

д. ф. н., профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

Н. В. ДРАННИКОВА

д. ф. н., профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия)

Е. Н. ИЛЬИНА

д. ф. н., профессор, Вологодский государственный университет (Вологда, Россия)

Д. В. КОБЛЕНКОВА

д. ф. н., профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва, Россия)

А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО

к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

И. А. КЮРШУНОВА

д. ф. н., доцент, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

Ю. В. ЛИТВИН

к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

О. В. НИКИТИН

д. ф. н., профессор, Государственный университет просвещения (Мытищи, Россия)

С. А. НИКОНОВ

д. и. н., доцент, Мурманский арктический университет (Мурманск, Россия)

Н. В. ПАТРОЕВА

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. М. ПАШКОВ

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

И. А. РАЗУМОВА

д. и. н., профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)

Е. А. РОСТОВЦЕВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

к. и. н., доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

Н. А. САМОЙЛОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

С. А. СЕМЯЧКО

д. ф. н., Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург, Россия)

И. А. СПИРИДОНОВА

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. Ю. ТАРАСОВ

д. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

А. В. ТОЛСТИКОВ

к. и. н., доцент, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

Л. Л. ШЕСТАКОВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2026. Vol. 48, No 7

Editor-in-Chief

Vladimir N. Baryshnikov, Doctor of Sciences in History, Professor
Saint Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

Deputy Editors-in-Chief

Alexander V. Pigin, Doctor of Sciences in Philology, Professor
Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom), Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russia)

Sergei G. Verigin, Doctor of Sciences in History, Professor
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Sciences in Philology
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Editorial office address

Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
+7 (8142) 769711
E-mail: uchzap@petsu.ru

Website: uchzap.petsu.ru

Editorial Board

- E. ANISIMOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg Institute
of History of RAS (St. Petersburg, Russia)
- YU. VASIL'EV**
Doctor of History, Professor, Moscow University
for the Humanities (Moscow, Russia)
- A. GOLOVNEV**
Doctor of History, Professor, RAS Academician, Peter the Great
Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera)
(St. Petersburg, Russia)
- I. ZHEREBTSOV**
Doctor of History, Komi Scientific Center of Ural Branch of RAS
(Syktyvkar, Russia)
- V. ZAKHAROV**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University,
President of the International Dostoevsky Society (Moscow, Russia)
- S. ZOLYAN**
Doctor of Philology, Professor, National Academy
of Sciences of Armenia (Yerevan, Armenia)
- Y. INOUE**
PhD in Philology, Jochi University
(Tokyo, Japan)
- I. MULLONEN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member,
Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- S. MIZNIKOV**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member,
Institute of Linguistic Studies of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. PLUNGIAN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Academician,
V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS
(Moscow, Russia)
- N. FATEEVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian
Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- M. CHERNYAK**
Doctor of Philology, Professor, Herzen State
Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Editorial Council

- A. ANTOSHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State
University (Petrozavodsk, Russia)
- M. BOBUNOVA**
Doctor of Philology, Professor, Kursk
State University (Kursk, Russia)
- S. VOLOSHINA**
Doctor of Philology, Associate Professor, Tomsk
State University (Tomsk, Russia)
- V. GOLDIN**
Doctor of History, Professor, Northern (Arctic) Federal University
named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- T. GRIDINA**
Doctor of Philology, Professor,
Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
- N. DRANNIKOVA**
Doctor of Philology, Professor, European University
at St. Petersburg (St. Petersburg, Russia)
- E. ILYINA**
Doctor of Philology, Professor, Vologda State University
(Vologda, Russia)
- D. KOBLENKOVA**
Doctor of Philology, Professor, Russian State University
of Cinematography named after S. Gerasimov (Moscow, Russia)
- A. KRIVONozHENKO**
Candidate of History, Karelian Research Centre of RAS
(Petrozavodsk, Russia)
- I. KYURSHUNOVA**
Doctor of Philology, Associate Professor, Petrozavodsk
State University (Petrozavodsk, Russia)
- YU. LITVIN**
Candidate of History, Karelian Research Centre of RAS
(Petrozavodsk, Russia)
- O. NIKITIN**
Doctor of Philology, Professor, Federal State University
of Education (Mytishchi, Russia)
- S. NIKONOV**
Doctor of History, Associate Professor, Murmansk
Arctic University (Murmansk, Russia)
- N. PATROEVA**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk
State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. PASHKOV**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk
State University (Petrozavodsk, Russia)
- I. RAZUMOVA**
Doctor of History, Professor, Kola Science
Centre of RAS (Apatity, Russia)
- E. ROSTOVTSEV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)
- M. RUMYANTSEVA**
Candidate of History, Associate Professor, National Research
University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)
- N. SAMOYLOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)
- S. SEMYACHKO**
Doctor of Philology, Institute of Russian
Literature (Pushkinskij Dom) of RAS (St. Petersburg, Russia)
- I. SPIRIDONOVA**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)
- A. TARASOV**
Doctor of History, Karelian Research Centre of RAS
(Petrozavodsk, Russia)
- A. TOLSTIKOV**
Candidate of History, Associate Professor, Petrozavodsk
State University (Petrozavodsk, Russia)
- L. SHESTAKOVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language
Institute of RAS (Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

Пигин А. В.

От редакции 7

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

Селеменова О. А.

Трофонимы в медиатекстах журналов о путешествиях: принципы систематизации и функциональный потенциал. 8

Дьячкова И. Н.

Сегодня у них Грузинской Богородицы, а завтра – Фролу голодному: о некоторых поморских хрононимах в словаре И. М. Дурова. 18

Захарова Е. В., Нагурная С. В.

Урбанонимы Петрозаводска: история двуязычия и проблемы перевода 27

Пеллинен Н. А.

Языковой образ ребенка-сироты (на карельских диалектных материалах) 38

Журавлева Н. С.

Концептуальная основа проекта «Словаря языка И. А. Ефремова» 43

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ
И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ
ЛИНГВИСТИКА

Шестакова Л. Л., Кулева А. С.

Маркеры оценочности в толковом словаре среднего типа: помета «неодобр.» 52

Дроздова М. Н.

Эрратологический аспект реконструкции метафоры в переводах романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» 59

Самара Э. А.

Дательный падеж в значении одушевленного объекта – цели движения с глаголом ёрхочаи. 69

ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ МИРА

Цветков Ю. Л.

Поэтология Г. фон Гофмансталя в биографических заметках «Ad me ipsum» 76

Абрамова О. Г., Пере П. С.

Поэтика Севера в романах Т. Линдгрена и Д. Навикова: типологические схождения 83

Османова К. П.

Трансформация образа толпы в «Признании» Артюра Адамова 88

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Иванова Т. Г.

Г. А. Глинка и его мифологический словарь (из истории фольклористики начала XIX века) 95

Харькова С. Ю.

Христианские хрононимы в былинах: праздники и дни недели 103

Рецензии

Иванова Т. Г.

Рец. на кн.: Как по Толшме по реке...: собрание толшменских частушек 113

Тарланов З. К., Тарланов Е. З.

Рец. на кн.: Власов С. В., Демидов Д. Г. Очерки по языку «Слова о полку Игореве» 117

Маташина И. С.

Рец. на кн.: Сойни Е. Г. Поэзия Финляндии от неоромантизма до рэп-лирики. 119

Научная информация

Андреанова И. С., Харева М. И.

Итоги и перспективы первой Международной научной конференции «Жены-помощницы писателей и поэтов: к 180-летию А. Г. Достоевской»... 121

Юбилей

К 80-летию со дня рождения П. М. Зайкова 123

Contents 124

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» является продолжением журнала 1947–1975 гг.

Журнал вошел в Единый государственный перечень научных изданий – «Белый список», присвоен 2-й уровень (№ ДС/122-пр от 09.09.2025 года)

Журнал перерегистрирован в Перечне рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным отраслям «Исторические науки» (с 20.12.2022 года) и «Филологические науки» (с 21.02.2023 года)

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIN PLUS

Журнал включен в единый реестр научных изданий и публикаций стран Северной Европы «The Nordic List» с 2020 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Ю. С. Марковой

Дата выхода в свет 30.10.2026. Формат 60 × 90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 40 экз.). Изд. № 97

16+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487

от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО
РЕДАКТОРА ЖУРНАЛА**

А. В. Пигин

доктор филологических наук,
профессор

Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)

Российской академии наук

Alexander V. Pigin

Deputy Editor-in-Chief,

Dr. Sc. (Philology), Professor,

Institute of Russian Literature

(Pushkinskij Dom) of the Russian

Academy of Sciences

**УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ
НАШЕГО ЖУРНАЛА!**

Филологический номер включает статьи лингвистов, литературоведов и фольклористов. Среди лингвистических публикаций отметим посвященные изучению хрононимов на материале «Словаря живого поморского языка» И. М. Дурова (И. Н. Дьячкова), двуязычных урбанонимов Петрозаводска (Е. В. Захарова, С. В. Нагурная), лексики карельского языка, связанной с образом ребенка-сироты (Н. А. Пеллинен). В статьях освещаются также проблемы лексикографической практики (Л. Л. Шестакова, А. С. Кулева), грамматики древнегреческого языка (Э. А. Самара), перевода произведений русской классики на европейские языки (М. Н. Дроздова) и др.

В работах литературоведов объектами исследования являются произведения австрийского писателя Гуго фон Гофмансталя (Ю. Л. Цветков), французского писателя Артюра Адамова (К. П. Османова), шведского писателя Торгни Линдгрена в сопоставлении с творчеством современного петрозаводского прозаика Дмитрия Новикова (О. Г. Абрамова, П. С. Пере). Публикуемая подборка свидетельствует о неослабевающем интересе современных филологов к европейской культуре и к изучению русско-европейских литературных связей.

Не так часто в журнале публикуются статьи фольклористов. В настоящем номере вниманию читателя предложены две работы. Известный петербургский фольклорист Т. Г. Иванова представила свое исследование словаря Г. А. Глинки «Древняя религия славян» (1804). Этот труд рассматривается как порождение сложившейся в XVIII веке «кабинетной мифологии»; в статье устанавливаются источники описанной Г. А. Глинкой «религии славян», среди которых античная, скандинаво-германская и индийская мифология, труды европейских авторов. В статье С. Ю. Харьковской анализируются упоминания дней церковного календаря в былинах. Автор приходит к выводу о достаточно позднем включении христианских хрононимов в произведения этого жанра.

В рубрике «Рецензии» даны отзывы на недавно вышедшие научные издания: собрание толшменских частушек, новую книгу о языке «Слова о полку Игореве», монографию Е. Г. Сойни о поэзии Финляндии. В разделе «Научная информация» опубликованы итоги конференции к 180-летию А. Г. Достоевской, которая состоялась в литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге.

Завершается номер поздравлением с 80-летием П. М. Зайкова, доктора филологических наук, известного лингвиста, исследователя карельского языка.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА СЕЛЕМЕНЕВА

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской филологии и журналистики

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина
(Елец, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-0488-8428; ol.semeneva2011@yandex.ru

ТРОФОНИМЫ В МЕДИАТЕКСТАХ ЖУРНАЛОВ О ПУТЕШЕСТВИЯХ: ПРИНЦИПЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

А н н о т а ц и я . Изучается проблема специализированного языка туристического дискурса, в частности функционирования в медиатекстах отечественных журналов о путешествиях номинаций заведений общественного питания, или трофонимов. Цель исследования – систематизация трофонимов и выявление их роли в медиатекстах, реализующих коммуникативный сценарий «путешествие по территории». Эмпирическим материалом послужил контент трех российских журналов о путешествиях: «Russian Traveler», «Вояж» и «Отдых в России». Из 105 проанализированных медиатекстов за 2023–2025 годы методом сплошной выборки было извлечено 224 трофонима, составивших авторскую картотеку примеров. Собранные единицы систематизированы с учетом разных классификационных критериев, в том числе учитывающих их синтагматику: характер отраслевого и спецификационного идентификаторов вида заведения (абсентерия, бар, идзакая, кафе, ресторан и др. / местонахождение / концепция и специализация); особенности структурной организации и грамматической соотнесенности трофонима (слово / словосочетание / предложение); стратегия искусственной номинации (обращение к конкретной аудитории, выделение монопродукта, акцентуация способа приготовления блюд, экспликация жизненной философии этноса и др.); наличие или отсутствие креолизации (креолизованная / некреолизованная номинация). Автор приходит к выводу, что в медиатекстах журналов о путешествиях трофонимы не просто репрезентируют локативные смыслы, а благодаря аккумулярованию историко-культурной информации и выстраиванию ассоциативных связей создают положительный имидж территории, участвуют в формировании привлекательных для потенциального туриста медиаобразов городов и субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: медиалингвистика, журнал о путешествиях, ономастика, искусственная номинация, эргоним, трофоним, медиаобраз территории

Для цитирования: Селеменова О. А. Трофонимы в медиатекстах журналов о путешествиях: принципы систематизации и функциональный потенциал // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 7. С. 8–17. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1361

ВВЕДЕНИЕ

Туризм, выступая социокультурным феноменом и институциональной системой, породил свой собственный тип дискурса – туристический, который характеризуется не только особой сферой коммуникации, тематикой, целью, типом участников, жанровой парадигмой, но и специализированным языком [16], [17], [21]. Хотя отечественные и зарубежные лингвисты проявляют интерес к вербальным средствам разных уровней, в центре их научных изысканий последних лет неизменно присутствуют лексические единицы: неологизмы, экзотизмы, топонимы, экклезионимы, цветообозначения, сленговые слова и др. [1], [8], [11], [13], [15], [18], [19], [20]. Вероятно, подобное обусловлено двумя причинами:

во-первых, именно лексика выступает эффективным средством «убеждения и привлечения все большего числа посетителей» в места, «достойные посещения (перевод наш. – О. С.)» [20: 150]; а во-вторых, в естественных языках, в том числе и в русском языке новейшего периода, лексико-семантическое поле «Туризм», кроме терминов и профессионализмов, аккумулирует широкий пласт слов самых разных тематических сфер – «Архитектура», «Гостиничный бизнес», «Культура», «Досуг», «Религия», «Спорт» и др. [6: 165], что существенно расширяет границы лингвистического анализа.

Интенсивное развитие гастрономического туризма, отражение в текстах туристической сферы национальной идентичности через акцентиро-

вание культурных традиций, среди которых отмечены и пищевые, обуславливают присутствие в языке туристического дискурса номинаций заведений общественного питания. Эти единицы относятся к сфере искусственной онимической номинации, особого типа именотворчества, нацеленного «на создание наименований, которые будут обязательными при официальном употреблении» [3: 43]; и тексты туристического дискурса, распространяемые через каналы и средства массовой информации, способствуют их узуализации.

Анализ накопленных лингвистических данных позволяет констатировать отсутствие единого термина для таких образований: их то рассматривают в качестве разновидности эргонимов, то относят к урбанонимам, эргоурбанонимам или ойкодомонимам. Терминологический разноречивостью, синонимия, соревновательность терминов – проблема для отечественной ономастики не новая, пути ее преодоления еще не найдены. Поэтому ввиду отсутствия общепринятого обозначения для номинаций заведений общественного питания мы будем использовать термин «трофоним», предложенный Г. Н. Стариковой и Хоанг Тхи Хонг Чанг [14]. Его этимология восходит к «греч. троφή – питание, кормление; пища, корм < кормить, питать» [14: 73].

Таким образом, пристальное внимание лингвистов к составу единиц специализированного языка туристического дискурса, а также к процессу производства новых имен собственных для различных профессиональных сфер, в том числе и для претерпевающей в XXI веке значительные изменения (в связи с цифровизацией, персонализацией услуг для повышения конкурентоспособности, переориентацией на внутренний туризм и появлением запросов туристов на событийные, тематические, гастрономические туры и т. д.) сферы туризма, определяет актуальность нашего исследования.

Отметим, что некоторые частные вопросы, касающиеся семантических и графических особенностей тропонимов отдельных городских пространств России и мира (Архангельск, Баку, Барселона, Владивосток, Казань, Калининград, Москва, Мюнхен, Оренбург, Сизтл, Тулуза, Уфа, Харбин, Челябинск, Эдинбург и др.), их морфологических, лексико-семантических способов словообразования, уже были рассмотрены в ряде публикаций [4], [7], [9], [12], [14]. Однако инвентаризация и систематизация тропонимов в медиатекстах журналов о путешествиях все еще не произведены, а функциональный потенциал не изучен. Поэтому цель статьи – классифициро-

вать тропонимы из российских журналов о путешествиях по ряду предложенных критериев и выявить их роль в медиатекстах, которые реализуют коммуникативный сценарий «путешествие по территории».

Источником исследования послужили 105 медиатекстов за 2023–2025 годы, размещенных на сайтах российских журналов о путешествиях «Вояж» (рубрики «Маршруты», «Личный опыт»),¹ «Отдых в России» (рубрики «Регионы», «Куда поехать»),² «Russian Traveler» (рубрики «Путешествия», «Территория гостеприимства»)³. Методом сплошной выборки из них было извлечено 224 тропонима, составивших авторскую картотеку примеров.

При исследовании фактического материала применялись следующие методы: лингвокультурологический анализ, обусловленный постоянным присутствием культурнозначимой информации в медиатекстах журналов о путешествиях; описательный, позволивший обобщить и классифицировать онимические единицы; контекстуальный анализ, используемый для выявления лексического окружения того или иного тропонима; функциональный анализ, необходимый для установления основных функций тропонимов в медиаречи; количественный анализ, который обеспечил первичную количественную обработку собранных единиц.

ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Поскольку медиатексты перечисленных выше рубрик регулярно реализуют специфический коммуникативный сценарий «путешествие по территории» [5: 85], предполагающий объективацию наблюдаемого пространства – от крупных природно-географических объектов до объектов культурного наследия, обладающих архитектурной, художественной, научной ценностью, ключевыми смыслами в них выступают локативные. По мнению Л. Р. Дускаевой, эти смыслы способны выражаться «разноречивыми языковыми средствами», которые, взаимодействуя, «организуют описание разнообразных мест» [5: 87]. Одним из таких средств, полагаем, и выступают тропонимы.

Тропонимы медиатекстов отечественных журналов о путешествиях могут быть систематизированы с учетом разных критериев, прежде всего тех, которые учитывают их синтагматические отношения в контекстах. Примером подобного классификационного критерия служит *отраслевой идентификатор вида заведения общественного питания*. Номинантами отраслевых идентификаторов становятся аппеллятивы, составляющие с тропонимом параллельный суб-

стантивный ряд и находящиеся с ним в аппозитивных отношениях. Отраслевые идентификаторы зачастую представляют единицы с легко выявляемым значением, которое ориентировано на денотат, знакомый отечественному адресату-интерпретатору медиатекста и являющийся частью национальной картины мира типа *ресторан* («Сойка», «Сеновал» и др.), *кондитерская* (BRØD, «Сибирь»), *кафе* (Underdog, «Нескучный сад» и др.), *закусочная* (Bright Israeli Gril, «Шмак» и др.), *бар* (Touche, «Негодяи» и др.). Например:

«На его территории можно остановиться в деревянных домиках, напоминающих терема из сказок, арендовать баню с молодильным чаном и попробовать блюда русской кухни в *ресторане “Малиновый звон”* и *кафе “Раздолье”*» [Маршрут: Нижегородская область // Russian Traveler. 26.07.2024].

Среди лексем, представляющих отраслевые идентификаторы вида заведения питания, наибольшей частотностью реализации в выбранных контекстах обладает лексема *ресторан* – 107 словоупотреблений (ср.: *бар* – 21, *кафе* – 13, *кондитерская* – 2, *закусочная* – 3). Полагаем, объясняется этот факт, с одной стороны, тем, что формат ресторана – уже давно «проверенная, опробованная схема бизнеса, стандартизированная форма ведения бизнес-процесса» [10: 132]; с другой – тем, что журналы о путешествиях, ориентированные на создание привлекательных для аудитории медийных образов территорий, явно оперируют стереотипом, сложившимся в русском национальном сознании и актуализирующимся при упоминании лексемы-триггера: ресторан – заведение с высоким уровнем обслуживания, изысканным и комфортным интерьером, богатым ассортиментом блюд на самый взыскательный вкус, эксклюзивной винной картой:

«Название *ресторана GASTON* переводится с немецкого как “гость” и задает тон всему пространству – здесь ценят комфорт и спокойную, уважительную атмосферу. Интерьер светлый, минималистичный, с акцентами из дерева и камня, вдохновленный северной природой: сопками Хибин и сосновыми лесами Терского берега. Концепцию здешней кухни продумывали шефы с опытом работы в европейских ресторанах, отмеченных гидом MICHELIN. Они по-новому смотрят на классические рецепты, используя локальные продукты... Это место для вдумчивого ужина, где фокус сделан на гастрономию и авторском подходе» [В Мурманске есть: гид по арктической кухне // Russian Traveler. 23.09.2025].

Особо выделяются отраслевые идентификаторы, представленные устаревшими лексемами типа *ресторация* и *поварня* и связанные

с репрезентацией в медиатекстах концептов «история», «пищевая традиция»:

«Тем интереснее будут дегустации – впрочем, вместо слова “дегустировать” тут чаще употребляют “вкушать” – в новом *музее-ресторации “Гербергъ 1-го номера”*, где можно попробовать напитки из “Самогонной азбуки” на каждую букву алфавита, узнать историю усадебного винокурения и предметно изучить русские питьевые традиции» [Идеи для выходных: Коломна и Зарайск, Переславль-Залесский, «Роза Хутор» // Russian Traveler. 18.04.2023].

«С гастрономией в регионе все обстоит наилучшим образом – чего стоит одна только *поварня “Марк и Лев”*, локаворский ресторан в местечке с милейшим названием *Сережки-на-речке*» [Выходные: Тульская область // Russian Traveler. 10.11.2025].

Лексема *ресторация* от фр. *restauration*, впервые зафиксированная в словаре В. И. Даля в значении «ресторань, м. трактирь, чистая харчевня»⁴, отсылает к этапу становления предприятий общественного питания при Петре I, перенявших опыт зарубежных стран; а лексема *поварня*, то есть «кухня, стряпная, приспѣшная, гдѣ готовить кушанья»⁵, – к русским традициям, согласно которым на Руси особое место отводилось печи и отдельному помещению для приготовления пищи. Дearthaизация этих устаревших лексем в новом для них речевом контексте (медиатексты журналов о путешествиях) обусловлена такими современными тенденциями в сфере услуг общественного питания, как «потребность в идентичности и традициях в сфере питания» и «актуализация русской кухни на фоне общедоступности» [2: 121].

Среди отраслевых идентификаторов встречаются и лексемы, которые номинируют денотаты, представляющие инокультурные реалии – особые заведения для приема пищи, часто связанные с конкретным блюдом, продуктом, напитком «чужой» пищевой традиции: *абсентерия* (фр. *absintherie*, заведение, где подают абсент, алкогольный напиток на основе экстракта горькой полыни⁶); графо-фонетические варианты *изакая* / *идзакая* (яп. 居酒屋, тип неформального японского бара, предлагающего алкогольные напитки и закуски⁷); *раменная* (яп. ラーメン屋, заведение с различными видами рамена – блюда японской кухни на основе бульона с пшеничной лапшой; первоначально в Японии это блюдо, пришедшее из Китая, предлагали в маленьких уличных кафе-ларьках, как раз называемых «рамэн-я»⁸); *фобошная* (восходит к вьет. *phở bò*, то есть ‘говяжий суп с лапшой’, а во вьетнамском слово *phở*, вероятно, было заимствовано из французского, от выражения «*pot au feu*»⁹; лексему используют для номинации заведений вьетнамской кухни в России) и др.

«Например, подвалы старинного Соляного рыбного двора на Солянке, где то и дело открываются полусекретные спикизи-бары: бразильский *Botafogo* с коктейлями на основе кашасы, “Тайная комната” с залами в готическом стиле, *абсентерия Silencio Bar* или *изакская Tabi*» [Очень большой путеводитель по гастротрендам Москвы: маркеты, фестивали, веранды и бары // *Russian Traveler*. 03.05.2024].

Востребованность отраслевых идентификаторов в медиатекстах тревел-журналов, эксплицирующих «чужие» пищевые традиции, объясняется еще продолжающимся процессом формирования рынка индустрии питания в современной России и его постоянным пополнением новыми форматами предприятий [10].

Поскольку в медиатекстах журналов о путешествиях предлагается дополнительная информация о местонахождении и концепции референта трофонима, второй классификационный критерий рассматриваемых искусственных номинаций – **спецификация заведения общественного питания**. Согласно ему, выделяются трофонимы, именующие столичные и региональные заведения (московский ресторан *AVA*, петербургский ресторан *Birch*, владивостокский ресторан *Zuma*, хабаровский ресторан *Volna*); предприятия национальной / региональной / авторской кухни (кафе корейского стритфуда *Chicko*, ресторан карельской кухни «*Густав Винтер*», гастробар авторской кухни *BLUSH* и др.); заведения, которые по ассортименту реализуемой продукции являются специализированными или, напротив, неспециализированными (сырный ресторан «*СырБор*», рыбный ресторан *ERWIN* или кафе «*Нескучный сад*», таверна «*Штурман*»). Отнести трофоним к нужной группе обычно помогают атрибутивные лексемы, которые находятся при отраслевых идентификаторах (*арзамасский, винный, греческий, израильский, красноярский, местный, московский, мясной, паназиатский, петербургский* и др.), или словосочетания, построенные по модели «прилаг. + сущ. кухня» (*английская кухня, европейская кухня, локальная кухня, якутская кухня, сибирская кухня* и др.). Подобные лексемы выступают спецификационными идентификаторами к отраслевым:

«Любители европейской кухни найдут идеальные сочетания вкусов в **римском бистро Kulēk** – здесь подают небольшие конвертики из теста с самыми разными начинками в итальянском стиле: с прощутто котто, трюфельной пастой и страчателлой, с рагу из говядины, с моцареллой и песто» [Городская прогулка: новое приключение // *Вояж*. 26.06.2025].

«Чтобы составить полную картину жизни прошлого, загляните в **ресторан старосибирской кухни “Поварня”**, который расположен на территории Тобольского кремля» [Сибирь согревает сердца // *Отдых в России*. 02.09.2023].

Подобные спецификационные идентификаторы наглядно иллюстрируют две основные тенденции российского рынка ресторанных услуг:

– гомогенизацию как результат глобализационных процессов, допускающих обмен своей культуры с «чужими» культурными традициями: *римское бистро Kulēk* в приведенном выше примере, аналогично – *бразильский спикизи-бар Botafogo* (Москва), *паназиатский ресторан Seven* (с. Абрау-Дюрсо) и др.;

– развитие концепции локальной кухни в субъектах РФ: ресторан *старосибирской кухни “Поварня”* в примере, аналогично – *флагман сибирской кухни 0,75 Please* (Красноярск), *ресторан якутской кухни “Тыгын Дархан”* (Якутск) и др.

Если представленные два критерия систематизации трофонимов опираются на их синтагматические связи, взаимодействие со словами ближайшего контекста в медиатекстах, то остальные – непосредственно на особенности их семантики, структуры, графического облика. Так, по критерию **структурной организации и грамматической соотнесенности** номинации заведения общественного питания делятся на три основные подгруппы.

1. Трофонимы-слова. К ним относим однословные номинации, появившиеся в основном в результате трансонимизации гидронимов, хоронимов, антропонимов и т. п. (трофоним «*Сибирь*» (кондитерская) ← хороним *Сибирь* (природно-географический и культурно-исторический регион в Северной Азии) или трофоним «*Келди*» (кофейня) ← антропоним *Келди* (вероятно, Калдим, эфиопский пастух, который, согласно легенде, в IX веке стал первооткрывателем кофе)), они-мизации апеллятивов (трофоним «*Дом*» ← апеллятив *дом* или трофоним «*Kook*» ← апеллятив *kook*, англ. ‘чужак’), а также лексемы-компози-ты, представляющие сложные номинативные единицы, как привычно дефиснооформленные, так и беспробельные (кафе «*Шишки-Мишки*» или ресторан «*КрабыКутабы*»).

2. Трофонимы-словосочетания, состоящие из двух знаменательных слов, организованных обычно на базе присловной подчинительной связи: рестораны «*Полярные Зори*», «*Телячьи нежности*», паб *The Black Swan* (англ. ‘черный лебедь’), бистро *Soul Seoul* (англ. ‘душа Сеула’) и др.

3. Трофонимы-предложения, представленные как двусоставными, так и односоставными единицами: бар *Teach Me How to Drink*, ресторан «*Хочу Пури*», ресторан «*Я в короне*», ресторан «*Фрегат в Пустозерске*» и др. Спорадически в этой группе встречаются номинации, схожие по форме с номинативными предложениями, рас-

члененными и сегментированными построениями: ресторан «*Erwin. Патрики. Павильон. Пруд*» или бар «*Икра. Брют. Устрицы*».

Из представленных групп трофонимов наиболее объемной является первая – трофонимы-слова. Она составляет почти 70 % номинаций авторской картотеки примеров из медиатекстов журналов путешествий (трофонимы-сочетания – 19 %, трофонимы-предложения – 11 %). Тенденция предпочтения однокомпонентных номинаций мест общественного питания характерна для русскоязычной культуры в целом [12: 306]. Так, сопоставляя номинации заведений общественного питания Оренбурга, Эдинбурга и Мюнхена, И. Ю. Моисеева и Е. А. Осыченко утверждают, что однокомпонентные единицы преобладают в лингвистическом ландшафте азиатской столицы России по сравнению со столицей Шотландии и административным центром Баварии, где больше встречаются все же двухкомпонентные образования (приводимое авторами процентное соотношение однокомпонентных единиц таково: 50 : 34 : 35 %, а двухкомпонентных – 38 : 46 : 44 %) [12: 306]. Доминантность трофонимов-слов в медиатекстах журналов о путешествиях объясняем не только указанной общей тенденцией, но и другим фактором. Лаконичность внешней формы обеспечивает их быстрое восприятие и запоминание, но отнюдь не мешает простым по своей структуре единицам наряду с традиционными идентификационной, информативной, рекламной функциями выполнять и культурно-социальную, служить своего рода аккумулятором культурной памяти региона. Трофонимы-слова способны в полной мере реализовывать в журналах о путешествиях коммуникативную стратегию брендинга территорий, создавать и продвигать уникальные медиаобразы конкретных городов и субъектов Российской Федерации, популяризируя внутренний туризм. Например:

«В основе концепции ресторана *Sampo* – огонь в самых разных его проявлениях. Это чувствуется сразу, как только переступаешь порог. Здесь есть и дровяная печь, откуда достают ароматный хлеб на закваске, и смокер для копчения мяса, и большой гриль для сочных стейков и рыбы. Меню целиком построено вокруг даров Севера...» [В Мурманске есть: гид по арктической кухне // Russian Traveler. 23.09.2025].

В приведенном фрагменте текста, тема которого – гастрономия Мурманска, однословный трофоним *Sampo* (карел. *sampo*, *šampo*) связан с чудесным артефактом из карело-фин-

ского эпоса «Калевала» – мельницей, источником счастья, изобилия, благополучия. Выступая репрезентантом семантической доминанты «пространство» в рассматриваемом медиатексте, трофоним *Sampo*, отмеченный своеобразным «мифологическим флером», вместе с лексемой *огонь*, референт которой осмысливается адресантом в качестве инструмента трансформации вкусов, превращения еды в переживание нового опыта, с хоронимом *Север*, со словами лексико-семантической группы «Еда» (*хлеб, мясо, рыба* и др.) создает у адресата представление о наполненном загадками и магией уникальном мире арктической кухни Мурманска и Мурманской области.

Еще один классификационный критерий трофонимов медиатекстов журналов о путешествиях, предлагаемый для их систематизации, – это **стратегия номинации заведения общественного питания**. При всем многообразии таких стратегий – трофонимы могут отсылать к приблизительной локации заведения (например, трофоним «*Амур*», референт которого – ресторан в Хабаровске), возможности насладиться окружающим пейзажем (трофоним «*Небо*», называющий панорамный ресторан), апеллировать к национальной гастрономической традиции (трофоним *RUSKI*), конкретной аудитории (трофоним *Big Wine Freaks*, то есть англ. ‘большие любители вина’), актуализировать монопродукт (трофоним «*Корова*»), блюдо (трофоним «*Плов без лишних слов*»), способ приготовления (трофоним *Smoke BBQ*) и т. д. – основными являются две.

1) Экспликация жизненной философии этноса, его отношения к чему-л. Так, трофонимы *Kefi* и *Meraki* обязаны своим появлением особым концептам греческой культуры, не находящим точных соответствий в русском языке: греческим *kéfi* обозначают ‘состояние неограниченного эмоционального выражения’, а *μεράκι* – ‘душу, вдохновение и силы, которые человек вкладывает в любимое дело’.

Рассмотрим пример функционирования трофонима этой подгруппы в контексте:

«На волжских холмах, среди тишины соснового леса и 60 гектаров парка, скрыта Вилла Плес – резиденция, созданная для тех, кто выбирает красоту вместо суеты. <...> В центре жизни – ресторан *L'Art de Vivre*, где подают блюда из локальных фермерских продуктов и завтраки с видом на Волгу» [7 мест, где в России отдохнуть этой осенью // Russian Traveler. 09.10.2025].

Название ресторана *L'Art de Vivre* никак не связано с местом расположения – Ивановской

областью. Трофоним отсылает к особой философии французской культурной традиции – *l'art de vivre*. Такое «искусство жить» у французов включает гедонистический подход к жизни в целом, особую эстетику повседневности и отношение к гастрономии как социальному ритуалу, полю интеллектуального опыта. Благодаря введению трофонима *L'Art de Vivre* в медиатекст Ивановская область в сознании потенциального туриста начинает ассоциироваться не только с живописными волжскими пейзажами (присутствует упоминание о сосновом лесу и огромном природном парке вокруг загородного комплекса, в котором расположен ресторан) или художественными промыслами (обычно при упоминании Ивановского края вспоминается традиционная строчевая вышивка, лаковая миниатюра из Палеха, ювелирные изделия, выполненные в технике скани), но и с гастрономическими изысками и концептами «неспешная жизнь в удовольствие», «наслаждение моментом».

2) Аккумуляция историко-культурной информации: трофонимы «*Айвазовский*» (оперирование именем известного русского художника-мариниста), «*Гермес*» (др.-греч. *Ἑρμῆς*, один из наиболее почитаемых богов древнегреческой мифологии) или «*Царская охота*» (охота как часть повседневной жизни русских царей, вид традиционного отдыха) и др. Например:

«Вечер стоит провести в ресторане-музее “*Чум*”, где вы получите, пожалуй, самое полное впечатление о сибирской кухне. Здесь вас ждут строганина из муксуна, нельмы и стерляди на ледяной глыбе, жаркое из косули, оленина и медвежатина, соленые грузди, ассорти из щучьей, судачьей и красной икры, потрясающий десерт из ледяной брусники с кедровыми орешками и сгущенкой... И целый строй вкуснейших наливок и настоек» [Магнит Сибири // Отдых в России. 25.03.2023].

Трофоним «*Чум*» даже в изолированном положении включает этнокультурный компонент: ведь чумом называют традиционные жилища конической формы, распространенные у финно-угорских, тюркских, монгольских народов. В контексте в окружении гастрономической лексики (*строганина, оленина, соленые грузди, красная икра, кедровые орехи, муксун, стерлядь* и др.) трофоним становится средством экспликации концепта «сибирская кухня», свидетельствующего, в свою очередь, о формировании локальной гастрономической культуры в России.

На трофонимы, реализующие две указанные стратегии, приходится почти 32 % номинаций авторской картотеки.

Последний выделенный нами классифицирующий критерий трофонимов – **наличие** или **отсутствие креолизации**. Он позволяет дифференцировать описываемые номинации на некреолизованные, представленные только вербальным компонентом в латинице или кириллице, в том числе дореформенной (ресторан «*Ботаника*», кафе «*Блинпон*», ресторан *Harry*, бар *Ikura*, руинный бар «*Профсоюз*», ресторан «*Краснослез Золотовский*» и др.), и креолизованные, включающие знаки иных систем, – цифры, знак «амперсанд», «решетка», слеш и др. (ресторан *#СибирьСибирь*, кафе *Dizengoff99*, ресторан *0,75 Please*, ресторан «*Высота 2320*», ресторан *Black Bar & Grill* и др.).

«Закрепить эстетическое удовольствие от путешествия можно в стильном ресторане “*Дворцовая*” [Сибирь согревает сердца // Отдых в России. 02.09.2023].

«Для тех, кто хочет познакомиться с местными блюдами, работает ресторан сибирской кухни *#СибирьСибирь*, а попробовать вкусы Азии можно в ресторане *Aziatish*» [От Владивостока до Кисловодска: 5 лучших направлений для новогодних каникул // Russian Traveler. 25.11.2025].

В процентном соотношении некреолизованные трофонимы преобладают над креолизованными: соотношение в авторской картотеке примерно 76 % к 24 %. Это, на наш взгляд, свидетельствует о стремлении включать в медиатексты журналов о путешествиях номинации мест питания, в которых нет лишних символов, сложной внешней формы, которые, отталкиваясь от концепции, бренд-стратегии, помогают формировать эмоционально притягательный для потенциального туриста образ территории. Например, трофоним «*Матрешка*» (ресторан в Москве), ассоциируясь с традиционной русской деревянной игрушкой, обещает знакомство с блюдами национальной кухни; трофоним «*Териберский берег*» (ресторан в с. Териберка Кольского района Мурманской области), включающий отонимное прилагательное, – путешествие в мир арктической кухни; а трофоним «*Хельга*» (ресторан в Пскове), связанный с именем княгини Ольги, родиной которой, согласно Степенной книге царского родословия, является «*Выбутская близ града Пскова*»¹⁰, – с локальной гастрономией древнего города.

Все выделенные и описанные типы трофонимов распределяются по проанализированным отечественным журналам о путешествиях следующим образом (см. таблицу).

Типы трофонимов в рассмотренных журналах о путешествиях
Types of troponyms in reviewed travel magazines

№	Классификационные критерии систематизации трофонимов		Название журнала о путешествиях		
			«Russian Traveler»	«Вояж»	«Отдых в России»
1	Отраслевой идентификатор вида заведения общественного питания	ресторан	53	24	30
		кафе	6	4	3
		бар	12	5	4
		кондитерская	1	0	1
		закусочная	3	0	0
		иные (абсентерия, изакая / идзакая, кофейня, ramenная, фобошная и др.)	42	13	23
2	Спецификационный идентификатор заведения общественного питания	местонахождение (столица / регион)	29	10	15
		концепция (национальная / региональная / авторская кухня)	36	13	20
		специализация (сырный / рыбный / мясной / винный и т. д.)	25	8	12
		номинация без указания спецификационного идентификатора в контексте	27	15	14
3	Структурная организация и грамматическая соотнесенность трофонима	слово	75	37	44
		словосочетание	28	5	10
		предложение	14	4	7
4	Стратегия номинации заведения общественного питания	экспликация жизненной философии этноса	13	4	7
		аккумулирование историко-культурной информации	25	10	13
		иные стратегии (отсылка к конкретной аудитории, указание на локацию, якорное (основное) блюдо, монопродукт и т. д.)	79	32	41
5	Наличие / отсутствие креолизации	креолизованная единица	28	11	15
		некреолизованная единица	89	35	46

Из приведенных количественных данных очевидно, что трофонимы разных типов преобладают в медиатекстах журнала «Russian Traveler», что объясняется двумя взаимосвязанными причинами:

– большим количеством медиатекстов, привлеченных к анализу именно из этого издания (ср.: «Russian Traveler» – 56 медиатекстов, «Отдых в России» – 30; «Вояж» – 19);

– регулярным присутствием в указанном журнале медиатекстов, которые, реализуя коммуникативный сценарий «путешествие по территории», обязательно включают гастрономическую составляющую. Она содержит информацию о дегустациях, кулинарных музеях, гастрономических фестивалях, креативных, вовлекающих услугах, отсылающих к аутентичной продукции, местным ресурсам, а также о поведенческих аспектах питания, отражающих бытовой, социально-исторический, духовно-нравственный опыт народа, и т. д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом номинации мест общественного питания, отмеченные в отечественных журна-

лах о путешествиях, отражают ориентацию современной индустрии туризма на внедрение культурно-адаптированного сервиса, когда ресторанный бизнес стремится учесть этнические гастрономические особенности, пищевые традиции, предпочтения гостей, что, в свою очередь, связано с процессом глокализации, объединяющим глобальные и локальные тенденции.

Систематизация трофонимов медиатекстов может осуществляться с опорой на самые разные критерии: структурная организация и грамматическая соотнесенность трофонима, используемая при нейминге предприятия стратегия искусственной номинации, смешение знаков разных знаковых систем при создании наименования, отраслевой идентификатор вида заведения общественного питания и его спецификация.

Референты трофонимов выступают неотъемлемыми единицами социокультурного пространства разных населенных пунктов и субъектов РФ (Москва, Санкт-Петербург, Воронеж, Владивосток, Новосибирск, Псков, Архангельская область, Ивановская область, Мурманская область, Тульская область и др.), поэтому номинации мест общественного питания лег-

ко включаются в состав вербальных средств, осуществляющих региональную идентификацию в медиатекстах отечественных журналов о путешествиях. Они нацелены на конструирование позитивной известности территории и привлекательности определенных туристских дестинаций. Особую роль в этом процессе играют две группы тропонимов: те, которые даже в изолированном положении заключают в себе

историко-культурную информацию, непосредственно связанную с историей, богатым наследием России, ее регионов и городов, и те, которые, взаимодействуя в контексте с другими лексемами (онимами, апеллятивами, атрибутивной лексикой), создают определенные ассоциативные связи, за счет чего и участвуют в моделировании уникальности городов и регионов РФ в медиапространстве.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Вояж [сайт] – первый на российском медиарынке туристический журнал: <https://voyagemagazine.ru>.
- ² Отдых в России [сайт] – первый в России гляцевый журнал о внутреннем и въездном туризме: <https://rustur.ru>.
- ³ Russian Traveler [сайт] – журнал-путеводитель по России и популярным среди российских путешественников странам и направлениям: <https://rtraveler.ru>.
- ⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1863–1866. Ч. IV. С. 83.
- ⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1863–1866. Ч. III. С. 129.
- ⁶ Jad A. Hideous absinthe. A history of the Devil in a bottle. London; New-York: I. B. Tauris, 2004. 305 p.
- ⁷ De Mente B. L. Amazing Japan! Why Japan is one of the world's most intriguing countries! Phoenix, AZ: Phoenix Books, 2009. P. 52.
- ⁸ Сталкер Н. Япония. История и культура: от самураев до манги / Пер. с англ. О. Воробьева. М.: Альпина Паблишер, 2020. 584 с.; Никитина Л. В. Традиционность и новизна кулинарной культуры современной Японии // Scientific-Researches. 2016. № 5 (5). С. 7–10.
- ⁹ Bloom D. What's that Pho? – French loan words in Vietnam hark back to the colonial days // Taipei Times. 29.05.2010. P. 16.
- ¹⁰ Левин Н. Ф. Княгиня Ольга в Псковской истории // Псковская правда. 1995. 19, 20 июля [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pskoviana.ru/istoriya/istoriya-pskovskoj-oblasti/315-knyaginya-olga-v-pskovskoj-istorii-1> (дата обращения 02.01.2026).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брагина М. А., Левина В. Н. Образ пространства Тувы в Рунете // Новые исследования Тувы. 2023. № 4. С. 185–199. DOI: 10.25178/nit.2023.4.13
2. Волобуев В. В., Третьяк А. С., Волобуева Т. В., Ларина Е. О. Современные тенденции в сфере услуг общественного питания: влияние раннесоветского наследия // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2025. № 70. С. 115–129. DOI: 10.17223/19988648/70/7
3. Голомидова М. В. Искусственная номинация в русской ономастике: Монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1998. 232 с.
4. Доржиева Г. С., Ткачева А. О. Эргонимы в туристическом дискурсе: типологический и функциональный аспекты (на примере эргонимов Республики Бурятия) // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 3. С. 39–49.
5. Дускаева Л. Р. Познавательно-просветительская медиаречь: репрезентация коммуникативного сценария трэвел-медиатекстов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 26 (197). Вып. 24. С. 85–92.
6. Загоровская О. В., Алькудах А. К. М. Динамические процессы развития лексики тематической сферы «Туризм» в русском языке новейшего периода // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2016. № 1 (270). С. 164–168.
7. Зубрицкая Е. В., Шкапенко Т. М. Репрезентация локальной идентичности в лингвистическом ландшафте Калининграда // VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал. 2024. № 2 (12). С. 19–33. DOI: 10.34680/VERBA-2024-2(12)-19-33
8. Ильин Д. Ю. Региональные топонимические названия в туристическом дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2016. Т. 15, № 4. С. 152–158. DOI: 10.15688/jvolsu2.2016.4.15
9. Исакова А. А. Гибридные наименования кафе и ресторанов Тюмени, Сизтла и Тулузы // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2019. Т. 5, № 3 (19). С. 38–51. DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-3-38-51
10. Крылова Р. В. Современные форматы предприятий индустрии питания // Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration. 2017. Т. 6, № 4 (21). С. 132–136.
11. Малютина С. А., Ворожбитова А. А. Вербально-семантическая инструментовка экскурсионного дискурса (лексический уровень) в лингвориторической парадигме // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 4. С. 34–44. DOI: 10.29025/2079–6021-2019-4-34-44

12. Моисеева И. Ю., Осыченко Е. А. Структурно-семантическое исследование образования эргонимов: сравнительный аспект // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, № 2 (27). С. 305–308. DOI: 10.26140/bgj3-2019-0802-0073
13. Селеменова О. А. «Гейша», «бюнад», «женневер»: экзотизмы как репрезентанты геокультурных образов в туристическом дискурсе // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 23, № 1. С. 33–45. DOI: 10.25205/1818-7935-2025-23-1-33-45
14. Старикова Г. Н., Хоанг Тхи Хонг Чанг. Трофонимы (ресторонимы) как особый тип эргонимов (на материале имен заведений общественного питания Москвы) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 47. С. 72–87. DOI: 10.17223/19986645/47/5
15. Шаповалова Е. О. Языковые инструменты формирования туристической привлекательности (на материале сайтов итальянских туроператоров) // Вестник Марийского государственного университета. 2021. Т. 15, № 1. С. 110–116. DOI: 10.30914/2072-6783-2021-15-1-110-116
16. Dann G. The language of tourism: a sociolinguistic perspective. Wallingford: CAB International, 1996. 298 p.
17. Francesconi S. Reading tourism texts: a multimodal analysis. Bristol: Channel View Publications, 2014. 200 p.
18. Higgins C., Ikeda M. The materialization of language in tourism networks // Applied Linguistics Review. 2019. Vol. 12, No 1. P. 123–152. DOI: 10.1515/applirev-2019-0100
19. Isti'annah A., Suhandano, Winarti D. Metaphors in promotional discourse of Indonesian tourism: ecological discourse analysis // Jordan Journal of Modern Languages & Literatures. 2025. Vol. 17, No 1. P. 181–204. DOI: 10.47012/jjml.17.1.9
20. Kiss I. The persuasive discourse function in the language of tourism // Argumentum. 2018. No 14. P. 150–162.
21. Thurlow C., Jaworski A. Tourism discourse: language and global mobility. Palgrave: Macmillan, 2010. 282 p.

Поступила в редакцию 12.01.2026; принята к публикации 16.06.2026; дата публикации 30.10.2026

Original article

Olga A. Selemeneva, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Professor, Bunin Yelets State University (Yelets, Russian Federation)

ORCID 0000-0002-0488-8428; ol.selemeneva2011@yandex.ru

TROPHONYMS IN THE TRAVEL MAGAZINE MEDIA TEXTS: PRINCIPLES OF SYSTEMATIZATION AND FUNCTIONAL POTENTIAL

Abstract. The article deals with the problem of the specialized language of tourist discourse, in particular, with functioning of the nominations of food service establishments, or troponyms, in the media texts of Russian travel magazines. It aims to systematize and identify the role of troponyms in media texts that implement the communicative scenario of “traveling through a territory”. The empirical material of the study was the content of three Russian travel magazines: *Russian Traveler*, *Voyage*, and *Otdykh v Rossii (Rest in Russia)*. Using a continuous sampling method, 224 troponyms were extracted from the 105 media texts analyzed in 2023–2025, which formed the author’s collection of examples. The collected units were systematized based on various classification criteria, including their syntagmatics: the nature of the industry and specification identifiers for the type of establishment (absinthe lounge, bar, izakaya, cafe, restaurant, etc. / location / concept and specialization); features of the structural organization and grammatical correlation of the troponym (word / phrase / sentence); strategy of artificial nomination (addressing a specific audience, highlighting a single product, emphasizing the cooking method, explicating the ethnos’s philosophy of life, etc.); presence or absence of creolization (creolized / non-creolized artificial nomination). The author concludes that in the media texts of travel magazines troponyms not only represent local meanings, but also create a positive image of the territory by accumulating cultural connotations and building associative links. This helps to form attractive media images of cities and regions of the Russian Federation for potential tourists.

Key words: mediating linguistics, travel magazine, onomastics, artificial nomination, ergonym, troponym, media image of a territory

For citation: Selemeneva, O. A. Troponyms in the travel magazine media texts: principles of systematization and functional potential. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(7):8–17. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1361

REFERENCES

1. Bragina, M. A., Levina, N. V. The image of Tuva’s space in Runet. *The New Research of Tuva*. 2023;4:185–199. DOI: 10.25178/nit.2023.4.13 (In Russ.)
2. Volobuev, V. V., Tretyak, A. S., Volobueva, T. V., Larina, E. O. Contemporary trends in the public catering sector: the impact of the early Soviet heritage. *Tomsk State University Journal of Economics*. 2025;70:115–129. DOI: 10.17223/19988648/70/7 (In Russ.)

3. Golomidova, M. V. Artificial nomination in Russian onomastics: Monograph. Ekaterinburg, 1998. 232 p. (In Russ.)
4. Dorzhieva, G. S., Tkacheva, A. O. Ergonyms in tourist discourse: typological and functional aspects (a case study of ergonyms of the Buryat Republic). *Moscow University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*. 2020;3:39–49. (In Russ.)
5. Duskaeva, L. R. Educational media speech: representation of the communicative script of travel media texts. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Philology. Journalism. Pedagogy. Psychology*. 2014;24(26):85–92. (In Russ.)
6. Zagorovskaya, O. V., Alqudah, A. Q. M. Dynamic development processes in the vocabulary of the thematic sphere “Tourism” in the modern Russian language. *Izvestia Voronezh State Pedagogical University*. 2016;1(270):164–168. (In Russ.)
7. Zubritskaya, E. V., Shkapenko, T. M. Representation of local identity in Kaliningrad linguistic landscape. *VERBA. Northwest Linguistic Journal*. 2024;2(12):19–33. DOI: 10.34680/VERBA-2024-2(12)-19-33 (In Russ.)
8. Iliyn, D. Yu. Regional toponyms in tourism discourse. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2016;15(4):152–158. DOI: 10.15688/jvolsu2.2016.4.15 (In Russ.)
9. Isakova, A. A. Hybrid names of cafes and restaurants in Tyumen, Seattle, and Toulouse. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*. 2019;5(3):38–51. DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-3-38-51 (In Russ.)
10. Krylova, R. V. Modern formats of enterprises in the food industry. *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*. 2017;6(4-21):132–136. (In Russ.)
11. Malyutina, S. A., Vorozhbitova, A. A. Verbal and semantic tools of excursion discourse (lexical level) in linguistic and rhetorical paradigm. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2019;4:34–44. DOI: 10.29025/2079–6021-2019-4-34-44 (In Russ.)
12. Moiseeva, I. Yu., Osychenko, E. A. Structural and semantic research of the formation of ergonym: a comparative aspect. *Baltic Humanitarian Journal*. 2019;8(27):305–308. DOI: 10.26140/bg23-2019-0802-0073 (In Russ.)
13. Selemeneva, O. A. “Geisha”, “bunad”, “gennever”: exoticisms as representatives of geocultural images in tourist discourse. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2025;23(1):33–45. DOI: 10.25205/1818-7935-2025-23-1-33-45 (In Russ.)
14. Starikova, G. N., Hoang Thi Hong Trang. Trophonyms (restauronyms) as a special type of ergonyms (on the material of Moscow eating place names). *Tomsk State University Journal of Philology*. 2017;47:72–87. DOI: 10.17223/19986645/47/5 (In Russ.)
15. Shapovalova, E. O. Language tools for creating tourist attractiveness (based on Italian tour operators’ websites). *Vestnik of the Mari State University*. 2021;15(1):110–116. DOI: 10.30914/2072-6783-2021-15-1-110-116 (In Russ.)
16. Dann, G. The language of tourism: a sociolinguistic perspective. Wallingford, 1996. 298 p.
17. Francesconi, S. Reading tourism texts: a multimodal analysis. Bristol, 2014. 200 p.
18. Higgins, C., Ikeda, M. The materialization of language in tourism networks. *Applied Linguistics Review*. 2019;12(1):123–152. DOI: 10.1515/applirev-2019-0100
19. Isti’annah, A., Suhandano, Winarti, D. Metaphors in promotional discourse of Indonesian tourism: ecological discourse analysis. *Jordan Journal of Modern Languages & Literatures*. 2025;17(1):181–204. DOI: 10.47012/jjml.17.1.9
20. Kiss, I. The persuasive discourse function in the language of tourism. *Argumentum*. 2018;14:150–162.
21. Thurlow, C., Jaworski, A. Tourism discourse: language and global mobility. Palgrave, 2010. 282 p.

Received: 12 January 2026; accepted: 16 June 2026; published: 30 October 2026

ИРИНА НИКОЛАЕВНА ДЬЯЧКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и прикладной лингвистики Института филологии

Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-2869-8733; gyla4@yandex.ru

СЕГОДНЯ У НИХ ГРУЗИНСКОЙ БОГОРОДИЦЫ, А ЗАВТРА – ФРОЛУ ГОЛОДНОМУ: О НЕКОТОРЫХ ПОМОРСКИХ ХРОНОНИМАХ В СЛОВАРЕ И. М. ДУРОВА

А н н о т а ц и я . Рассматривается потенциал «Словаря живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении» Ивана Матвеевича Дурова для изучения хрононимов – названий временных отрезков, связанных с определенными датами, событиями, периодами годового времени в поморском промыслово-хозяйственном и праздничном календаре. Актуальность исследования продиктована необходимостью дальнейшего изучения отдельных пластов лексики и фразеологии севернорусских говоров, в том числе в этимологическом и культурно-мотивационном аспектах. Впервые проводится культурно-семантический анализ хрононимов в поговорке *Сегодня у них Грузинской Богородицы, а завтра – Фролу голодному* и образной поморской номинации *Федосья рыскуня*. Определение семантической мотивации представленных выражений позволяет сделать вывод об их связи с общерусским земледельческим календарем, а в случае с чествованием дня и образа Грузинской Богородицы – с историей развития православия на Русском Севере. Оба примера являются яркой иллюстрацией того, как в языке и фольклоре региона находят отражение локальные черты календарно-праздничной культуры.

К л ю ч е в ы е с л о в а : хрононимы, диалектная паремиология, поморские говоры, история и культура Поморья, И. М. Дуров, «Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении», Русский Север

Д л я ц и т и р о в а н и я : Дьячкова И. Н. *Сегодня у них Грузинской Богородицы, а завтра – Фролу голодному: о некоторых поморских хрононимах в словаре И. М. Дурова* // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 7. С. 18–26. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1362

ВВЕДЕНИЕ

«Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении» Ивана Матвеевича Дурова, изданный только в 2011 году на основе рукописи, хранившейся без малого 80 лет в Научном архиве КарНЦ РАН, несмотря на сравнительно недавнее включение в научный оборот, уже получил признание исследователей как уникальный источник сведений о языке и традиционной культуре Поморья [1], [2], [8], [9], [12], [13], [14], [17]. Сопоставляя труд И. М. Дурова с авторским словарем одного из его предшественников в изучении говоров Русского Севера Г. И. Куликовского, В. П. Кузнецова вполне справедливо отмечает, что

«по содержанию его словарь заметно отличается глубоким знанием поморского говора, толкованием не только слов, но и словосочетаний, устойчивых выражений, обилием примеров из живой речи, развернутым описанием обрядов, поверий, особо значимых народных терминов» [13: 109].

Ценность материалов, заключенных в этом словаре, обусловливается также тем, что они были собраны автором на четко определенной территории Кемско-Сорокского Беломорья в тот период (примерно с 1912 по 1932 год), когда в этом крае еще не было «пришлого населения», а разработкой диалектных словарей в стране практически не занимались [2: 493], [13: 109].

В богатейшем собрании фольклорно-этнографического материала, представленном И. М. Дуровым, значительное место отводится, в частности, поморской календарной обрядности и терминологии – хрононимам. Традиционно под хрононимами в лингвистике понимаются «наименования отрезков годового времени (дней, недель, постов, мясоедов и т. д.), приуроченных к календарным датам либо к подвижным православным праздникам» [16: 79]. Сопоставление материалов поморского словаря с этнографическими исследованиями,

отражающими хрононимию Беломорья [4], [5], [7], подтверждает его самостоятельную ценность как источника, не только дополняющего наши представления о календарно-обрядовом комплексе, характерном для данной территории, но и во многом расширяющего и углубляющего соответствующие сведения, которые к тому же в основном известны из более поздних, чем у И. М. Дурова, записей. Всего в «Словаре живого поморского языка» фиксируется более 130 словарных статей (контекстов значительно больше), где упоминается та или иная хрононимическая лексика¹.

Поморская хрононимия представлена в словаре как самостоятельно (см. соответствующие статьи к упрощенно-диалектным названиям традиционных церковных праздников *Веденьё* (и *Веденьёв день*), *Рождество*, *Крещение*, *Паска*, *Троица*, *Сдвижение* (и *Здвижение*), *Успенье*), так и в составе образных выражений и именовании (*Егорий в укорци сел, садитьце о Святках, Дарья засериха*), а также фольклорных текстов – пословиц, поговорок, примет, песен, загадок, обрядовых комментариев: см., например:

Дарья семиделка, всем делам невыделка. Сум. (Дуров: 93); *В мясное воскресенье тепло, тихо и идет снег – к промысловому лету на Мурмане.* Повс. (Дуров: 233); *У ёго, скалыжника, о Крещеньи куска льду не вымолишь.* Повс. (Дуров: 376); *Не нападывай пороха, / Не нападывай молода / На талую землю; / Чтоль на талую землю, / На траву мураву; / На траву мураву, / На злое коренье, / В Петрово – говеньё, / В Петрово – говеньё, / В вербно воскресеньё.* Повс. (Дуров: 77) и др.

Словарь подтверждает, что поморский народно-праздничный календарь сформировался на общерусской основе: это отражается и в названиях отдельных праздников, и в традиционном делении года на два основных цикла – весенне-летний (*Паска*, *Егорьев день* (*Егорей*), *Микола вёшной* (*Весённой Микола*), *Троица*, *Иванов*, *Петров*, *Ильин дни*, *Успенье*) и осенне-зимний (*Покров*, *Микола зимний*, *Святки*, *Крещение*, *Масленна*), на что указывает в отношении Поморья в целом Т. А. Бернштам [5: 89–90].

Материалы словаря также интересны тем, что в них фиксируется информация о местных, характерных только для Карельского Беломорья, престольных (храмовых) и съезжих праздниках и связанных с ними традициях. См., например, статьи к словам *ба́йна* (Дуров: 12), *варва́рить* (пример ниже), *кругова́я* (Дуров: 194), *Нико́льска* (Дуров: 252), *Петро́вско* (Дуров: 296), *съезжа́ющей пра́зник* (Дуров: 400) и др.:

«**Варварить**, -рю, -ит, -ят. То же, что и Субботить, т. е. заниматься уборкою, подчисткою и обмывкою в доме на религиозный праздник церковников – Варвары

(Храмовой праздник считался в д. Выгостров 4 декабря). Выг., Шиз., Сор.» (Дуров: 45).

Дополняет представленные сведения целый ряд хрононимических дериватов, которые даются как в виде отдельных словарных статей, так и просто в иллюстративных контекстах. Ср. подачу семантически сходных обозначений:

«**Семеньской зарос.** Говорится о произрастании волнух 1-го сентября. Примета: *Семеньской зарос волнух последней.* Сум., Сор.» (Дуров: 373);

«**Ильинской**, -ого; м., ед. Перед Ильиным-днем, до Ильина-дня, в Ильин-день. Примета: *Первый зарос волнух – Ильинской.* Повс.» (Дуров: 155).

Однако за редким исключением, представленным выше, соответствующие хрононимические производные связаны с рыболовным промыслом и отражают приуроченные к большим годовым праздникам «походы» сельди (массовые появления рыбы в традиционных местах ловли):

варвареньска сельдь (Дуров: 45), *веденьёвска сельдь* (Дуров: 46), *егорьевска(я) сельдь* (Дуров: 110), *заговенска сельдь* (Дуров: 125), *ивановска(я) (иванска(я)) сельдь* (Дуров: 151), *михайловска сельдь* (Дуров: 225), *никольска(я) сельдь* (Дуров: 252), *успенска(я) сельдь* (Дуров: 373).

В приведенных примерах проявляется специфика поморского промыслово-хозяйственного календаря, который, судя по этнографическим источникам, отличался такого рода особенностью повсеместно [4], [5], [7]. М. Н. Власова, изучавшая промысловый календарь поморов Терского берега, отмечает, что в его связке с важнейшими православными датами отразились не только многовековые наблюдения за сезонными миграциями рыбы (на Терском берегу – семги), но и вера, «согласно которой рыба “толпится” по праздникам, словно бы собираясь в церковь “праздничным ходом”, и радуется по воле Творца» [7: 239].

Между тем в ряду местных названий праздников или их упоминаний в составе образных выражений у И. М. Дурова можно встретить и такие, которые в исследовательской литературе, посвященной поморской календарной обрядности, во всяком случае, по нашим данным, не отмечаются.

Не имея возможности в рамках данной статьи детально осветить эту проблему, остановимся на двух выражениях, содержащих в себе отсылку к определенным праздничным датам, которые, как кажется, ранее не привлекали внимания исследователей либо не получили развернутого лингвокультурологического комментария в силу своего периферийного положения в традиционном календарно-праздничном комплексе Поморья.

СЕГОДНЯ У НИХ ГРУЗИНСКОЙ БОГОРОДИЦЫ, А ЗАВТРА – ФРОЛУ ГОЛОДНОМУ

Указанная паремия представлена И. М. Дуровым в отдельной словарной статье, посвященной исключительно этой поморской поговорке:

«Грузинской Богородицы. Выражение о людях, не умеющих жить и есть экономно: едят много и роскошно, когда есть изобилие продуктов, а нет их – сидят голодом. О таких людях говорят: *сегодня у них грузинской Богородицы, а завтра – Фролу голодному*. Сор., Сум.» (Дуров: 89).

Известно, что Грузинская икона Божией Матери является одной из чудотворных икон, особо почитаемых Русской православной церковью. В частности, список этой иконы 1661 года, тоже прославившийся своими чудесами, считается одной из святынь казанского Раифского Богородичного мужского монастыря [19: 64]. Празднование образа Грузинской Богородицы было установлено в 1650 году и по сей день совершается 22 августа (4 сентября по нов. ст.) [19: 63]. Вместе с тем приведенная информация мало проясняет тот факт, почему упоминание именно этой богородичной иконы и дня ее памяти закрепилось в поморском высказывании, чем был мотивирован выбор, который может в понимании этой паремии (при более известных в храмостроении, иконографии Русского Севера образах Казанской, Владимирской, Тихвинской икон Богоматери) повести по ложному пути, как будто бы говоря нам о людях, отмечающих не только основные, но и второстепенные церковные праздники и в процессе постоянного празднования забывающих о завтрашнем дне. Во всяком случае, именно такое впечатление сложилось у автора данной статьи при первичном знакомстве с анализируемым выражением.

Однако обращение к истории иконы Грузинской Богоматери корректирует представление о вторичности даты ее чествования в поморском народно-праздничном календаре: на самом деле судьба этого образа оказывается непосредственно связанной с историей и культурой Беломорья.

Еще в XVII веке икона Грузинской Божьей Матери была передана в дар ярославским купцом Третьяком Лыткиным Черногорскому (позднее – Красногорскому) Богородичному монастырю на Пинеге под Архангельском [11]. Сам чудотворный образ получил такое название, поскольку, по преданию, был вывезен из Грузии во время нападения персидского шаха Аббаса и уже в Персии приобретен для купца Лыткина, откуда далее был доставлен в Россию [19: 60]. По-

читание иконы Грузинской Богоматери началось в XVII веке, когда, будучи привезенной в Москву для поновления во время эпидемии чумы, она явила чудеса исцеления. В этот же период и особенно в Петровскую эпоху культ образа Грузинской Богородицы достиг общерусского масштаба; еще при царе Алексее Михайловиче его для сбора пожертвований стали торжественно носить в Вологду, Великий Устюг, Переславль-Залесский, Москву, Сибирь, что «способствовало всероссийской славе иконы из отдаленного северного монастыря» [10: 83].

Что касается Поморья, то здесь уже в момент своего появления в 1629 году эта икона стала местночтимой святыней. Укреплению данного статуса на рубеже XVII–XVIII веков способствовала деятельность архиепископа Холмогорского и Важского Афанасия, по распоряжению которого, ввиду челобитной «всех чинов, крестьян и стрельцов, не имевших возможности самим добраться до Красногорского монастыря, но желавших молиться чудотворной иконе» [10: 95], с 1698 года образ Грузинской Богородицы ежегодно доставлялся крестным ходом с Пинег в Холмогоры, а позднее, с 1763 года, такой чести удостоился Архангельск. С этого времени икона регулярно покидала Красногорский монастырь 22 августа и пребывала в Архангельске с конца августа до третьей (Крестопоклонной) недели Великого поста, после чего возвращалась в обитель через Холмогоры и все стоящие на этом пути приходские храмы [10: 95–96]. Икона Грузинской Богоматери считалась покровительницей архангельской Маргаритинской ярмарки².

Естественно, что при таком распространении почитания образа Грузинской Богородицы в Беломорье день празднования ее иконы в православном календаре абсолютно точно не был для религиозных поморов проходной датой, в том числе на отдаленных от Архангельска территориях. В определенной мере показательны пометы словаря, которые приводит И. М. Дуров, отмечая, что анализируемое выражение было зафиксировано им в наиболее крупных селах Поморского берега – Сороке и Сумском Посаде, а именно в них немалую часть населения составляли купцы, богатые промысловики, зажиточные крестьяне, которые ежегодно выезжали на Маргаритинскую ярмарку в Архангельск. Почитание Грузинской Богоматери на Поморском берегу оставило свой след и в храмовой архитектуре Беломорья: так, в 1885 году в селе Териберка была

возведена каменная церковь, посвященная этому иконописному образу, – знаменательно в свете наших рассуждений, что инициатором и основным жертвователем на строительство этого храма стал промышленник с Поморского берега, уроженец с. Колежма Кемского уезда Иван Васильевич Кочин³.

Обсуждая проблему семантико-мотивационной реконструкции анализируемой паремии, нельзя обойти вниманием и ее вторую часть – *Фролу голодному*, которая также нуждается в специальных комментариях. Имя собственное в контексте этой поговорки, по всей видимости, отсылает нас ко дню православных святых Флора (нар. Фрола) и Лавра, который церковь отмечает 31 / 18 августа по ст. ст. Этот же день в русском общенародном календаре почитался как *лошадиный (конский)* праздник. С. В. Максимов указывает, что в Новгородской, Костромской, Вологодской губерниях для так называемой *конной молебны* – специального молебна, во время которого животных кропили святой водой, возводили отдельные часовни в лесу, за пределами поселений, куда в этот день пригоняли лошадей⁴. Празднование Фроленья (Хроленья) в Кадниковском уезде Вологодской губернии (ныне Коношский р-н Архангельской обл.) с сопровождавшими его лошадиными скачками на «буге» (кладбище) подробно описывается в этнографических трудах А. А. Шустикова⁵ [6: 123].

О почитании святых «лошадиников» на прилегающих к Поморью территориях свидетельствует П. С. Ефименко: так, по сообщениям его информантов, в Тулгасском приходе Шенкурского уезда тоже проходили торжественные молебны, когда «въ празднованіе Флору и Лавру (18 августа) все домохозяева, исключая раскольниковъ, приводятъ своихъ лошадей къ часовне означенныхъ святыхъ, для кропленія святою водою»⁶. В Пинежском уезде, как отмечает этнограф, этот день традиционно входил в разряд *канунов* – праздников, посвященных православным святым, во время которых устраивались *братчины* – общинные деревенские трапезы со специально сваренным к этому дню пивом и приготовленным вскладчину угощением. Также в дни канунов в отдельных деревнях проводился крестный ход: «...носятся изъ приходскихъ церквей въ празднуюющія деревни хоругви и иконы. Тогда дома, поля, пожни и скоть окропляются св. водою»⁷.

Вместе с тем этнографические источники не упоминают о каких-либо постных традициях

на Русском Севере в этот день, что обычно связывается в народном православии с характеристикой *голодный* в составе хрононимов, например, в таких номинациях, как *Лука голодный* (*Луков день*) – день памяти святого и евангелиста Луки (31 / 18 октября по ст. ст.), *Голодная кутья* – канун Крещения (18 / 5 января по ст. ст.), сопряженные с полным или частичным пищевыми запретами [18: 61]. В конце лета, когда отмечался праздник Флора и Лавра, не могло идти речи и об отсутствии продуктов, что, в частности, отразилось в народном именовании весеннего дня памяти Георгия Победоносца (6 мая / 23 апреля по ст. ст.) *Егорием голодным* – *На Руси два Егория: один холодный*⁸, *другой голодный* (9 декабря и 6 мая) [18: 217].

Объяснить поморское выражение *Фрол голодный* в таком случае можно попытаться посредством обращения к его земледельческой символике. Так, общерусское распространение получило предписание, обусловленное во многом природными реалиями Нечерноземья, что до Фролова дня нужно обязательно завершить посев озимых:

Сей озимь от Преображенья до Флора (до Фрола) (без указ. места); *На Флора и Лавра досевки* (без указ. места) (Даль 4: 539); *До Фрола если не посеют озимь, то всё уже (костром.)*; *Фрол – он голой был, лысой, значит, рожь не родится* (прикам.) (РНК: 465).

Запрет сеять после этого дня – иначе останешься голодным – закрепился в большом количестве примет, пословиц и поговорок, распространенных повсеместно:

Если до Фрола не отсеешь, фролы и родятся, цветы, цветочки, один куколь (без указ. места); *Кто сеет на Фрола, у того фролки и будут* (без указ. места); *После поры родятся фролки* (без указ. места) (Даль 4: 539).

где *фролы, фролки* понимаются как ‘сорные травы, вырастающие в поле после 18 / 31 августа’ (РНК: 466). См. сходные приметы в иллюстрации к слову *фролы* в медвежьегорских говорах: **Фро́лы**, м. <...> 2. Колосья ржи, посеянной после Фролова дня, поздняя рожь. Рожь сеют 19 августа, а кто позднее, говорят: «О Фро́лы посеешь, фро́лы и вырастут». Медв. (СРГК 6: 689), где, несмотря на иное толкование лексемы *фролы* (верное ли в свете приведенных выше данных?) и перенос даты посева на 19 августа (ошибка составителей / информантов?), сохраняется общая негативная оценка не вовремя посеянной ржи. Еще большей экспрессией в адрес нерадивых хозяев, не справившихся с посевом до обозначен-

ного срока, наполнены выражения *Фрол пришел – по лукошку дал* (прикам.), *Фрол в сито насерет* (прикам.), *Фрол насерет в лукошко* (костром.) и под. (РНК: 465).

Что касается упоминания *голодного Фрола* в Поморье, то, по всей видимости, здесь мы сталкиваемся с той ситуацией, когда специфический для данной территории промыслово-хозяйственный календарь, обусловленный иными природными условиями и преимущественно не сельскохозяйственной деятельностью населения, продолжает сохранять связь с общерусской аграрной основой и традициями соседних, земледельческих территорий Русского Севера, на что неоднократно указывали исследователи, в частности Т. А. Бернштам [5: 90], см. также: [7: 239], [15: 197–198]. При этом за выражением *голодный Фрол* скрывается в анализируемой поговорке, как можно предположить, не столько конкретный день, сколько определенный отрезок времени, поскольку нарушение предписания отсечь к установленной дате угрожало крестьянину жизнью впроголодь целый год. Заметим, что такая трактовка не противоречит ироничному пафосу анализируемой поговорки, в которой один праздничный день, прожитый на широкую ногу, противопоставляется всему остальному периоду, по-видимому – до получения очередного дохода, когда человек вынужден жить, отказывая себе даже в необходимом⁹.

ФЕДОСЬЯ РЫСКУНЬЯ

Рассмотренный выше случай не единственный пример взаимодействия общерусской и локальной календарной традиций Поморья. Если паремия о Грузинской Богородице и Фроле Голодном показывает, как в поговорке совмещаются церковные, хозяйственно-бытовые, аграрные реалии, то название *Федосья рыскунья* представляет иную разновидность хрононима. В традиционном календарном комплексе поморов так назывался день памяти преподобномученицы Феодосии Константинопольской, приходящийся на 11 июня / 29 мая по ст. ст. См. статью, посвященную этой дате, в словаре И. М. Дурова: «**Федосья рыскунья**. День 29 мая. Говорят: в этот день обязательно в море где-либо бывает шторм. Повс.» (Дуров: 423).

Представленные данные дополняют художественно-этнографические источники, в которых, в частности, дается пояснение ко второй части хрононима – *рыскунья*. Так, в одном из очерков С. Г. Писахова «На Новой земле» читаем (комментарий под знаком (*)) авторский. – *И. Д.*¹⁰:

«Из Архангельска отходили в ясную погоду, но только отошли – туман и дождь мелкий как с привязи сорвался.

– Пройдет скоро, погода временная – Федосья-рыскунья*. Отшумит – и тихо будет, – пояснили мне.

Отшумела Федосья-рыскунья, тихо стало, но хотелось скорее ко льдам.

*11 июня (29 мая) – день имени Федосьи. В это весеннее на Севере время часто дует (рыщет) холодный, резкий, переменчивый ветер».

О том, что выходить в море в этот день было плохой приметой, свидетельствует Р. С. Липец, рассказывая о поморском сказочнике Л. Ф. Федотове, в фольклорном репертуаре которого появляются новые образы поморов – строителей коммунизма. По словам этнографа, из рассказа Л. Ф. Федотова видно, как «по-новому осмысливались некоторые из традиционных обычаев, а другие решительно отвергались», в последнем случае речь идет как раз о суеверном страхе перед выходом в море в день Федосьи рыскуньи:

«Построив своими силами моторный бот, комсомольцы приглашают всех своих товарищей – деревенскую молодежь помочь спустить им на воду “Зарю” и для “спуска” по обычаю варят традиционное пиво. Однако спускают они судно – наперекор суеверной моряцкой традиции – нарочно в “тяжелый” день праздника Федосьи Рыскуньи, хотя старики уговаривают их не делать этого» [15: 33].

Далее, говоря о традиционном поморском календаре, Р. С. Липец так же, как и С. Г. Писахов, дает пояснение, на чем было основано такое восприятие в прошлом данного церковного праздника:

«Запрет выхода в море в некоторые праздники был связан с тем, что они приходились на периоды штормов в году. Это сказалось и в названии праздников, подменивших церковное их обозначение: Никола Ветренник (6 декабря старого стиля), Федосья Рыскунья (29 мая старого стиля), т. е. “рыскающая”, носящаяся по свету <...> На Николу Зимнего приходится декабрьские штормы в Баренцовом море у побережья Мурмана, а около дня Федосьи Рыскуньи проходят над Севером циклоны» [15: 198].

См. также в говорах Терского берега:

«**РЫСКУНЬЯ**, ж. День 29 мая по старому стилю (13 июня), отличающийся сильными штормовыми ветрами. *Боялись Феодосийн день, рыскунья, ветер быстро выпадывал, он по-старому 29 мая, в море боялись ходить*. Севмор. (СРГК, 5: 594) (в дате 13 июня, по-видимому, неточность – 11 июня по нов. ст. – *И. Д.*)».

Несмотря на обозначенные объективные причины закрепления за праздником Федосьи в Поморье статуса «тяжелого» дня («пока налаживается погода на лето, часты бури-ви-

хори»¹¹), как будет показано ниже, соответствующую оценку и привязку именно к 29 мая он, как и в случае с предыдущим рассмотренным нами выражением, получил, по-видимому, не без поддержки общерусского земледельческого календаря.

Показательно, что именно об этой календарной дате в собрании пословиц В. И. Даля говорится, что *День св. Феодосии стоит один всех понедельников (несчастный)*¹². За пределами Поморья этот день называли *Федосьей Колосьяницей (Колосницей, Колосавой)*, поскольку в этот период начинала колоситься в полях озимая рожь: *Пришла Федосья – во ржи колосья; Федосья Колосьяница – жито колосится; Озимые хлеба колос выметают, боли с сердца сымают* [18: 285]. Еще одно название – *Федосья Гречушница* (владим.) – праздник получил, поскольку к нему, как правило, приурочивали посев гречихи [18: 286].

Исходя из сказанного, понятно, почему при такой значимости для жизнеобеспечения крестьян этого дня он считался в народе критическим и связанным с большим количеством различных запретов. В частности, на Федосью детям, девушкам категорически запрещалось прыгать и скакать, качаться на примитивных качелях-досках «с подсказыванием», поскольку в этот период, по объяснению крестьян, «земля “была тяжела”» (беременна) (владим., калуж., ряз., петерб.) [3: 172], [18: 285] и это могло нанести ей вред. В этот день не рекомендовалось также начинать какие-либо крупные дела, отправляться в дорогу, давать деньги в долг, свататься и играть свадьбу и др., поскольку все это грозило опасностями и неудачами.

Сказанное, как нам кажется, объясняет, почему из нескольких дней, когда обычно в самом конце весны наблюдались штормы на Белом море, народное сознание в итоге остановилось на 29 мая – самом опасном дне этого периода в общерусском земледельческом календаре.

Кроме того, в говорах Поморья память о Федосье рыскунье, ее связи со штормовыми ветрами отразилась, насколько можно судить по имеющимся материалам, в использовании этого названия для обозначения ветрено-неблагоприятной,

холодной погоды в целом. См. в Словаре русских говоров Карелии в почти идентичных контекстах:

ФЕДО́СЯ-РЫСКУ́НЯ, ж. Конец зимы. *Ветер падет весной, снег рыщет по дороге – Федо́сья рыску́ня*. Кем. (СРГК, 6: 681); **РАСКУ́НЬЕ**: > **Федо́сье раску́нье**. Погода в феврале, когда метет поземка. *Ветер падет весной, снег рыщет по дороге – Федо́сье раску́нье*. Кем. (СРГК, 5: 452).

Мы полагаем, что вряд ли за соответствующими названиями скрывается какая-то конкретная календарная дата, вопрос о которой ставится, в частности, в этнолингвистическом словаре «Русский народный календарь» со ссылкой на первый из приведенных контекстов: «**Федо́сья-Рыску́ня**, ж. День в конце зимы (какой?). Карел.» (РНК: 457). Заметим, что связь обозначаемых обеими номинациями реалий с зимним временем в свете приведенных иллюстраций из СРГК («ветер падет **весной** (выделено нами. – И. Д.)») также представляется сомнительной.

ВЫВОДЫ

Осуществленный культурно-семантический анализ хрононимических номинаций в составе образных выражений *Сегодня у них Грузинской Богородицы, а завтра – Фролу голодному* и *Федосья рыскунья*, несмотря на ярко проявленную региональную специфику, позволяет подтвердить вывод исследователей о тесной связи называемых в них праздников с общерусским земледельческим календарем, а в особом почитании дня и образа Грузинской Богородицы – с историей развития православия на Русском Севере. Оба примера являются яркой иллюстрацией того, как в языке и фольклоре региона находят отражение локальные черты календарно-праздничной культуры. В целом проведенное исследование подтверждает, что материалы «Словаря живого поморского языка» И. М. Дурова представляют несомненный интерес в качестве источника изучения хрононимической лексики поморских говоров, а также позволяют оценить потенциал этого труда для расширения базы данных о поморском народно-праздничном календаре.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее в цитатах орфография и пунктуация источника.

² Конференции, форумы, совещания // Северный Арктический федеральный университет [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://narfu.ru/university/structure/direction/rector/conferences> (дата обращения 20.06.2026).

³ БардILEВА Ю. П. Влияние колонизации Мурманского берега во второй половине XIX – начале XX вв. на деятельность Русской Православной Церкви на Кольском Севере // Освоение Кольского Севера: эволюция

- процесса 2-я половина XIX – начало XXI вв. Мурманск, 2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: [sbornik-koloniz.pdf](#) (дата обращения 20.06.2026).
- ⁴ Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила [Послесл. Н. В. Ушакова]. СПб.: Изд-во ТОО «Полисет», 1994. С. 95.
- ⁵ Шустиков А. А. Троицина Кадниковского уезда: Бытовой очерк // Живая старина. 1892. Вып. 2–3. С. 71–91, 106–138; Тавреньга Вельского уезда: (Этнографический очерк) // Живая старина, 1895. Вып. 2, 3, 4. С. 171–191, 359–375; По деревням Олонецкого края: Поездка в Каргопольский уезд // Известия ВОЙСК. Вып. 2. Вологда, 1915. С. 89–119.
- ⁶ Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименком, д. чл. Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете: [В 2-х частях] / Под ред. Н. А. Попова. М.: Тип. Ф. Б. Миллера, 1877–1878. Ч. 1. С. 157.
- ⁷ Там же. С. 143.
- ⁸ Подразумевается осенний церковный праздник в честь Георгия Победоносца (он же Юрьев день), отмечаемый 9 декабря / 26 ноября по ст. ст.
- ⁹ Добавим, что наряду с представленной версией обозначение *Фрол голодный* в составе рассматриваемой паремии может получить и другое объяснение: так, возможно, что характеристика *голодный* все-таки указывает на какую-то поморскую (севернорусскую?) традицию, связанную с соблюдением поста в этот день, о которой мы пока не знаем, либо поговорка возникла достаточно поздно, и в ней могла изменить хронологическую приуроченность, например в связи с переходом на григорианский календарь, одна из дат: тогда в соответствии с логикой паремии день почитания иконы Грузинской Богородицы, отмечаемый, к примеру, по старому стилю 22 августа, мог «обогнать» в календаре праздник Флора и Лавра – 31 августа по нов. ст.
- ¹⁰ Писахов С. Г. На Новой земле. Из записок художника // Сказки; Очерки; Письма: Сб. / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. И. Б. Пономарева. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1985. С. 223–224.
- ¹¹ Полуянов И. Д. Деревенские святцы: по устным народным календарям. М.: Технологическая школа бизнеса, 1998. 351 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.booksite.ru/fulltext/pol/ua/nov/5.htm#6> (дата обращения 20.06.2026).
- ¹² Пословицы русского народа: Сборник В. Даля: В 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1989. С. 349.

СЛОВАРИ

Даль – Даль В. И. Словарь живого великорусского языка: В 4 т. 2-е изд. СПб.; М.: Изд-во М. О. Вольфа, 1880–1882 (1989).

Дуров – Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. 455 с.

СД – Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1995–2014. Т. 1–5.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей (СРГК) / Гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1995–2005. Вып. 1–6.

РНК – Моргунова О. В., Кривошапова Ю. А., Осипова К. В. Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь / Науч. ред. Е. Л. Березович. М.: АСТ-ПРЕСС, 2018. 539 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Атрошенко О. В. К истории лексикографического описания хрононимии // Вопросы ономастики. 2014. № 1 (16). С. 96–115.
- Березович Е. Л., Толстая С. М. Лексика Русского Севера: состояние и перспективы изучения // *Slověne*. 2019. Vol. 8, № 1. С. 486–525.
- Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в.: половозрастной аспект традиционной культуры. Л.: Наука, 1988. 274 с.
- Бернштам Т. А. Народная культура Поморья в XIX – начале XX в.: Этнографические очерки. Л.: Наука, 1983. 233 с.
- Бернштам Т. А. Традиционный праздничный календарь в Поморье во второй половине XIX – начале XX в. // Этнографические исследования Северо-Запада СССР: традиции и культура сельского населения, этнография Петербурга: [Сб. ст.] / Отв. ред. Н. В. Юхнева. Л.: Наука, 1977. С. 88–115.
- Вавилова М. А. Крестьянский календарь Кадниковского уезда Вологодской губернии (по материалам коллекции А. А. Шустикова) // Культура Русского Севера. Вологда, 1994. С. 119–127.
- Власова М. Н. Терский берег Белого моря: хозяйственно-промысловый и праздничный календарь, поверья и обычаи (по записям 1981–1987 и 2008–2010 гг.) // Русский фольклор: материалы и исследования. Т. 34. СПб.: Наука, 2011. С. 235–263.
- Гусева Е. Р., Сидорова П. А. Лексемы с корнем *-вод-* в русских говорах карельского Поморья // *Studia Humanitatis Borealis* / Северные гуманитарные исследования. 2022. № 2. С. 32–39. DOI: 10.15393/j12.art.2022.3824

9. Дьячкова И. Н., Таразанова Л. И. Фразеология как отражение мировоззрения и традиционной культуры поморов (на материале словаря И. М. Дурова) // *Studia Humanitatis Borealis* / Северные гуманитарные исследования. 2025. № 3. С. 43–48. DOI: 10.15393/j12.art.2025.4246
10. Есеева О. В. Почитание чудотворной иконы Богородицы Грузинской во время чумы 1654 года в Москве // *Российский журнал истории Церкви*. 2022. № 3 (1). С. 81–98. DOI: 10.15829/2686-973X-2022-82
11. Ефимова Н. А. К вопросу о реконструкции книжных вкладов купца Третьяка Лыткина в Красногорский монастырь // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2019. № 3 (77). С. 104–113.
12. Кузнецова В. П. И. М. Дуров и его «Словарь живого поморского языка» // Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2011. С. V–XIV.
13. Кузнецова В. П. Фольклор в «Словаре живого поморского языка» И. М. Дурова // *Кижский вестник*: Сб. ст. / Ред.-сост. И. В. Мельников. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2007. С. 107–115.
14. Кюршунова И. А., Соболева А. Г. Словарь И. М. Дурова как источник изучения русской игровой лексики // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2025. Т. 47, № 7. С. 14–23. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1227
15. Липец Р. С. Рыбачьи песни и сказы / Запись текстов, статьи, примеч., словарь и указатели Р. Липец. М.: Госкультпросветиздат, 1950. 220 с.
16. Моргунова (Атрошенко) О. В. Структурно-словообразовательное варьирование в русской народной хрононимии // *Вопросы диалектологии*. 2018. № 1–2. С. 79–86.
17. Мызников С. А. Современная региональная диалектная лексикография: традиции и новации // *Исследования по славянской диалектологии*. Вып. 18. Актуальные аспекты изучения лексики славянских диалектов: Сб. ст. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2016. С. 19–32.
18. Некрылова А. Ф. Русский традиционный календарь: на каждый день и для каждого дома. М.: РИПОЛ классик; СПб.: Пальмира, 2017. 763 с.
19. Сукина Л. Б. Грузинская икона Богородицы: путешествующая святыня в России XVII в. // *Вестник РГГУ. Литературоведение. Языкознание. Культурология*. 2020. № 5. С. 57–70. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-5-57-70

Поступила в редакцию 22.06.2026; принята к публикации 28.09.2026; дата публикации 30.10.2026

Original article

Irina N. Dyachkova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-2869-8733; gyla4@yandex.ru

SEGODNYA U NIKH GRUZINSKOY BOGORODITSY, A ZAVTRA – FROLU GOLODNOMU: ON SOME POMOR CHRONONYMS IN I. M. DUROV'S DICTIONARY

Abstract. The article examines the potential of Ivan Matveyevich Durov's *Dictionary of the Living Pomor Language in Its Everyday and Ethnographic Usage* as a source for analyzing chrononyms – names for time intervals linked to specific dates, events, or seasonal periods within the Pomor calendar of economic activities and holidays. The novelty of the research is determined by the need to further investigate specific layers of vocabulary and phraseology in Northern Russian dialects, particularly regarding their etymology and cultural motivations. This is the first-of-its-kind cultural-semantic analysis of chrononyms found in the saying *Segodnya u nikh Gruzinskoy Bogoroditsy, a zavtra – Frolu golodnomu* (Today is the Georgian Mother of God for them, and tomorrow comes Hungry Frol) and on the figurative Pomor designation *Fedosya Ryskunya* (Fedosya the Roamer). Determining the semantic motivation behind these expressions reveals their connection to the all-Russian agricultural calendar, and in the case of the veneration of the Georgian Icon of the Mother of God – to the history of Orthodoxy in the Russian North. Both examples vividly illustrate how the specific features of the region's calendar and festive culture are reflected in its language and folklore.

Keywords: chrononyms, dialectal paremiology, Pomor dialects, history and culture of Pomorye, Ivan Matveyevich Durov, *Dictionary of the Living Pomor Language in Its Everyday and Ethnographic Use*, Russian North

For citation: Dyachkova, I. N. *Segodnya u nikh Gruzinskoy Bogoroditsy, a zavtra – Frolu golodnomu: on some Pomor chrononyms in I. M. Durov's dictionary. Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(7):18–26. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1362

REFERENCES

1. Atroshenko, O. V. On the history of lexicographic treatment of chrononyms. *Problems of Onomastics*. 2014;1(16):96–115. (In Russ.)

2. Berezovich, E. L., Tolstaya, S. M. Lexis of the Russian North: state and prospects of study. *Slověne*. 2019;8(1):486–525. (In Russ.)
3. Bernshtam, T. A. Youth in the ritual life of the Russian community in the XIX and early XX centuries: the gender and age aspects of traditional culture. Leningrad, 1988. 274 p. (In Russ.)
4. Bernshtam, T. A. Folk culture of the Pomorye region in the XIX and early XX centuries: Ethnographic essays. Leningrad, 1983. 233 p. (In Russ.)
5. Bernshtam, T. A. The traditional holiday calendar in the Pomorye region during the second half of the XIX and early XX centuries. *Ethnographic studies of the NorthWest of the USSR: traditions and culture of the rural population, ethnography of Saint Petersburg: [Collection of articles]*. (N. V. Yukhneva, Ed.). Leningrad, 1977. P. 88–115. (In Russ.)
6. Vavilova, M. A. Peasant calendar of the Kadnikovskiy Uyezd of the Vologda Province (a study of materials from A. A. Shustikov's collection). *Culture of the Russian North*. Vologda, 1994. P. 119–127. (In Russ.)
7. Vlasova, M. N. The Tersky Coast of the White Sea: economic, hunting, and holiday calendar, beliefs and customs (based on records from 1981–1987 and 2008–2010). *Russian folklore: materials and research*. Vol. 34. St. Petersburg, 2011. P. 235–263. (In Russ.)
8. Guseva, E. R., Sidorova, P. A. Lexemes with the *-vod-* root in the Russian dialects of the Karelian Pomorie. *Studia Humanitatis Borealis*. 2022;2:32–39. DOI: 10.15393/j12.art.2022.3824 (In Russ.)
9. Dyachkova, I. N., Tarazanova, L. I. Phraseology as a reflection of the worldview and traditional culture of the Pomors (an analysis of the dictionary by Ivan Durov). *Studia Humanitatis Borealis*. 2025;3:43–48. DOI: 10.15393/j12.art.2025.4246 (In Russ.)
10. Eseeva, O. V. Veneration of the miraculous icon of Our Lady of Georgia during the plague of 1654 in Moscow. *Russian Journal of Church History*. 2022;3(1):81–98. DOI: 10.15829/2686-973X-2022-82 (In Russ.)
11. Efimova, N. A. To the problem of reconstruction the merchant Tretyak Lytkin's book deposits to the Krasnogorsky Monastery. *Old Russia. The Questions of Middle Ages*. 2019;3(77):104–113. (In Russ.)
12. Kuznetsova, V. P. I. M. Durov and his *Dictionary of the Living Pomor Language*. Durov, I. M. *A dictionary of the living Pomor language in its everyday and ethnographic usage*. Petrozavodsk, 2011. P. V–XIV. (In Russ.)
13. Kuznetsova, V. P. Folklore in I. M. Durov's *Dictionary of the Living Pomor Language*. *Kizhi Vestnik: Collection of articles*. (I. V. Melnikov, Ed.). Petrozavodsk, 2007. P. 107–115. (In Russ.)
14. Kyurshunova, I. A., Soboleva, A. G. Ivan Durov's dictionary as a source for studying Russian game vocabulary. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(7):14–23. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1227 (In Russ.)
15. Lipets, R. S. Fishermen's songs and tales. (R. Lipets, Ed.). Moscow, 1950. 220 p. (In Russ.)
16. Morgunova (Atroshenko), O. V. Structural and derivational variants of Russian national chrononyms. *Problems of Dialectology*. 2018;1–2:79–86. (In Russ.)
17. Myznikov, S. A. Modern regional dialect lexicography: traditions and innovations. *Studies in Slavic dialectology. Issue 18. Current aspects of the study of the vocabulary of Slavic dialects: Collection of articles*. Moscow, 2016. P. 19–32. (In Russ.)
18. Nekrylova, A. F. Russian traditional calendar: for every day and every home. Moscow; St. Petersburg, 2017. 763 p. (In Russ.)
19. Sukina, L. B. The Georgian Icon of Our Lady: traveling shrine in Russia of the 17th century. *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*. 2020;5:57–70. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-5-57-70 (In Russ.)

Received: 22 June 2026; accepted: 28 September 2026; published: 30 October 2026

ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА ЗАХАРОВА

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языкознания Института языка, литературы и истории

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук»

(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-3225-7161; katja.zaharova@mail.ru

СВЕТЛАНА ВИКТОРОВНА НАГУРНАЯ

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языкознания Института языка, литературы и истории

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук»

(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-6233-8045; kov@krc.karelia.ru

**УРБАНОНИМЫ ПЕТРОЗАВОДСКА:
ИСТОРИЯ ДВУЯЗЫЧИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА**

А н н о т а ц и я . На фоне описания истории формирования уличной сети города Петрозаводска рассматривается характерное для урбанонимов столицы Карелии явление двуязычия. Целью работы является исследование диахронического аспекта формирования двуязычных уличных наименований и анализ ряда современных топографических терминов, использующихся для перевода русских названий городских объектов на карельский язык, в частности определение целесообразности применения карельской лексемы *uuličču* ‘улица’ в роли классификатора карелоязычных топонимов. Актуальность исследования заключается в необходимости научного обоснования функционирования ряда карелоязычных классификаторов, выступающих в уличных наименованиях современного Петрозаводска. Новизна состоит в том, что тема формирования двуязычного облика Петрозаводска является практически не исследованной, за исключением единичных работ. Основой для анализа послужили материалы «Методических рекомендаций по передаче русскоязычных урбанонимов на языки коренных народов Карелии (на карельский и вепсский языки)», «Перечень топонимов города Петрозаводска на русском, карельском, вепсском, финском языках», а также корпус источников, содержащих информацию об истории формирования городской уличной сети. В работе используются описательный, этимологический и лексико-семантический методы исследования. Обращение к этимологии и семантике карельских лексем *piha* и *kujo*, а также к рекомендациям экспертов по их использованию для передачи на карельский язык целого ряда классификаторов, обозначающих такие элементы улично-дорожной сети, как переулок, аллея, бульвар, проулок, тупик, позволило установить обоснованность использования карельской лексемы *uuličču* в качестве соответствия русского классификатора «улица» на адресных табличках Петрозаводска.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Карелия, Петрозаводск, урбанонимы, перевод, двуязычие, русский язык, карельский язык, финский язык

Б л а г о д а р н о с т и . Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (№ 124022000089-4).

Д л я ц и т и р о в а н и я : Захарова Е. В., Нагурная С. В. Урбанонимы Петрозаводска: история двуязычия и проблемы перевода // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 7. С. 27–37.

DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1363

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы формирования и функционирования онимического пространства современных городов активно рассматриваются в работах специалистов целого ряда дисциплин гуманитарного профиля (ономастики, социологии, социоономастики, культурологии, лингвистики и др.), основными направлениями исследований здесь являются лингвистический ландшафт и язык города, этнокультурная специфика урбанонимов, а также топонимическая политика и идентичность. В фокусе особого научного внимания оказываются урбанонимические системы полилингвальных городов (под которыми подразумеваются «населенные пункты, в которых языки двух и более этносов имеют статус государственных») [15: 120] и регионов¹ [14], [15], [16], [19], [20]. В исследовании Р. В. Разумова отмечается, что «основной особенностью ономастикона билингвальных городов является двуязычность функционирующих в нем имен собственных» [15: 122]. Развитие систем урбанонимов полилингвальных городов России пришлось на конец XX века и происходило по двум основным моделям. Первая модель развития, предполагавшая формирование национальной идентичности через создание новых урбанонимов на территориях, которые присоединялись к черте города, была реализована в Казани. Вторая модель реализовывалась в республиках Кавказа, «которые для формирования региональной идентичности активно использовали процесс переименования внутригородских объектов» [15: 123].

Петрозаводск, являясь столицей национальной республики и будучи полилингвальным городом (хотя статус государственного здесь в настоящее время есть только у русского языка), имеет свою уникальную и отличную от приведенных выше моделей историю сложения и функционирования двуязычной системы урбанонимов, которая только в недавнее время стала объектом исследований [2], [9].

ИСТОРИЧЕСКОЕ ФОРМИРОВАНИЕ УЛИЧНОЙ СЕТИ ПЕТРОЗАВОДСКА (XVIII – НАЧАЛО XX ВЕКА)

Планомерная застройка Петрозаводска началась с середины 1770-х годов по плану А. С. Ярцова². Застройка была связана с расширением строительства Александровского завода, ростом населения и преобразованием в марте 1777 года заводской слободы в город. В 1776 году завершилось строительство новых каменных

и деревянных домов для проживания заводских чиновников; дома сформировали первые улицы будущего города – Заводскую и Нагорную линии [12: 40–41]. До этого времени улицы не имели названий. В конце XVIII века был образован городской центр: на Круглой площади³ располагались каменные административные помещения.

Позже Нагорная улица была переименована в Английскую⁴; она оставалась центральной улицей, где находились дома чиновников и купцов, а также Гостиный двор [5: 8]. «Параллельно формировалась Малая и Большая Подгорные, а также Святнаволоцкая улицы. В стороне от каменных правительственных зданий возникла Закаменная улица, населенная беднотой» [12: 72]. Между рекой Неглинкой и Святнаволоцкой улицей находилась Солдатская слобода; к югу от устья Лососинки располагался Зарецкий район, к Зареке с южной стороны примыкала Голиковка. Зареку и Голиковку, где проживали мастеровые и нижние чины, разделяла Заводская площадь. Чиновники, дворяне и купцы заселяли левый берег Лососинки, так называемый «Город» [18: 76–77].

В XVIII веке город довольно быстро и всесторонне развивался, что нашло отражение в «Генеральной табели о состоянии города и градских жителях» 1797 года [4: 71]: численность горожан составляла более 4700 человек. К концу первой четверти XIX века в городе насчитывались двадцать одна улица и пять площадей [11: 137]. Население постоянно росло, и уже к середине XIX века в Петрозаводске проживало свыше 9000 человек. По состоянию на ноябрь 1870 года городскую часть Петрозаводска составляли двадцать шесть улиц⁵, к Зарецкой части города относилось пятнадцать улиц⁶ [11: 151–154].

В 1885 году Английская улица стала Марининской, Онежская набережная – Владимирской⁷ [5: 8]. В 1899 году Старополицейская улица была переименована в Пушкинскую, годом позже на Широкой улице был открыт Левашовский бульвар. Во второй половине XIX века образованная со времен Петровских заводов Древлянская дорога стала улицей с тем же названием, до начала XX века ее окрестности назывались Древлянкой. В феврале 1902 года по случаю пятидесятилетия со дня смерти Н. В. Гоголя Петрозаводская городская дума приняла решение о переименовании улицы Древлянской в Гоголевскую. В том же году Соломенская стала Жуковской. Одна из старейших улиц города – Пробная – в 1910 году была переименована

в Протасьевскую в честь олонекского губернатора Н. В. Протасьева. Пробной стала называться другая улица на окраине города, сохранившая свое имя до наших дней⁸. Святнаволоцкая, представлявшая собой тихую улицу провинциального городка с деревянными застройками, в 1912 году стала Бородинской [7: 14].

В начале XX века город насчитывал сорок пять улиц, два переулка, восемь площадей [3]. К этому времени Петрозаводск «имел четкое деление на центр и рабочие окраины» [10: 11]. Центральными локациями оставались Круглая и Соборная площади⁹ и Мариинская улица.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ И РАЗВИТИЕ ГОРОДА

В октябре 1918 года к первой годовщине Октябрьской революции на заседании комиссии «по выработке празднества» было принято решение о переименовании улиц, названия которых теперь были связаны с революцией и ее лидерами¹⁰. «Для пропаганды нового строя активно использовалась городская топонимика» [18: 158].

В 1923 году в городе было пять районов, три площади, четыре моста¹¹. Улиц насчитывалось почти пять десятков¹². Проспект Карла Маркса был образован из Соборной и Мариинской улиц, проспект Фридриха Энгельса – из Английской и Петроградской и Тюремного переулка, Левашовский бульвар стал бульваром Карла Либкнехта.

В июле 1923 года Карельская трудовая коммуна была преобразована в АКССР, в связи с чем вставал вопрос о переименовании самого Петрозаводска. Однако имя города осталось прежним. В 1928 году председатель Городского совета Данилов в газете «Красная Карелия» отмечал:

«... директива центра в области переименований требует осторожности, так как всякое переименование вызывает значительные расходы и осложняет на первых порах работу учреждений»¹³.

Продолжилось переименование улиц. В соответствии с постановлением Петрозаводского горсовета Угольная улица стала улицей Калинина, Палатский переулок – улицей Комсомольцев¹⁴. К пяти районам добавились Первомайский район и Железнодорожный поселок¹⁵. Онежская набережная до середины 1930-х годов носила имя Нуортева¹⁶.

Значительными темпами происходил рост населения Петрозаводска: если с 1920 по 1926 год число жителей увеличилось на 42 % [18: 163], то к 1939 году, по сравнению с 1926 годом, рост

составил 157 % [6]. Стремительная демографическая динамика обусловила расширение географического пространства и образование новых жилых районов и улиц: к началу 1930-х годов в черте города появились поселки Кукковка и Перевалка¹⁷.

ДВУЯЗЫЧНЫЙ ПЕТРОЗАВОДСК

После преобразования в 1923 году Карельской трудовой коммуны в АКССР Конституция 1926 года закрепила государственный статус русского и «карельско-финского» языков¹⁸. На них публиковались законодательные и административные акты центральной и местной власти, декреты и распоряжения, касающиеся политической и хозяйственной жизни Карелии. Финский стал языком делопроизводства, на нем издавались газеты и журналы. Первой средней школой в Петрозаводске в 1920-х годах была финская девятилетка [18: 193]. «Финский период» в истории Советской Карелии продлился с 1920-х до середины 1930-х годов. После непродолжительного этапа создания во второй половине 1930-х годов единого карельского литературного языка Конституцией Карело-Финской ССР 1940 года финский язык вновь был наделен официальным статусом наравне с русским.

«С июля 1940 года была создана обязательная параллельная русско-финская официальная корреспонденция, начался перевод на финский язык делопроизводства в учреждениях республики, переименовывались наименования улиц» [9: 21].

Довоенные уличные указатели и вывески учреждений Петрозаводска оформлялись на русском и финском языках. При создании названий улиц на финском языке в одних случаях основные компоненты урбанонимов переводились (Tehdaskatu – Фабричная улица, Vesijohtokatu – Водонапорная улица, Kansalaiskatu – Гражданская улица, Karulatie – Лежневая улица), в других – транслитерировались (Sakamenskin rantakatu – Закаменская набережная). Урбаноним мог передаваться посредством и перевода, и транслитерации (Октябрьский район – Lokakuun piiri или Oktjabrskin piiri). Аналогично образовывались сложносокращенные названия-соединения, встречавшиеся на городских вывесках: при помощи транслитерации (Петрозавгорторг – Petrozavgortorg, Карфинкоопинсоюз – Karfinkoopinsojus, Техтруд – Tehtrud) и перевода (Кульпромсоюз – Kulttuuritavarain tuot.-osuusk.-liitto, Банпрачтрест – Sauna- ja pesulaitostrusti). Одно и то же название на вывесках могло быть оформлено в транслитерированной и в переводной

форме (Петрозавгорторг – Petrozavgortorg или Petroskoin kaupparjärjestö).

Следующий этап двуязычия Петрозаводска относится к трагическому периоду финской оккупации (01.10.1941–28.06.1944), когда город стал «Онежской крепостью» (Äänislinna).

«Осенью 1941 года штаб Военного управления Восточной Карелии дал указания о “финнизации” названий улиц населенных пунктов на захваченной территории. Рекомендовалось использовать названия, относящиеся к “Калевале” и “Кантелетар”, топонимы Финляндии и родственных народов, а также подходящие имена собственные» [8: 186].

Новые названия стали использоваться с начала апреля 1943 года: в городе появились улицы Главная – Valtakatu (проспект Карла Маркса), Карельская – Karjalankatu (улица Ленина), Олонецкая – Aunuksenkatu (улица Герцена), Ручейная – Purokatu (Неглинская набережная), Егерская – Jääkärikatu (улица Анохина). Древлянская была переименована в Рошевую (Lehtokatu), Закаменский переулок – в Поперечную улицу (Poikkikatu), Советская – в улицу Лотты (Lotankatu), Промышленная – в улицу Анники (Anninkatu) и т. д. Часть улиц сохранила свои названия: Лесная – Metsäkatu, Болотная – Suokatu, Купранная – Hautakummunkatu, Каменная – Kivikkökatu, Заводская – Tehtaankatu, Водопроводная – Vesijohtokatu, Станционная – Asemakatu и т. д. [8: 275–278]. Улицы переименовывались и в других населенных пунктах: в Олонце улица Урицкого стала Вепсской (Versänkätu), Комсомольская – Ладожским шоссе (Laatokantie), Интернациональная – улицей Тапио (Tapionkatu), Декабристов – Егерской (Jääkärikatu) [13: 307–308].

В послевоенное время конституции Карелии 1956 и 1978 годов устанавливали требование публикации решений власти на русском и финском языках и использования этих языков в символике республики. На финский язык дублировались названия улиц, учреждений, переводились официальные документы. Почти пять послевоенных десятилетий финский язык прочно вписывался в лингвистический ландшафт Петрозаводска.

С конца 1980-х годов в Карелии был взят курс на возрождение карельского и вепсского языков, а одним из направлений языковой политики стала их визуализация. Утратив статус официального, финский язык постепенно терял свои позиции и в публичном дискурсе. С 2006 года в национальных и муниципальных районах Карелии началось оформление дорожных указателей и фасадных вывесок на карельском и вепс-

ском языках; в дальнейшем карельский язык появился в визуальном пространстве Петрозаводска:

«Карелоязычные фасадные вывески были установлены на зданиях Министерства национальной и региональной политики, Министерств сельского хозяйства и строительства, Минспорта, Госкомитета по ГО и ЧС. Управление по обеспечению деятельности мировых судей Республики Карелия само обратилось с просьбой в Министерство национальной и региональной политики перевести вывеску на карельский язык» [9: 23].

КАРЕЛОЯЗЫЧНЫЕ УРБАНОНИМЫ ПЕТРОЗАВОДСКА: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Новейший этап в истории двуязычия улиц Петрозаводска связан с карельским языком, который появился в городском пространстве относительно недавно, – уличные двуязычные указатели на русском и карельском языках городская администрация стала устанавливать с 2021 года. Этому предшествовала большая работа Республиканской термино-орфографической комиссии при Главе Республики Карелия (ТОК)¹⁹: 1) разработка рекомендаций по передаче русскоязычных урбанонимов на языки коренных народов Карелии (карельский и вепсский)²⁰, 2) перевод русскоязычных урбанонимов на карельский язык. Рекомендации ТОК стали лингвистической основой при составлении «навигационной карты» населенных пунктов Республики Карелия на карельском и вепсском языках.

«В качестве алгоритма для передачи русскоязычных названий городских объектов средствами карельского и вепсского языков рекомендовалось использовать компромиссный подход – сочетание транслитерации и перевода: основной компонент урбанонима транслитерировать, классификатор калькировать (переводить)... улица Пушкинская – Puškinskaja-uuličču (ливвиковское наречие), Puškinskaja-katu (собственно карельское наречие), Puškinskaja-ird (вепсский язык)» [9: 23].

Разработка рекомендаций включала в себя подготовку шести приложений, рассматривающих вопросы передачи русских букв и звуко-сочетаний средствами карельского и вепсского алфавитов (для транслитерации), перевода классификаторов²¹ на карельский и вепсский языки, написания основного компонента урбанонимов и присоединения классификатора к основному компоненту урбанонимов. Списки классификаторов и их переводов на ливвиковское и собственно карельское наречие карельского языка включают тридцать два основных и пятнадцать дополнительных топографических терминов²² (см. таблицу).

Список классификаторов и их перевод на карельский язык
List of classifiers and their translation into Karelian

Классификатор	Собственно карельское наречие	Ливвиковское наречие
автовокзал	autoašema	avtoazemu
автодорога	autotie	avtotie
аллея	kävelykuja	kävelyskujo
бульвар	kävelykuja, kävelytie	kävelyskujo
вокзал	ašema	vokzualu, azemu
квартал	kaupunkinnellikkö	linnannellikkö
кольцо	liikennehymyrä	liikehymbyry
магистраль	piätie	piätie
местечко	paikka, elinpaikka	kohtu
микрорайон	kaupunkinoša	mikrorajon
мост	šilta	sildu
набережная	rantakatu	randupiha, randu-uuličču
округ	piirikunta	piirikundu
парк	puisto	puusto
перекресток	tienristeyš	tiešuaru
переулок	kuja	kujo
питомник	tarha	taimenkazvatuskohtu
площадь	aukivo	lagevo
полукольцо	puoliympyrä	puoliliikehymbyry
проезд	poikkikatu, läpiajo	ajotie
проспект	prospekti	prospektu
проулок	kuja, poikkikatu	bokkukujo
путепровод	muašilta, ylikulkušilta	ristavussildu
разъезд	kyliččikulkupaikka	raudutienraiživo
сад	puutarha	sadu
сквер	puistikko	puustikko
спуск	lašku	alamägi
станция	ašema	azetuskohtu
тракт	valtatie	piätie
тупик	umpikuja	umbikujo
улица	katu	uuličču
шоссе	muantie	piätie
иные		
берег	ranta	randu
город	kaupunki	linnu
государство	valtijo	valdivo
деревня	kylä	kylä
край	šeutu	aloveh
область	aloveh	aloveh
остров	šuari	suari
порт	šatama	portu
поселок	pos'olka	pos'olku
пристань, причал	valkamo	laivuvalgamo
район	piiri	piiri
республика	tašavalta	tazavaldu
село	kylä	kylä
сельское поселение	kylä	kyläkundu
сельсовет	kyläneuvošto	kylänevosto

Методические рекомендации по использованию карельского и вепсского языков в наименованиях были обсуждены на заседании ТОК и утверждены приказом Министерства национальной и региональной политики Республики Карелия от 16.04.2019 № 92. Эти же рекомендации прописаны в п. 3.6 документа «Порядок установки указателей с наименованиями улиц и номерами домов на территории Петрозаводского городского округа», утвержденного Постановлением Администрации Петрозаводского городского округа от 16.03.2021 № 545.

Первоначальной стратегией переводчиков являлось транслитерирование основного компонента урбанонима, чтобы названия оставались максимально узнаваемыми для жителей города. Но уже в ходе работы был выбран другой принцип: переводить все, что поддается переводу. Подготовка карелоязычных уличных указателей включала в себя перевод и предшествующую ему значительную работу по изучению этимологии наименований. Сложности возникали с переводом отдельных терминов (Тарханный²³ проезд – *Tarhankirjuajotie*), иногда приходилось создавать карелоязычный термин (Пикетная²⁴ аллея – *Miägruäskävelykujo*), в ряде случаев исконные формы на карельском и вепсском языках помогали найти топонимисты ИЯЛИ КарНЦ РАН (Пигмовская улица – *Pigmasuon uuličču*, Яшезерский переулоч – *Däšjärven kujo* и др.).

«ЛИВВИКОВСКИЙ» ПЕТРОЗАВОДСК

В карельском языке выделяется три наречия: ливвиковское, собственно карельское и людиковское. С появлением в столице Карелии двуязычных адресных табличек с использованием ливвиковского наречия карельского языка у некоторых горожан, привыкших к «финскому» Петрозаводску, возник вопрос, почему перевод осуществлен на язык карелов-ливвиков, а не собственно карелов, язык которых (в отличие от ливвиковского наречия) довольно близок к финскому²⁵, или не на язык карелов-людиков²⁶, ведь сам город располагается в окружении бывших людиковских деревень, где еще в середине XX века звучала карельская речь.

Грамматические и орфографические нормы новописьменного карельского языка были в свое время разработаны для ливвиковского и собственно карельского наречий, поэтому рекомендации по передаче русскоязычных урбанонимов на карельский и вепсский языки не включают примеры для людиковского наречия карельского языка. Выбор ливвиковского наречия для перевода 2000 урбанонимов Петрозаводска²⁷ на карель-

ский язык был обусловлен несколькими причинами: наличием апробированной на протяжении длительного времени новописьменной ливвиковской нормы, доминирующим числом носителей ливвиковского карельского в республике и значительным их представительством в Петрозаводске, а также тем обстоятельством, что территориально ареал проживания карелов-ливвиков ближе к Петрозаводску в отличие от собственно карельских территорий.

Время от времени в сети Интернет возникают обсуждения карельских переводов урбанонимов Петрозаводска, в том числе и топографических терминов (классификаторов), присутствующих на адресных табличках. Наиболее острую дискуссию вызывает ливвиковский термин *uuličču*²⁸.

UULIČČU, PIHA ИЛИ KUJO: К ВОПРОСУ О КАРЕЛЬСКОЙ ТОПОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Термин «улица» имеет несколько трактовок, основные из которых: 1) пространство между двумя параллельными рядами домов в населенных пунктах для прохода и проезда; 2) место, пространство вне дома, за пределами жилого помещения.

Для обозначения понятия «улица» в карельском языке, по данным Открытого корпуса вепсского и карельского языков ВепКар²⁹, содержащем сведения всех отечественных лексикографических изданий по этим языкам, существует целый ряд лексем. Для людиковского наречия это *uulič*, *uuličče* ‘улица’, *kujo* ‘улица, проселок’, *piha* ‘двор (при доме); улица’; для ливвиковского наречия – *uuličču* ‘улица’, *ulgopuoli* ‘наружная сторона; улица’; для собственно карельского наречия – *uuličča* ‘улица’, *piha* ‘двор; улица’³⁰.

Следует отметить, что карельский язык (как вепсский и многие другие финно-угорские языки России) долгое время оставался языком, функционировавшим в устном употреблении среди сельского населения. Поэтому неудивительно, что в качестве альтернативы ливвиковскому термину *uuličču* пользователями социальной сети «ВКонтакте» предлагаются термины *piha* или *kujo*³¹, бытующие в деревнях для обозначения улиц. При этом следует помнить, что планировочная структура карельской деревни значительно уступает городу в количестве элементов улично-дорожной сети³².

Для того чтобы разобраться в вопросе целесообразности использования лексемы *uuličču* в переводах названий улиц, обратимся к этимологии и семантике карельских слов *piha* и *kujo*.

В этимологическом словаре финского языка у лексемы *piha*, помимо основного значения 'двор', фиксируются также диалектные варианты значений 'огороженное место для скота; место вокруг дома; дом; деревня', для карельского языка отмечаются значения 'двор; дворовая территория; усадьба, дом', для людиковского наречия – 'двор', для вепсского языка – 'перегородка, которая отделяет скотный двор (хлев) от жилых помещений; перегородка в хлеву'³³. Таким образом, в слове *piha* изначально заложена идея огороженного места, что не согласуется с улицей как элементом улично-дорожной сети и ее линейным характером.

Зафиксированное словарями карельского языка значение 'улица' для лексемы *piha* выполняет функцию наречия, указывая на улицу как на 'место вне дома' (ср. то же противопоставление в русском языке: *дома* – *на улице*), но не как на 'линейный объект': *Mene pihalla* (ск.)³⁴, *pihal*, *pihale* (ливв.)³⁵ 'иди на улицу'.

В шеститомном диалектном словаре карельского языка находим: *piha* '1. двор, место перед домом, усадьба; 2. в качестве наречия с внешнеместными падежами (на улицу, на улице, с улицы); 3. дом; место перед чем-либо'³⁶. Добавим, что в диалектной базе карельского языка «Murreh»³⁷, в которую вошли материалы, собранные в 1979–1981 годах на территории Карелии, Тверской, Ленинградской и Новгородской областей, лексема *piha* зафиксирована со значением 'двор (при доме)' (не улица!) в следующих населенных пунктах Карелии: Видлица, Олонец, Кондуши, Тунгуда, Колатсельга, Святозеро, Койкары, Юостозеро, Реболы, Паданы, Галлезеро, Ведлозеро, Проккойла, Калевала, Ондозеро, Вокнаволоок, Кестеньга³⁸.

Что касается лексемы *kuja*, *kujo*, в этимологическом словаре финского языка даются следующие толкования: 'проулок, прогон; огороженная с двух сторон дорога; проход между двумя зданиями; скотный двор', для карельского и вепсского фиксируется значение 'проулок, прогон для скота'³⁹, что также подтверждается данными шеститомного словаря карельского языка: *kujo* 'проулок, прогон для скота'⁴⁰.

Общая для всех трех наречий карельского языка лексема *uuličča* (с фонетическими вариантами) является заимствованием из русского языка, о давности бытования которого в карельском языке может косвенно свидетельствовать присутствие данной лексемы в языке карельских причитаний – древнего жанра устного народного творчества.

Ср.: «*uuličča* 'улица, двор': ollah *uuliččazet*... kaksilatoista kananjäicöillä kataijut имеются *улучки* (двор)...

двенадцатью куриными яйцами укатанные (= ровные, гладкие)» [17: 278]; «*uuliččapihazet* 'улицы-дворики или же улицы-улучки (тавтологическое словосочетание: заимствование – карельское слово)': elä, kanazeni, katkualliet, ollah kananjäicöillä kataijut ulgozed *uuliččapihazet* моя курочка (= дочь, невеста), не кручинься, имеются куриным яйцом укатанные *улицы-дворики* (= ровные, гладкие); речь идет о доме жениха» [17: 278].

С учетом вышеизложенного, а также того, что лексема ск. *kuja*, ливв. *kujo* была предложена экспертами ТОК для обозначения русского топографического термина «переулок», а в составе сложных слов – для классификаторов «аллея», «бульвар» (ск. *kävelykuja*, ливв. *kävelyskujo*), «проулок» (ливв. *bokkukujo*), «тупик» (ск. *umpikuja*, ливв. *umbikujo*), использование лексемы *uuličči* для передачи русскоязычного классификатора «улица» на ливвиковском наречии карельского языка представляется обоснованным.

ВЫВОДЫ

За последние годы число названий городских объектов Петрозаводска значительно увеличилось⁴¹. Перечень наименований элементов улично-дорожной сети и планировочной структуры, используемых в качестве реквизита адреса, в настоящее время содержит около 7 000 наименований⁴², из которых 3 500 переведены на ливвиковское наречие карельского языка и их список размещен на сайте Администрации города Петрозаводска. Одной из особенностей современного языкового облика столицы Карелии является «остаточное трехязычие»: в отдельных случаях, как правило, на старых деревянных зданиях, сохранились двуязычные таблички на русском и финском языках (ул. Луначарского – Lunatsharskinkatu), а на новых русское название выступает уже в паре с карельским переводом (ул. Луначарского – Lunačarskoin uuličči).

В столице Карелии появились улицы с «карельскими» названиями (Ливвиковская, Людиковская и др.), ряд уличных наименований имеет национальную историческую и культурную основу: улица Рокаччу⁴³, переулок «Ома Муа»⁴⁴, сквер Карельских Рун⁴⁵ и др.

Использование лексемы *uuličči* при переводе на карельский язык русскоязычного топографического термина «улица», несмотря на недовольство отдельных горожан, вполне оправданно, что подтверждается этимологическим и семантическим анализом карельских лексем *piha* и *kujo*, а также рекомендациями экспертов по их использованию для перевода целого ряда иных русскоязычных классификаторов, обозначающих другие элементы улично-дорожной сети.

В настоящее время в секторе языкознания ИЯЛИ КарНЦ РАН ведется работа по созданию базы данных «Урбанонимы Петрозаводска», где наряду с русскоязычными названиями городских объектов будут приведены их

карелоязычные соответствия (при наличии), при этом оба варианта будут привязаны к электронной карте. Данный ресурс будет размещен в сети Интернет и иметь открытый доступ для пользователей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Рабаданова Л. Н. Урбанонимы Махачкалы: историко-культурологический, структурно-семантический и сопоставительный аспекты: Автореф. дис. ... канд. фил. наук. Махачкала, 2012. 23 с.
- ² А. С. Ярцов, известный горный инженер, возглавлявший в 1772–1782 годах Александровский пушечно-литейный завод.
- ³ Круглая площадь (Циркульная, Полуциркульная), Петровская (с 1873 года), площадь 25 октября 1917 года (с 1918 года), площадь Ленина (с 1960 года).
- ⁴ Переименование улицы было связано с решением в 1786 году Екатерины II о перестройке Александровского завода и переезде в Петрозаводск английских специалистов.
- ⁵ Английская, Соборная, Полицейская, Соломенная, Садовая, Почтамтская, Палатский переулок, Повенецкая, Большая и Малая Подгорные, Петербургская, Святнаволоцкая, Большая и Малая Слободские, Неглинская, Никольская, Малая и Большая Закаменские, Гористая, Новая, Ригачная, Древлянская, Полевая, Военная, Большая Набережная, Семинарская.
- ⁶ Малая Набережная, Пробная, Вознесенская, Вытегорская, Казарменная, Заводская, Угольная, Голиковская, Средняя, Голиковская Малая, Лесная, Машезерская, Голиковская Большая, Александровская, Кладбищенская, Каменная.
- ⁷ Переименование было связано с посещением Петрозаводска великим князем Владимиром Александровичем и его супругой великой княгиней Марией Павловной.
- ⁸ См.: Краевед Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1990. С. 5.
- ⁹ Соборная площадь (современная площадь Кирова) застраивалась по первому, официально утвержденному в 1785 году плану Петрозаводска.
- ¹⁰ Бородинская улица стала проспектом Ленина, Вознесенская – Коммунистов, Никольская – Красной, Задне-Машезерская – Кузьмина, Протасьевская – Луначарского, Александровская и Средне-Голиковская – проспектом Урицкого, Предтеченская – Вольной, Жуковская – Зиновьева, Екатерининская – улицей Троцкого, Большая Голиковская – Володарского, Дмитриевская – Вокзальным шоссе, затем – шоссе 1 Мая. Александровский сквер и Соборная площадь стали площадью Культуры, которая была переименована в площадь Революции, затем – Свободы. Петровская площадь, первоначально носившая имя Советской, с 1918 года вместе с Петровским сквером стали площадью 25 октября 1917 года. См. [9].
- ¹¹ Районы: Центральный, Слободской, Закаменский, Зарецкий, Голиковский. Площади: Заводская, площадь Свободы, площадь 25 октября. Мосты: Заводский, Зарецкий, Советский, Неглинский.
- ¹² Улицы Анохина, Болотная, Большая и Малая Закаменские, Большая и Малая Казарменские, Большая и Малая Подгорные, Военная, Володарского, Вольная, Вытегорская, Гоголевская, Гористая, Заводская, Задне-кладбищенская, Зиновьева, Каменистая, Кладбищенская, Коммунистов, Красная, Кузьмина, 1-я и 2-я Лесные, Луначарского, Широкая и Малая Слободские, Машезерская, Пушкинская, 1-я и 2-я Ригачные, Садовая, Северная, Солдатская, Троцкого, Угольная, Новгородская, Повенецкая, Полевая; набережные Неглинская, Лососинская, Онежская; проспекты Неглинской набережной, Карла Маркса, Ленина, Урицкого, Фридриха Энгельса; переулок Палатский; шоссе 1 Мая. См.: Весь Петрозаводск. Справочная книга г. Петрозаводска на 1923 год. Петрозаводск: Школа полиграфического производства, 1923. С. 55–56.
- ¹³ Красная Карелия. 1928. 1 ноября.
- ¹⁴ Красная Карелия. 1925. 5 февраля.
- ¹⁵ См.: Заводовский М. Н. Вымирающие жилища г. Петрозаводска. Петрозаводск: Наркомздрав, 1925. С. 15.
- ¹⁶ Нуортева А. Ф. – советский политический деятель, в 1924–1928 годах – председатель ЦИК Карельской АССР.
- ¹⁷ Массовая застройка Перевалки осуществлялась в 1935 году.
- ¹⁸ Роль литературного языка выполнял финский язык.
- ¹⁹ Действует с 1998 года.
- ²⁰ Методические рекомендации по передаче русскоязычных урбанонимов на языки коренных народов Карелии (на карельский и вепсский языки) / Сост.: Е. В. Захарова, Т. П. Бойко, О. Ю. Жукова, И. П. Новак. Петрозаводск, 2020. [Рукопись. Хранится в секторе языкознания ИЯЛИ КарНЦ РАН].
- ²¹ Классификатор (топографический термин) – часть урбанонима (*площадь, улица, проспект* и др.).
- ²² Перевод классификаторов на собственное карельское наречие карельского языка подготовлен членом ТОК М. А. Спицыной, перевод классификаторов на ливвиковское наречие карельского языка подготовлен членом ТОК Е. В. Руппиевой.
- ²³ Тарханный – грамота или статус, дающий право освобождения от налогов, пошлин и судов.
- ²⁴ Пикет – точка разметки расстояния на железнодорожных линиях, как правило, с шагом в 100 м. На местности обозначается столбиком (пикетным знаком) с цифровым обозначением на обочине железнодорожного пути (<https://ru.ruwiki.ru>).

- ²⁵ См.: «Выйду на uuličču, гляну на “село”» // Столица на Онего. 06.04.2021 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://stolicaonego.ru/articles/vyjdu-na-uuli-u-gljanu-na-selo/> (дата обращения 15.01.2026).
- ²⁶ См.: «Круглый стол по вопросам терминологии, орфографии и топонимии на языках коренных народов Карелии вызвал большой интерес» // Карельскому языку – официальный статус в Карелии. 19.05.2023 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vk.ru/wall-79741361_13408 (дата обращения 15.01.2026).
- ²⁷ За последние годы число названий городских объектов Петрозаводска значительно увеличилось. Перечень наименований элементов улично-дорожной сети и планировочной структуры Петрозаводска, используемых в качестве реквизита адреса, в настоящее время содержит 6 754 наименования. На первом этапе (2020–2021 годы) переводчику было предложено перевести на карельский язык 2 000 названий городских объектов, на втором этапе (2025 год) – еще 1 500.
- ²⁸ См.: «Где эта uuličču? Вот эта piha!» // Карельскому языку – официальный статус в Карелии. 22.11.2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vk.ru/wall-79741361_8412 (дата обращения 15.01.2026).
- ²⁹ BenKar – Открытый корпус вепского и карельского языков BenKar [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dictorpus.krc.karelia.ru> (дата обращения 11.01.2026).
- ³⁰ Леммы со значением «улица» на сайте BenKar: https://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/dict/lemma?limit_num=10&search_concept=&search_concept_category=&search_id=&search_label=0&search_lang=&search_lemma=&search_meaning=%D1%83%D0%BB%D0%B8%D1%86%D0%B0&search_pos= (дата обращения 15.01.2026).
- ³¹ См.: «Где эта карельская улица?» // Карельскому языку – официальный статус в Карелии. 24.02.2026 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vk.ru/wall-79741361_19318 (дата обращения 15.01.2026).
- ³² В исследованиях первой половины XX века отмечается, что у карелов господствовала беспорядочная планировка поселений [1: 151]. В целом для Карелии были характерны следующие формы поселений – уличная деревня, рядовая береговая деревня в двух вариантах: однорядном и многорядном; рядовая деревня, ориентированная на юг; беспорядочная деревня с домами, ориентированными на юг [1: 152].
- ³³ Suomen sanojen alkuperä: Etymologinen sanakirja. 2, L–P. Helsinki: SKS: KOTUS, 1995. S. 350.
- ³⁴ ск. (здесь и далее по тексту) – собственно карельское наречие карельского языка.
- ³⁵ ливв. (здесь и далее по тексту) – ливвиковское наречие карельского языка.
- ³⁶ Karjalan kielen sanakirja [Verkkoversio] [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kaino.kotus.fi/kks> (дата обращения 11.01.2026).
- ³⁷ Murreh – Диалектная база карельского языка «Murreh» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://murreh.krc.karelia.ru> (дата обращения 11.01.2026).
- ³⁸ Понятие «двор (при доме)» на сайте Диалектной базы карельского языка «Murreh»: <http://murreh.krc.karelia.ru/sosd/concept/1078/map> (дата обращения 11.01.2026).
- ³⁹ Suomen sanojen alkuperä: Etymologinen sanakirja. 1, A–K. Helsinki: SKS: KOTUS, 1992. S. 426.
- ⁴⁰ Karjalan kielen sanakirja [Verkkoversio] [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kaino.kotus.fi/kks> (дата обращения 11.01.2026).
- ⁴¹ Число названий городских объектов Петрозаводска значительно увеличилось в том числе благодаря усилиям учителя истории и обществознания, краеведа, члена городской комиссии по культурно-историческому наследию г. Петрозаводска С. Г. Гайдука.
- ⁴² Сводный перечень топонимов города Петрозаводска [размещен на сайте Администрации Петрозаводского городского округа] [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://portal.petrozavodsk-mo.ru/1704/perecen-elementov-ulicno-doroznoi-seti-i-planirovочноi-struktury-goroda-petrozavodskaja-ispolzuemyx-v-kacestve-rekvizita-adresa.file> (дата обращения 11.01.2026).
- ⁴³ Иван Рокаччу (Рокаччу) – карельский крестьянин, предводитель партизанского движения, противостоявшего шведской оккупации северной Карелии на рубеже XVI–XVII веков.
- ⁴⁴ «Ома Миа» – еженедельная газета на карельском языке, освещающая политическую и культурную жизнь республики.
- ⁴⁵ Карельские руны являются одним из важнейших элементов духовной культуры Карелии и внесены в список нематериального культурного наследия народов России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. Из истории сельских поселений. М.: Изд-во Московского ун-та, 1962. 290 с.
- Захарова Е. В., Нагурная С. В. Коммерческий нейминг в современном городе (кейс «Talojärvi»): социономастический аспект // Вестник угроведения. 2025. Т. 15, № 1 (60). С. 171–179. DOI: 10.30624/2220-4156-2025-15-1-171-179
- Из сведений городского полицейского управления о состоянии г. Петрозаводска. 14 июня 1904 года // Петрозаводск: 300 лет истории: Документы и материалы. Книга 3. 1903–2003. Петрозаводск: Карелия, 2003. С. 13–17.
- История Петрозаводска. Власть и горожане. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2008. 375 с.
- Капуста Л. И. Английская улица // Улицы и площади старого Петрозаводска / Сост. Л. И. Капуста. Петрозаводск: Скандинавия, 2003. С. 8–14.
- Кийранен И. А. Петрозаводск. Историко-экономический очерк. Петрозаводск: Госиздат КФССР, 1941. 91 с.

7. Кондратьев Ф. Г. Наши улицы. Петрозаводск: Карельское книжное издательство, 1962. 131 с.
8. Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941–1944. Петрозаводск: А. Н. Ремизов, 2006. 277 с.
9. Нагурная С. В. Двужычие в городском языковом ландшафте (на примере г. Петрозаводска) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2024. № 3 (45). С. 18–31. DOI: 10.23951/2307-6119-2024-3-18-31
10. Невзорова Г. В. Петрозаводск. М.: Государственное издательство архитектуры и градостроительства, 1950. 30 с.
11. Петрозаводск: 300 лет истории. Документы и материалы. Книга 2. 1803–1903. Петрозаводск: Карелия, 2001. 400 с.
12. Петрозаводск. Хроника трех столетий. 1703–2003. Петрозаводск: Периодика, 2002. 512 с.
13. По обе стороны карельского фронта. 1941–1944: Документы и материалы. Петрозаводск: Карелия, 1995. 636 с.
14. Рабаданова Л. Н. Отражение этнических особенностей полиэтнического региона в урбанонимах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 1–1 (43). С. 132–135.
15. Разумов Р. В. Урбанонимическая система полилингвального города // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 2 (33). С. 119–126. DOI: 10.20323/2499_9679_2023_2_33_119
16. Рассадин А. П., Ильин В. Н. Этноурбанонимы в языковом полиэтническом пространстве города // Ономастика Поволжья: Материалы XX международной научной конференции / Сост. и ред. Н. А. Кичикова, В. И. Супрун. Волгоград, 2022. С. 225–229.
17. Степанова А. С. Толковый словарь языка карельских причитаний. Петрозаводск: Периодика, 2004. 304 с.
18. Филимончик С. Н., Гольденберг М. Л. История Петрозаводска. Петрозаводск: Карелия, 2003. 279 с.
19. Ainiala T. Kaupunkinimistö tutkimuksen perusteet // Virittäjä. 2003. № 107. S. 207–225.
20. Kieli maisemassa, maisema kielessä. Tutkimuksia Turusta. Helsinki: SKS, 2025. 422 s. DOI: 10.21435/tl.292

Поступила в редакцию 09.02.2026; принята к публикации 16.06.2026; дата публикации 30.10.2026

Original article

Ekaterina V. Zakharova, Cand. Sc. (Philology), Senior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

ORCID 0000-0003-3225-7161; katja.zaharova@mail.ru

Svetlana V. Nagurnaya, Cand. Sc. (Philology), Senior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

ORCID 0000-0002-6233-8045; kov@krc.karelia.ru

URBANONYMS OF PETROZAVODSK: THE HISTORY OF BILINGUALISM AND TRANSLATION CHALLENGES

Abstract. The article examines the phenomenon of bilingualism characteristic of the Karelian capital's urban names (urbanonyms) against the backdrop of the history of Petrozavodsk's street network development. The study aims to investigate the diachronic aspects of the formation of bilingual street names and to analyze a range of contemporary topographic terms used for translating Russian urban place names into the Karelian language. Specifically, it seeks to determine the appropriateness of using the Karelian lexeme *uuličču* (street) as a classifier for Karelian-language street names. The relevance of this study lies in the need for a scientific rationale regarding the functioning of various Karelian-language classifiers found in the street names of modern Petrozavodsk. The study's novelty stems from the fact that the topic of the formation of Petrozavodsk's bilingual image remains virtually unexplored, with the exception of a few isolated works. The analysis drew on materials from the "Methodological Guidelines for Translating Russian-Language Urban Names into the Indigenous Languages of Karelia (Karelian and Veps languages)" and the "List of Petrozavodsk Toponyms in the Russian, Karelian, Veps, and Finnish languages", as well as a body of sources documenting the history of the city's street network. The study employs descriptive, etymological, and lexico-semantic research methods. An examination of the etymology and semantics of the Karelian lexemes *piha* and *kujo*, alongside expert recommendations on using them to translate various Russian street-network classifiers – such as *pereulok* (lane), *alleya* (alley/avenue), *bulvar* (boulevard), *proulok* (narrow lane/passageway), and *tupik* (dead-end/cul-de-sac) – has confirmed the validity of using the Karelian lexeme *uuličču* as the equivalent of the Russian classifier *ulitsa* (street) on address signs in Petrozavodsk.

Keywords: Karelia, Petrozavodsk, urbanonyms, translation, bilingualism, Russian language, Karelian language, Finnish language

Acknowledgements. The study was funded from the federal budget as part of the state research task No 124022000089-4 assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Zakharova, E. V., Nagurnaya, S. V. Urbanonyms of Petrozavodsk: the history of bilingualism and translation challenges. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(7):27–37. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1363

REFERENCES

1. Vitov, M. V. Historical and geographical essays on Zaonezhie in the XVI and XVII centuries. From the history of rural settlements. Moscow, 1962. 290 p. (In Russ.)
2. Zakharova, E. V., Nagurnaya, S. V. Commercial naming in a modern city (“Talojärvi” case): the socio-onomastic aspect. *Bulletin of Ugric Studies*. 2025;15(1):171–179. DOI: 10.30624/2220-4156-2025-15-1-171-179 (In Russ.)
3. From the reports of the City Police Department on the state of Petrozavodsk. 14 June 1904. *Petrozavodsk: 300 years of history: Documents and materials. Book 3. 1903–2003*. Petrozavodsk, 2003. P. 13–17. (In Russ.)
4. History of Petrozavodsk. Authorities and citizens. Petrozavodsk, 2008. 375 p. (In Russ.)
5. Kapusta, L. I. English Street. *Streets and squares of old Petrozavodsk*. (L. I. Kapusta, Ed.). Petrozavodsk, 2003. P. 8–14. (In Russ.)
6. Kiiranen, I. A. Petrozavodsk. Historical and economic overview. Petrozavodsk, 1941. 91 p. (In Russ.)
7. Kondratyev, F. G. Our streets. Petrozavodsk, 1962. 131 p. (In Russ.)
8. Kulomaa, J. Finnish occupation of Petrozavodsk, 1941–1944. Petrozavodsk, 2006. 277 p. (In Russ.)
9. Nagurnaya, S. V. Bilingualism in the urban linguistic landscape (using the example of Petrozavodsk). *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2024;3(45):18–31. DOI: 10.23951/2307-6119-2024-3-18-31 (In Russ.)
10. Nevzorova, G. V. Petrozavodsk. Moscow, 1950. 30 p. (In Russ.)
11. Petrozavodsk: 300 years of history. Documents and materials. Book 2. 1803–1903. Petrozavodsk, 2001. 400 p. (In Russ.)
12. Petrozavodsk. A chronicle of three centuries. 1703–2003. Petrozavodsk, 2002. 512 p. (In Russ.)
13. On both sides of the Karelian front. 1941–1944: Documents and materials. Petrozavodsk, 1995. 636 p. (In Russ.)
14. Rabdanova, L. N. Representation of ethnic features of polyethnic region in urbanonym. *Philology. Theory & Practice*. 2015;1–1(43):132–135. (In Russ.)
15. Razumov, R. V. Urbanonymic system of a multilingual city. *Verhnevolzhski Philological Bulletin*. 2023;2(33):119–126. DOI: 10.20323/2499_9679_2023_2_33_119 (In Russ.)
16. Rassadin, A. P., Ilyin, V. N. Ethnourbanonyms in the linguistic multi-ethnic space of a city. *Proceedings of the XX international research conference “Onomastics of the Volga Region”*. Volgograd, 2022. P. 225–229. (In Russ.)
17. Stepanova, A. S. Explanatory dictionary of the language of Karelian lamentations. Petrozavodsk, 2004. 304 p. (In Russ.)
18. Filimonchik, S. N., Goldenberg, M. L. History of Petrozavodsk. Petrozavodsk, 2003. 279 p. (In Russ.)
19. Ainiala, T. Kaupunkinimistöen tutkimuksen perusteet. *Virittäjä*. 2003;107:207–225.
20. Kieli maisemassa, maisema kielessä. Tutkimuksia Turusta. Helsinki, 2025. 422 p. DOI: 10.21435/tl.292

Received: 9 February 2026; accepted: 16 June 2026; published: 30 October 2026

НАТАЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ПЕЛЛИНЕН

кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора языкознания Института языка, литературы и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук»
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-5648-6877; nataliapellinen@gmail.com

ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ РЕБЕНКА-СИРОТЫ (на карельских диалектных материалах)

А н н о т а ц и я . С позиций этнолингвистики анализируется лексика карельского языка, связанная с образом ребенка-сироты. С помощью приемов этимологического и сопоставительного анализа, а также методов лингвистической реконструкции делается попытка осмыслить природу прямых именований (например, *orbo* ‘сирота’, *tuattuoli* ‘отчим’), а также механизмы переноса значений в поэтических иносказаниях (например, *armotoi* ‘обделенный родительской лаской’). Анализируются происхождение и продуктивность суффикса *-(in)tim(A)*, *-(in)dAm*, *-(in)dim* в словообразовании терминов заместительного родства. При рассмотрении лексики привлекаются словари по карельскому и родственным ему языкам, приводятся примеры из фольклорных текстов, фразеологии и топонимии, а также полевые наблюдения автора. Анализ показывает, что словообразовательные модели лексико-семантической группы «ребенок-сирота» в карельском и других прибалтийско-финских языках являются тождественными. Важным аспектом для понимания языкового образа ребенка-сироты является прослеживаемое в части именований сочувствие к его доле, в противоположность образу незаконнорожденного ребенка.

Ключевые слова: карельский язык, этнолингвистика, словообразование, языковой образ, ребенок-сирота
Благодарности. Работа выполнена в рамках бюджетного финансирования КарНЦ РАН (тема № 124022000089-4).

Для цитирования: Пеллинен Н. А. Языковой образ ребенка-сироты (на карельских диалектных материалах) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 7. С. 38–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1364

ВВЕДЕНИЕ

Исследуемая автором с позиций этнолингвистики языковая картина детства у карелов сложна и многогранна. В данной статье предлагается обратиться к карельской диалектной лексике, в которой отразился языковой образ ребенка-сироты и приемного ребенка. Анализ происхождения и способов образования слов этой лексико-семантической группы (ЛСГ)¹ позволяет выявить средства, с помощью которых в языковой картине мира детства передан взгляд на ребенка, лишенного одного или обоих родителей.

Ключевой идеей этнолингвистики, методы и принципы которой использованы в исследовании, является мысль об интегральности традиционной духовной культуры, о содержательном (семантическом) единстве всех ее жанров и форм, см., например, [4]. По этой причине при анализе лексики, связанной с языковым образом ребенка, в работах автора этой статьи наряду с данными

двуязычных, этимологических и толковых словарей приводятся сведения по фольклористике, этнографии, фразеологии, а некоторые положения исследования иллюстрируются не только примерами из образцов речи, но также текстами карельского фольклора.

Используя приемы этимологического и сопоставительного анализа, а также методы лингвистической реконструкции на карельских диалектных материалах, маркирующих языковой образ ребенка-сироты, автор опирается на данные других прибалтийско-финских языков ввиду общности грамматических и лексических процессов в языках этой группы.

Большинство приводимых в работе лексем из двуязычных словарей (по вепсскому языку², ливвиковскому³, собственно карельскому⁴, людиковскому⁵ наречиям карельского языка, а также водскому языку⁶) не сопровождается ссылками на источник. Источник указывается лишь в тех

случаях, когда речь идет о показательных примерах из соответствующей словарной статьи.

СЕМАНТИКА ЛЕКСЕМ *ORBOI*, *ORBUOI*, *ORPO*

Самая распространенная основа со значением 'сирота' в прибалтийско-финских и саамском языках отражена в лексемах ливв. *orboi*, люд. *orbuoi*, с. к. *orpo*. Надо отметить, что в диалектах слово может использоваться также в отношении взрослого человека со значением 'одинокий', например, в составе сложного слова ливв. флк. *ei ole orboiakal ni vahnan päivän varua, ni tuwčšupäivän turbua* 'нет у одинокой женщины ни надежды в старости, ни надежды в ненастный день'⁷.

Слово считают индоевропейским по происхождению и относят к той же основе, что и праарийское и праиранское **arbha-s*, которое связывают с позднеиндийским *arbha-h* 'маленький, слабый, молодой' [6: 272]. Интересно развитие основы, прослеживающееся в прибалтийско-финских языках, например, в финских диалектах производными от слова *orpo* называются глаголы *orvita* 'оттеснять, отторгать, обращаться грубо', *orvistaa* 'бросать, отторгать, держать в тени' и фитоним *orvokki* 'виола полевая, фиалка' [6: 272].

ТЕРМИНЫ РОДСТВА, ОБРАЗОВАННЫЕ СУФФИКСАЛЬНЫМ СПОСОБОМ И СЛОВОСЛОЖЕНИЕМ

Довольно продуктивным суффиксом, с помощью которого образуются термины заместительного родства, является формант с. к. *-(in)timA*, ливв., люд. *-(in)dAm*, *-(in)dim*, например:

ливв. *poijindam* (< *poigu* 'сын'), люд. *poigindam* (< *poig* 'сын'), с. к. *pojintima*, *po(i)jindima* (< *poika*, *poiga* 'сын') 'пасынок',

ливв. *tyttärindäm*, *tytärdim*, люд. *tytrindam*, *tytrindim*, с. к. *tytärtimä* (< *tytär* 'дочь') 'падчерица'.

О суффиксе *-intimA* (соотнося его с вепским *-indam*) с интересом упоминает Элиас Леннрот, отмечая в своих исследованиях по словообразованию, что формант передает значение сложившихся в результате брака родственных отношений [5]. Любопытно, что в прибалтийско-финских языках данный суффикс используется не только для обозначения детей, лишившихся одного или обоих родителей, но и для обозначения мачехи и отчима:

вепс. *emindam* (< *ema*, *emä* 'самка', **мать*'), *ma-mindam* (< *mat* 'мать') 'мачеха'; *ižindam* (< *iža* 'самец', **отец*'), *tatindam* (< *tat* 'отец') 'отчим',

вод. *emintimä* (< *emä* 'мать'), 'мачеха', *izintimä* (< *iža* 'отец') 'отчим',

ливв. *ižindäm* (< *iža* 'отец'), *tuatindam* (< *tuatto* 'отец') 'отчим'; *emindämy* (< *emä* 'мать', устар.), *tuamindam* (< *tuamo* 'мать') 'мачеха' и т. д.

О продуктивности рассматриваемого аффикса свидетельствует его репрезентированность как в словах с прибалтийско-финскими основами, так и в основах, представленных славянскими заимствованиями (например, в лексемах с основой на ливв. *emä* 'мать', *ižä* 'отец' и *tuamo* 'мать', *tuatto* 'отец'). По данным вепсолога Н. Г. Зайцевой, в современном вепсском языке слова *ižä* и *emä* используются только для обозначения пола животных, при этом применимо к человеку, исключительно в основах рассмотренных терминов заместительного родства, они встречаются практически повсеместно, что подчеркивает значимость данных лексем в языке.

В карельских диалектах встречается лексема твер. *tytärlendämä*, ливв., люд. *tytärlendäm* (< *tytär* 'дочь') 'падчерица'. Фонетические варианты слова известны также в юго-восточных говорах финского языка, в ижорских и водских диалектах. По одной из гипотез финляндских ученых, *lentämä* возводится к форманту *läntä*, означающему в составе сложных прилагательных 'уменьшение в свойстве, выраженном в корневом слове', и связывается с основами слов *emintimä* 'мачеха', *isäntimä* 'отчим', *pojintima* 'пасынок' и др.⁸ По уточненной версии, *lentämä* стало результатом фонетических изменений в развитии слова. Если обратиться к вепс. *tütrindam* (< **tüttärintämä*) 'падчерица', то можно предположить, что начальной формой реконструированного слова могло быть *tüttärintimä* или *tüttärentämä*, которое под воздействием диссоциации преобразовалось в *tüttälintimä* или *tüttälintämä*, а далее – под влиянием народной этимологии – в *tytärlentämä*⁹. Действительно, в народном представлении формант *lentämä*, выступающий в словах типа твер. *tytärlendämä* 'падчерица', фин., ижор. *sisarlentämä* 'сводная сестра', соотносится с глаголом с. к. *lendyä*, фин. *lentää* 'летать' и связывается с некой «половинчатостью», «залетностью» образа сводной родственницы, что становится понятным после бесед с информантами и знакомства с финскими интернет-публикациями.

За разнообразием лексики заместительного родства в прибалтийско-финских языках стоит в том числе их словообразовательная гибкость. Так, лексемы, соответствующие терминам *пасынок*, *падчерица*, образуются не только суффиксальным способом (ливв. *poijindam*, люд. *tytrindam*), но и посредством словосложения, при этом в языке закрепились варианты терминов родства, образованных как от глагола ливв., с. к. *ottua*, люд. *ottada* 'брать' (*ottopoigu*, *ottopoika* 'приемный сын', с. к. *ottotytär* 'приемная дочь'), так и от слова *puoli* (с. к. *poikapuoli* букв. 'замещающий сына').

ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ СИРОТЫ И ЛЕКСЕМА *ARMO*

Для обозначения ребенка-сироты в диалектах карельского языка фиксируются эмоционально окрашенные лексемы с основой на *armo*, воспринимаемые современными носителями языка как поэтические.

Слово *armo* с говоров собственно карельского наречия переводится как 'жалость', 'ласка', 'любовь', 'милость'. Семантика любви, уважения, заботы во всех наречиях карельского языка передается в том числе через производные от основы *armo* лексемы *armaS* 'дорогой', 'любимый', 'милый', с. к. *armollini*, ливв. *armahalline* 'милосердный', *armaStua* 'ласкать', 'любить', 'жалеть' (с. к. *armahuttua* 'любить', 'жалеть') и др. В ливвиковском наречии карельского языка, как и в вепсском языке, одним из значений слова *armo* (вепс. *armod*) является 'родительская любовь', та же семантика наличия / отсутствия родительской любви прослеживается в его производных в других карельских наречиях: ливв., люд. *armotoi* 'осиротелый', 'сирота', с. к. *armotoin* (в одном из значений) 'беспризорник', 'сирота'. В прибалтийско-финских языках для обозначения ребенка-сироты используется та же словообразовательная модель: инг. *armoto*, вепс. *armotoi* (*laps*) и т. д.

Интересно, что в собственно карельском наречии, согласно Словарю собственно карельских говоров Карелии, производные лексемы *armo* в семантическом отношении несколько отделились от выражения только родительской любви и милости. Так, слово *armotoin* обладает также значениями 1) 'лишенный любви', 'несчастный' и 2) 'жестокый', 'немилосердный'¹⁰. При этом в том же словаре приводятся примеры на лексему *armo* и производную от нее, в которых субъектами действия выступает один из родителей: *tuatopuoli oli armotoin, lapšet varatti häntä* 'отчим был жестоким, дети боялись его'; *muamotta ei ole armuo* 'без матери нет ласки'¹¹. Вероятнее всего, первоначальным значением лексемы *armo* во всех наречиях карельского языка было 'родительская любовь', которое в многочисленных производных со временем развилось до обозначения человеческого милосердия и любви вообще. В подтверждение этого отметим, что в тунгудском говоре собственно карельского наречия за лексемой *armolaizet* сохранилось значение 'родители'¹², а в словаре карельского языка ливвиковского наречия Г. Н. Макарова вторым значением слова *armo(ine)* значится 'родитель-бабушка' с пометой «поэтическое»¹³. Кроме того, лексемы с. к. *armoseni*, ливв. *armoizeni* выступают в языке карельских плачей, согласно терминологии А. С. Степановой, метафорической заменой¹⁴ терминов *мать*, *отец*, *родители*, так, примером двусоставной метафорической за-

мены термина *отец* в плачах Средней Карелии является *kuulu armozeni* 'знатный мой милостливый' [3: 132].

К рассматриваемой лексико-семантической группе «ребенок-сирота» можно отнести понятие «подброшенный ребенок». В ливвиковском наречии оно представлено лексемой с нейтральной коннотацией *löydölapsi* < *löydiä* 'находить' + *lapsi* 'ребенок', что можно буквально перевести как 'найденный ребенок'. По аналогичной модели (глагол + лексема *ребенок*) в собственно карельских и ливвиковских диалектах образована лемма *heittolapsi* < *heittyä, heittiä* 'бросать' + *lapsi* 'ребенок', что буквально означает '(под)брошенный ребенок'. В данном слове коннотация смещается: в глаголах с. к. *heittyä*, ливв. *heittiä*, представленных первой частью сложного слова, содержится оттенок значения некоторой преднамеренности действия. По мнению ономастов ИЯЛИ КарНЦ РАН, название деревни Гейтойла (*Heittoilu*) Олонецкого района Республики Карелия произошло от прозвища первопоселенца, который, видимо, был подкидышем, или его родового прозвания (то есть подкидышем мог быть основатель рода), поскольку топоним образован по традиционной номинативной модели «имя / прозвище / патроним» (*Heitto*) + локативный суффикс *-lu* со значением 'место поселения' [1: 174].

ОБРАЗ СИРОТЫ VS ОБРАЗ НЕЗАКОННОРОЖДЕННОГО

Следует отметить, что, хотя образ ребенка-сироты указывает на факт отсутствия одного или обоих родителей, все же в традиционной культуре он не коррелирует с образом незаконнорожденного. Дело в том, что при сосуществовании в народном сознании мифологических верований и религиозных устоев христианства внебрачный ребенок, с одной стороны, лишен духов – покровителей рода родителей (ср. рус. *половинкин сын*), с другой – его зачатие и рождение не благословлено церковью, а, значит, приход в мир такого ребенка по народным представлениям ошибочен, греховен, расходится с традиционными нормами [2]. Поэтически о зачатии и рождении незаконнорожденного в карельском языке говорят так: *tuulel tuodu, ahaval ajettu* 'ветром принесен, сухим, холодным пригнан'¹⁵, образ семантически соотносится с нежелательностью, невостребованностью, неприкаянностью, на которые обречен такой ребенок, что семантически отразилось в некоторых лексемах (напр. ливв. *äbäre* 'внебрачный ребенок' > герм. *abara* 'что-то поздно зародившееся'; отсюда *äpärvuona* 'ягненок, родившийся в конце лета или осенью', *äpäre* 'отáva' и др.) [7: 458]. Напротив, положение ребенка-сироты в традиционном осмысле-

нии не порицается и заслуживает сочувствия, что доказывает лексика, среди которой встречается не только семантически нейтральная, но также образная, представленная лексемами из поэтической речи, о чем говорилось выше. Кажется логичным, что различию в восприятии внебрачного ребенка и ребенка-сироты в традиционном мировоззрении не в последнюю очередь способствовало христианство.

ВЫВОДЫ

Лексико-семантическая группа «сирота, приемный ребенок» в карельском языке довольно обширна и представлена как односоставными (например, ливв. *orboi* ‘сирота’), так и двусоставными лексемами (например, с. к. *ottopoika* ‘приемный сын’). С точки зрения словообразовательного потенциала прибалтийско-финских языков интересным феноменом представляется существование ряда именований с суффиксом *-(in)timA*, *-(in)dAm*, *-(in)dim*, маркирующим термины заместительного родства (люд. *poigandam* ‘па-

сынок’, с. к. *tytärtimä* ‘падчерица’ и др.). Большая часть лексем рассматриваемой ЛСГ обладает нейтральной коннотацией, однако заслуживает отдельного внимания эмоционально насыщенная группа слов с основой *armo*, которая в одном из значений связана с родительской заботой и любовью (напр., ливв., люд. *armotoi* ‘сирота’) и в современном языке соотносится с поэтической речью. Доминирующим аспектом, прослеживаемым среди данной части слов ЛСГ «сирота, приемный ребенок», становится мысль о сочувствии к ребенку, лишенному родительской заботы и любви, в отличие от лексики, маркирующей образ незаконнорожденного, которая часто представлена метафорами с семантикой ненужности или бесполезности. Более цельным языковой образ ребенка-сироты становится не только при использовании лексикографических работ по карельскому и родственным ему языкам и полевым наблюдениям, но и при обращении к фольклорным, этнографическим, топонимическим и другим материалам.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Лексико-семантическая группа – объединение слов одной части речи с общим основным компонентом значения. Например, к ЛСГ «глупец» можно отнести слова с. к. *hupetti*, *hölmö*, *höperö*, *tupičča*, *älviskö* и др.
- ² Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л.: Наука, 1972. 746 с.
- ³ Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1990. 495 с.
- ⁴ Словарь собственно-карельских говоров Карелии – *Karjalan varšinaismurtehien šanakirja* / Сост. В. П. Федотова, Т. П. Бойко; Под общ. ред. В. П. Федотовой. Петрозаводск, 2009. 350 с.
- ⁵ *Lyydiläismurteiden sanakirja. Päätoimittaja: J. Kujola. Helsinki, 1944. 534 s.*
- ⁶ *Vadja keele sõnaraamat / Toim. S. Grünberg. Tallinn, 2013. 1824 lk.*
- ⁷ Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1990. С. 245.
- ⁸ Ojansuu, Heikki A. *Pari sukulaisuusnimeä. 1. Emä, emo. 2. Tytärtentämä tytärpuoli // Virittäjä. 1903. Vol. 7, № 1. S. 92–95.*
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Словарь собственно-карельских говоров Карелии – *Karjalan varšinaismurtehien šanakirja* / Сост. В. П. Федотова, Т. П. Бойко. Под общ. ред. В. П. Федотовой. Петрозаводск, 2009. С. 27.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1990. С. 22.
- ¹⁴ Метафорическая замена – термин, предложенный исследователем русских причитаний К. В. Чистовым и подразумевающий устойчивые метафоры, заменявшие, в частности, термины родства при обозначении участников похоронного или свадебного обряда. См., например, *Причитания* / Вступ. ст. и примеч. К. В. Чистова; Подгот. текста Б. Е. Чистовой и К. В. Чистова. Л., 1960. С. 13.
- ¹⁵ Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1990. С. 245, 16.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

вепс. – вепсский язык
 вод. – водский язык
 герм. – германское слово
 ижор. – ижорские диалекты
 инг. – ингерманландские диалекты
 ливв. – ливвиковское наречие карельского языка
 ЛСГ – лексико-семантическая группа
 люд. – людиковское наречие карельского языка
 с. к. – собственно карельское наречие карельского языка
 флк. – фольклор

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузьмин Д. В., Муллонен И. И., Захарова Е. В. Ливвиковские деревни от А до Ä: Словарь названий населенных мест / Под общ. ред. И. И. Муллонен. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2025. 350 с.
2. Пеллинен Н. А. Образ незаконнорожденного ребенка в карельском языке // *Russian Linguistic Bulletin*. 2023. № 12 (48) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rulb.org/archive/12-48-2023-december/10.18454/RULB.2023.48.43> (дата обращения 08.01.2026).
3. Степанова А. С. Толковый словарь языка карельских причитаний. Петрозаводск: Периодика, 2004. 304 с.
4. Толстая С. М. Этнолингвистика: современное состояние и перспективы: Лекция // Фольклор и пост-фольклор: структура типология, семиотика [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/Tolstaja.html> (дата обращения 15.01.2026).
5. Pitkänen Kaarina. «Suomen kielen suurin rikkaus ja ihanin ominaisuus»: Elias Lönnrotin johto-oppia // *Virittäjä*. 2005. Vol. 109, № 1. S. 52–82.
6. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. (U.-M. Kulonen, Päätoimittaja). 2 osa. Helsinki, 1995. 470 s.
7. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. (U.-M. Kulonen, Päätoimittaja). 3 osa. Helsinki, 2000. 504 s.

Поступила в редакцию 09.02.2026; принята к публикации 16.06.2026; дата публикации 30.10.2026

Original article

Nataliya A. Pellinen, Cand. Sc. (Philology), Research Fellow,
Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research
Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-5648-6877; nataliapellinen@mail.ru

THE LINGUISTIC IMAGE OF AN ORPHAN IN KARELIAN DIALECTS

Abstract. The paper analyzes Karelian lexical units associated with the image of an orphan from an ethnolinguistic perspective. Using techniques of etymological and comparative analysis and methods of linguistic reconstruction, the author attempts to understand the nature of direct nominations (e. g., *orbo* (orphan) or *tuattovuoli* (stepfather)), as well as the mechanisms of semantic transfer in poetic allegories (e. g., *armotoi* (deprived of parental affection)). The author discusses the origin and productivity of the suffixes *-(in)tim(A)*, *-(in)dAm*, *-(in)dim* in derivation of substitutive kinship lexical items. The lexicon analysis draws on data from dictionaries of Karelian and related languages, author's field observations, phraseology, toponymy, and folklore texts. The analysis confirms that the word-formation patterns of the lexical-semantic group "orphan" in Karelian and other Baltic-Finnic languages share a common origin. An important aspect of understanding the linguistic image of an orphaned child is the sympathy for their fate seen in the way they are named, as opposed to the image of an illegitimate child.

Key words: Karelian language, ethnolinguistics, word formation, linguistic image, orphan child

Acknowledgements. The study was funded from the federal budget as part of the state research task No 124022000089-4 assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Pellinen, N. A. The linguistic image of an orphan in Karelian dialects. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(7):38–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1364

REFERENCES

1. Kuzmin, D. V., Mullonen, I. I., Zakharova, E. V. Livvik villages from A to Ä: a dictionary of place names. (I. I. Mullonen, Ed.). Petrozavodsk, 2025. 350 p. (In Russ.)
2. Pellinen, N. A. The image of an illegitimate child in the Karelian language. *Russian Linguistic Bulletin*. 2023;12(48). Available at: <https://rulb.org/archive/12-48-2023-december/10.18454/RULB.2023.48.43> (accessed 08.01.2026). (In Russ.)
3. Stepanova, A. S. Explanatory dictionary of the language of Karelian lamentations. Petrozavodsk, 2004. 304 p. (In Russ.)
4. Tolstaya, S. M. Ethnolinguistics: current state and prospects: Lecture. *Folklore and post-folklore: structure, typology, semiotics*. Available at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/Tolstaja.html> (accessed 15.01.2026). (In Russ.)
5. Pitkänen, K. "Suomen kielen suurin rikkaus ja ihanin ominaisuus": Elias Lönnrotin johto-oppia. *Virittäjä*. 2005;109(1):52–82.
6. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. (U.-M. Kulonen, Päätoimittaja). 2 osa. Helsinki, 1995. 470 s.
7. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. (U.-M. Kulonen, Päätoimittaja) 3 osa. Helsinki, 2000. 504 s.

Received: 9 February 2026; accepted: 16 June 2026; published: 30 October 2026

НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА ЖУРАВЛЕВА

соискатель кафедры современного русского языка имени П. А. Леканта

Государственный университет просвещения

(Москва, Российская Федерация)

ORCID 0009-0003-5017-5087; Natasha.zhuravleva99@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОСНОВА ПРОЕКТА «СЛОВАРЯ ЯЗЫКА И. А. ЕФРЕМОВА»

А н н о т а ц и я . Рассматривается проект «Словаря языка И. А. Ефремова». Определена мегаструктура словаря, которая заключается в интеграции разных словарных форм: частотный словарь, идеографический словарь, ономастикон, список ключевых слов. Для каждой лексикографической формы использовались свои методы: статистический метод для частотного словаря, идеографический принцип расположения лексического материала для одноименного словаря (рубрики, сферы, группы), классификационный для ономастикона, сравнительно-сопоставительный метод для списка ключевых слов. В макроструктуре идеографического словаря выделены рубрики-понятия Человек, Природа, Наука. Сформулировано понятие «концептуальная основа словаря» через связь лексической системы писателя и его концептосферы. Научная новизна исследования заключается в создании системы лексикографического описания «космических» романов И. А. Ефремова как писателя-ученого и фантаста, который создает ментальный образ будущего на примере цивилизации «Великое Кольцо». В настоящий момент концепция «Словаря языка И. А. Ефремова» сформирована, лексикографический проект находится в стадии активной разработки.

К л ю ч е в ы е с л о в а : авторский словарь, идеографический словарь, частотный словарь, ономастикон, образ будущего, И. А. Ефремов

Д л я ц и т и р о в а н и я : Журавлева Н. С. Концептуальная основа проекта «Словаря языка И. А. Ефремова» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 7. С. 43–51. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1365

ВВЕДЕНИЕ

Современная авторская лексикография ориентируется на создание словаря, который предполагает выход на уровень языковой личности, отражает особенности мировосприятия писателя, его новаторскую технику, показывает лексический срез выбранной эпохи. Проблема создания авторского словаря стала актуальной в 1950–1960-х годах. Возможность применения компьютерных средств при исследовании индивидуально-авторских особенностей была поставлена впервые в трудах В. П. Григорьева [8]. И уже в последние десятилетия данное направление в лингвистике стало называться авторской лексикографией, это часть современного актуального направления – лингвоперсонологии:

«Авторские словари аккумулируют в себе различные “типы знаний”, что позволяет им служить объективной основой для лексикологических, семантико-стилистических, текстологических и других исследований, средством целостного изучения художественного мира писателя, авторских идиостилей и интеридио-стилевых взаимодействий» [29: 5].

Принципы отбора лексического материала и его представления в авторском словаре зависят от исследуемой языковой личности и задач автора-составителя. Например, такие словарные труды и исследования, как: мультимедийный онлайн-словарь Бориса Рыжего [3]; «Словарь языка Ф. М. Достоевского» [26]; «Словарь языка О. Э. Мандельштама» [7]; «Словарь русского народного языка А. Н. Островского» [5]; «Словарь поэтического языка В. А. Жуковского» [11]; «Словарь языка М. Е. Салтыкова-Щедрина»¹; «Словарь языка Н. В. Гоголя» [9]; «Идиоматика русского авангарда» [12]; «Словарь ключевых слов поэзии Георгия Иванова»²; «Словарь языка М. В. Ломоносова» [25]; персональная энциклопедия «Н. Ф. Федоров» [14]; «Народное слово в рассказах и повестях Валентина Распутина»³; «Идеографический словарь языка И. Гаспринского» [16]; словарь «Стругацкие: комментарий для генерации NEXT» [1] – совершенно по-разному воплощают индивидуальное художественное восприятие действительности писателями.

Авторский словарь, в частности «Словарь языка И. А. Ефремова», должен реконструировать авторскую модель мира и его ключевые концепты, то есть «глобальный образ мира», выражающегося в слове и формирующегося в сознании читателя на лингвистической основе [27: 50]. Проект «Словаря языка И. А. Ефремова» включает четыре словарные формы: частотный словарь, идеографический словарь, ономастикон, словарь ключевых слов. Концептуальная основа словаря позволяет репрезентировать концептуальные понятия образа будущего у И. А. Ефремова. Словарная статья может представлять собой один из вариантов экспликации языковой картины мира и являться способом выявления ассоциативно-концептуального содержания ключевых слов-образов⁴. Под концептуальной основой словаря понимаем здесь способность рубрик показывать связь с концептосферой космических романов, вербализовать концептосферу языковой личности. Она позволяет исследователю определить особенности индивидуально-авторской экспликации концепта.

Проблема создания синопсиса идеографического авторского словаря решается авторами-составителями двумя способами: взять за основу синопсис русского языка; создать автономный синопсис для авторского лексического материала. К примерам идеографического описания лексики современного русского языка относятся «Русский семантический словарь» Н. Ю. Шведовой⁵, «Идеографический словарь русского языка» О. С. Баранова⁶, «Тематический словарь русского языка» В. В. Морковкина [20], а также комплекс толковых словарей Л. Г. Бабенко, руководителя Уральской семантической школы [2].

К современным идеографическим авторским словарям относятся: «Идеографический словарь языка французских стихотворений Ф. И. Тютчева»⁷; Информационно-поисковая система «Словарь языка М. Е. Салтыкова-Щедрина» [6]; «Словарь поэтических образов Александра Гродницкого»⁸; «Поэтический словарь Николая Клюева»⁹; а также современные проекты: «Цифровой частотный словарь языка Бориса Рыжего» [3]; «Идеографический словарь языка И. Гаспринского» [16]; дифференцированный объяснительный словарь военной лексики романа Л. Н. Толстого «Война и мир» [13]; Идеографический конкорданс языка С. А. Есенина [18].

Идеографическое расположение лексики в словаре И. А. Ефремова позволит определить тематическую область языковой картины мира. Денотативно-идеографические сферы представляют собой набор существенных при-

знаков, которые являются результатом авторского отражения действительности и предметно-понятийного содержания концепта; лексико-тематические группы представляют совокупность языковых средств, объективирующих концепт (представление в содержании и структуре концепта в концептосфере). Закон номинативной дробности (И. А. Стернин), определяющий связь между номинативной дробностью денотативной сферы и важностью репрезентируемых ее номинативов [19: 63], действует и в авторском идеографическом словаре, где количество номинативов в денотативно-идеографических сферах указывает на необходимые для писателя-фантаста категории окружающей действительности для создания идеалистического образа будущего «Великого Кольца».

Элементы структуры словарной статьи идеографического словаря будут направлены также на репрезентацию концепта: лексический вход – исходная форма лексемы, зона частотности определяет принадлежность слова к ядру, центру и периферии концептуального понятия; зона сочетаемости иллюстрирует реализацию концептуальных признаков в текстах писателя. Организация зоны сочетаемости по глагольно-именным и падежным сочетаниям соответствует концепции В. В. Колесова по экспликации содержания концепта: предикаты, основания, условия, причины, цели [15]. Так, проект «Словаря языка И. А. Ефремова» представляет формальную организацию концепта и представляет его в виде парадигмы¹⁰. Таким образом, мега-, макро- и микроструктура словаря позволяют охарактеризовать особенности индивидуально-авторской художественной картины мира писателя-ученого и фантаста.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для советской литературы характерны построения научных теорий о будущем, воплощенных в художественных произведениях. Изображая нереальные явления действительности через представление научно-обоснованных, но еще не созданных человеком изобретений, литература вымысла и фантастики сформировалась как жанр «научная фантастика»¹¹ [28]. Не имея возможности доказать определенную научную теорию, за недостаточным развитием техники или же отсутствием эмпирического опыта, ученые транслировали свои гипотезы в произведениях. К таким ученым-фантастам относятся А. В. Чаянов, К. Циолковский, И. А. Ефремов, В. Обручев, К. Булычев, С. М. Беляев. В отличие от других писателей-фантастов И. А. Ефремов

является не просто основоположником советской научной фантастики, а первооткрывателем научной фантастики «дальнего прицела». Его тексты изображают модель будущего через многие тысячелетия, где изменена не только терраструктура планеты, но и сама цивилизация [11]. Интерес к будущему свойственен русской национальной картине мира: «В России не было счастливого настоящего, а только заменяющая его мечта о счастливом будущем» [17]. Понятие «образ будущего» становится актуальным для отечественной философии и политологии [23].

Материалом для словаря послужили «космические» тексты: романы «Туманность Андромеды» (1957)¹², «Час Быка» (1970)¹³ и повесть «Сердце Змеи» (1958)¹⁴. Представленные художественные тексты были объединены нами в один цикл «космических романов» по ряду причин: сквозные персонажи, единое летоисчисление, единый образ будущего, художественная природа которого формируется научным мировоззрением.

Количественная обработка текстов романов осуществлялась в специальной компьютерной программе «Wordstat». В исходном документе содержалось более 200 000 словоупотреблений. В результате обработки текста был получен лексический каталог, содержащий 44 000 лемм. Дальнейшая обработка лексики проходила вручную. Итого в словаре 17 645 лексем. Они были каталогизированы по частям речи в следующем количественном соотношении: имена существительные – 5914, имена прилагательные – 5911, глаголы и глагольные формы – 5232, наречия – 472, служебные части речи – 116; имена числительные и местоимения в словарь не включаются.

Статистическим методом были ранжированы лексем для частотного словаря. Идеографический метод был применен для одноименной формы словаря, где выделяются рубрики, сферы и группы. Разряды онимов расположены в ономастике по классификационному методу (используется классификация Э. М. Мурзаева [21]). Сравнительно-сопоставительный метод обозначил сходства и различия в Списке ключевых слов (100 самых частотных) «космических» романов и частотного словаря русского языка.

Кроме того, в микроструктуре раздела «Идеографический словарь» использовалась методика определения лексических комбинаций (то есть наборов слов, повторяющихся рядом друг с другом в разных фрагментах текста или в разных произведениях) на основе компьютерной программы «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах» [24], разработанный представителями Смоленской филологической школы (СмолГУ) профессора В. С. Баевского.

Рассмотрим микроструктуру каждой лексикографической формы, представленной в проекте «Словаря языка И. А. Ефремова».

ПРОЕКТ «СЛОВАРЯ ЯЗЫКА И. А. ЕФРЕМОВА»

1. Частотный словарь

Частотный словарь – это первый этап работы с лексическим материалом «космических» романов по принципу от большего к меньшему. В микроструктуре выделяется заглавное слово, показатель количества лексемы и ее индекс частотности. Под индексом частотности понимается соотношение частотности определенной лексемы к общему количеству лексем в романах. Частотность в списке обозначается в (), а индекс частотности – через (–). Указатель (*) присваивается окказиональной лексике. Пример нескольких словарных статей в частотном списке: *Планта* (880) – 15,1; *Жизнь* (640) – 11; *Тормансианка** (32) – 0,5.

Интерпретационный метод позволяет выделить фоновые слова и ключевые: низкочастотные слова, необходимые для миромоделирования; высокочастотные слова для отражения языковой картины мира автора – чем выше индекс частотности, тем ближе слово к ядру рубрики-понятия.

2. Идеографический словарь

В отличие от других идеографических словарей русского языка, структура «Словаря языка И. А. Ефремова» зависит не только от семантических связей языкового материала, но и от идейного содержания «космических» романов. Количественные и качественные показатели в рубриках и тематических группах словаря позволяют охарактеризовать наиболее важные для писателя области при создании образа будущего. Выделенные сферы и лексико-семантические группы в словаре становятся основанием для характеристики языковой личности писателя-фантаста, так как отражают индивидуальные особенности категоризации действительности.

Мегаструктура идеографического словаря позволяет на «вершине» расположить ключевые понятия «фундамента» образа будущего. Все идеографические сферы распределены по этим трем рубрикам-понятиям (Человек, Природа, Наука), что позволяет миромоделировать образ будущего в зависимости от их качественных и количественных параметров как ноосферная цивилизация (расположение понятий в триаде – Человек, Природа, Наука), антропосферная цивилизация (расположение понятий в триаде – Человек, Наука, Природа), техносферная цивилизация (расположение понятий в триаде – Наука, Человек, Природа).

Рубрики-понятия делятся на идеографические сферы. Макроструктура словаря состоит из 11 сфер: Человек как живое существо (355 лексем, 8536 словоупотреблений) – принадлежность, строение тела, органы восприятия, движения и положения, мужчины и женщины, взросление и старение; Человек и его внутренний мир (468 лексем, 4063 словоупотребления) – поведение, восприятие и чувства, настроение, воля, мышление и память, качества человека; Социальная сфера жизни человека (1534 лексемы, 14 579 словоупотреблений) – родство, социальные отношения, характеристика по профессии и деятельности, государство и строй, армия и органы; Язык и речь (131 лексема, 1732 словоупотребления); Искусство и религия (237 лексем, 1875 словоупотреблений); Еда (32 лексемы, 188 словоупотреблений); Окружение человека и предметы быта (379 лексем, 2885 словоупотреблений); Наука (1551 лексема, 66 018 словоупотреблений) – виды наук, физические понятия, химические понятия, математические понятия, технические понятия, сложная техника, инструмент, прибор, оружие, технические процессы, объекты строительства, стройматериалы, медицина; Универсалии (521 лексема, 28 204 словоупотребления) – время, количество, материя, измерения, процесс; Живая природа (255 лексем, 5798 словоупотреблений) – названия растений, части растений, ботанические термины, названия животных, части тел животных, биологические термины; Неживая природа (306 лексем, 10 389 словоупотреблений) – ископаемые, небо и атмосферные явления, геосфера, гидросфера, вещества, космос, химические элементы.

Сферы делятся на лексико-семантические группы – объединения слов с общими лексико-семантическими вариантами. В некоторых случаях в сфере могут выделяться и тематические группы, например «Названия растений», «Названия животных», «Оружие», «Инструменты». Так, макроструктура данной лексикографической формы представляет собой классификационную схему с гиперо-гипонимическими связями между денотативно-идеографическими сферами, лексико-семантическими группами и тематическими группами. Вопрос о типе объединений слов в сферы и группы в идеографическом словаре И. А. Ефремова с методологической точки зрения можно решить следующим образом: во-первых, это и тематические группы слов, так как они классифицируют предметы и явления действительности по схожим основаниям, во-вторых, это и лексико-семантические группы, так как имеют общую категориальную сему. В связи с тем что к задачам словаря относится отражение языковой личности писате-

ля-фантаста и его образа будущего, а не семантическая классификация лексем, для практического составления словаря актуально только общее качество двух терминов «лексико-семантического поля» и «лексико-семантической группы» – близость слов с общей семантикой.

При создании автономного синопсиса мы столкнулись со следующими проблемами: 1) в авторском словаре лексема представлена не всей совокупностью лексико-семантических вариантов; 2) количество лексем в тематических группах зависит от необходимости автора подробно моделировать эту область в произведении (например, область науки и искусства представлена большим разнообразием лексем, а тематическая группа «Оружие» представлена пятью лексемами); 3) подробность классификации лексем внутри идеографических сфер зависит также от ее наполняемости в авторском словаре.

Идиостиль проявляется в частотности и в сочетаемости (предиктивной, атрибутивной, субстантивной). Микроструктура словаря содержит следующие параметры: заголовочное слово, показатель частотности, индекс частотности, зона грамматической характеристики, зона лексических комбинаций, зона сочетаемости.

Приведем пример фрагмента словарной статьи по лексеме *человек*:

Человек (941) – 0,15; м. р.,

• *Лексические комбинации: земля-планета-человек (112); жизнь-планета-человек (102); жизнь-земля-человек (95) и др.*

• *КТО? человек – интегральная единица в битве или предназначенной к уничтожению толпе; современный человек – результат слияния различных сходящихся в течение миллионов лет ветвей; человек – наследник мучительного миллиардолетнего пути, пройденного планетой, – как неблагодарный и неразумный сын; человек – это не только сумма знаний, но и сложнейшая архитектура чувств; человек – единственная разумная сила в космосе, которая может использовать стихийное развитие материи, овладеть им; Человек – это единственная сила в космосе, могущая действовать разумно и, преодолевая самые чудовищные препятствия, идти к целесообразному и всестороннему переустройству мира, то есть к красоте осмысленной и могучей жизни, полной щедрых и ярких чувств.*

• *ЧТО ДЕЛАЕТ? становится (5), превращать (5), появляться (4), стоять (4), преодолевать (4), входить (3), делать (3), знать (3), мочь (3), говорить (2), владеть (2), жить (2), заставлять (2), прикрывать (2), показываться (2), подниматься (2), понимать (2), собираться (2), идти (2), оказаться (2), оставаться (2), сидеть (2), умирать (2), чувствовать (2), стараться (2) и др.*

• *КАКОЙ? земной (7), молодой (6), сильный (4), отдельный (4), высокий (3), средний (3), любимый (3), обыкновенный (2), умный (2), другой (2), обычный (2), мудрый (2), несчастный (2), невоспитанный (2), настоящий (2), маленький (2), рядовой (2), желтолицый (2) и др.*

• *КОГО? мозг человека (4), психика человека (3), существование человека (3), радость человека (3), воспитание человека (3), развитие человека (3) и др.*

Приведем пример репрезентации авторского концепта по данным словаря. Для этого расположим количественные данные идеографических сфер рубрики-понятия «Человек» в круговой диаграмме (см. рисунок).

При анализе количества лексем в денотативно-идеографической сфере «Социальная сфера жизни человека» для И. А. Ефремова как футуролога становится важным изображение проблемы взаимодействия человека и общества. В данной сфере лексемами с высоким индексом частотности (от 100 словоупотреблений) являются: *дело, друг, история, мир, опыт, работа, совет, труд, человечество, экспедиция, владыка, инженер, командир, начальник, город, закон, народ, общество, борьба*. Частотность лексем *совет, владыка, инженер* обусловлена их функцией в «космических» романах — созданием ирреальности, например, *совет* — это составная часть эргонимов. Денотативно-идеографическая сфера «Человек как живое существо» имеет следующие частотные лексемы: *землянин, тормансианин, глаз, голова, лицо, нога, рука, взгляд*. Первая пара лексем функционирует в романе «Час Быка», где противостоят две модели цивилизации, таким образом, высокий индекс частотности данных лексем обусловлен сюжетом произведения. Сфера «Человек и его внутренний мир» включает высокочастотные лексемы: *чувство, радость, знание, мысль*. Сфера «Язык и речь» содержит лексемы с высоким индексом частотности: *вопрос, голос, слово, тема, язык*. Лексико-семантические группы «Искусство и религия», «Еда», «Окружение человека и предметы быта» в своем наполнении не имеют лексем с высоким индексом частотности.

В футурологической модели цивилизации И. А. Ефремова человека будущего можно представить лексической парадигмой:

дело (174), друг (135), история (116), мир (392), опыт (116), работа (169), труд (110), человечество (183), экспедиция (176), командир (114), начальник (113), город (153), закон (111), народ (138), общество (234), борьба (104);

глаз (385), голова (221), лицо (292), нога (118), рука (418), взгляд (167); чувство (195), радость (106), знание (126), мысль (153); вопрос (189), голос (112), слово (184), тема (196), язык (103).

Итак, выделим когнитивные доминанты: *Человек будущего* у И. А. Ефремова, в первую очередь,

осознающий, видящий, понимающий и говорящий; вступает в борьбу на пути к познанию мира, то есть совершает экспедиции по исследованию пространства; определяет себя частью человечества, которое живет по закону (так как существуют и другие цивилизации в системе Великого Кольца); постижение знаний и трансляция его; трудится; изучение технических и гуманитарных наук

(в ноосферном обществе И. А. Ефремова важны не только изобретения как технические средства, но и изобретения как философские теории и музыкальные произведения). На основе зоны сочетаемости словарной статьи «Человек» выделим предикаты: *почерпнуть, преодолеть, понимать, помогать, чувствовать, совершенствоваться, бороться, беречь, действовать, воспитывать, изучать*. Таким образом, мы можем определить содержание концептуального понятия *Человек* у И. А. Ефремова: представитель правового человечества, который готов вступить в борьбу на пути к познанию мира, основой которого является труд, заключающийся в изобретении не только технических средств, но и гуманитарных дисциплин, используя такие каналы передачи информации, как осязание, зрение, говорение.

3. Ономастикон

Ономастикон «космических романов» И. А. Ефремова состоит из 237 онимов и включает следующие рубрики: *Человек* (антропонимы); *Пространство* (топонимы); *Космическое пространство* (космонимы и астронимы); *Время* (хрононимы); *Растения* (фитонимы); *Организации* (эргонимы); *Средства передвижения* (порейонимы). Классификация онимов проводилась по методике Э. М. Мурзаева [21]. Выбор в пользу общеупотребительного названия рубрики, а не термина был сделан из-за предназначения словаря не только исследователям современного русского языка, национальной картины мира и культуры, а всем любителям русской научной фантастики и ефремоведам.

Для наглядной демонстрации оппозиции двух цивилизаций в «космических» романах — цивилизации «Великое Кольцо» с административно-правовым устройством и цивилизации планеты Торманс с тиранией — расположение словарных статей предполагается в две колонки, где слева будут находиться названия географических объектов планеты Земля, а справа — географических объектов планеты Торманс.

Зоны словарной статьи в ономастиконе «космических» романов И. А. Ефремова следующие: заглавное слово, частотность, иллюстративный пример. Важно отметить, что словарь характеризует научное мировоззрение писателя, то есть содержит узкопрофильные научные термины. Комментарии к такой лексике не будут представлены, для широкого читателя факт «непонимания» некоего процента лексики докажет реконструкцию научной картины мира автором-составителем.

Иллюстративные примеры подбираются субъективно с целью продемонстрировать особенности идиостиля писателя и научно-фантастического жанра. Каждой цитате присваивается шифр, отсылающий к определенному произведению – «Туманность Андромеды» 1957 (ТА), повесть «Сердце Змеи» 1958 (СЗ), «Час Быка» 1970 (ЧБ). Приведем пример словарных статей для онимов *Век Разных Языков* и *Век Голода и Убийств*:

Век Разных Языков (1): Так началась ЭМВ – эра Мирового Воссоединения, состоявшая из веков Союза Стран, *Разных Языков*, Борьбы за Энергию и Общего Языка (ТА).

Век Голода и Убийств (4): Неустойчивость плохо устроенного общества, по существу, состоит в том, что оно всегда на краю глубокой пропасти inferно и при малейшем потрясении валится вниз, к векам Голода и Убийства (ЧБ).

4. Список ключевых слов

Основная идея А. Вежбицкой заключается в представлении особенностей культуры через ключевые слова. Она дает им следующее определение: «Ключевые слова – это слова, особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры» [4: 35]. При статистическом идеографическом анализе языковой личности ключевые слова составляют константу рубрикации понятия:

«...некоторые слова могут анализироваться как центральные точки, вокруг которых организованы целые области культуры. Тщательно исследуя эти центральные точки, мы, возможно, будем в состоянии продемонстрировать общие организационные принципы, придающие структуру и связность культурной сфере в целом и часто имеющие объяснительную силу, которая распространяется на целый ряд областей» [4: 37].

На основе материалов Нового частотного словаря русской лексики О. Н. Ляшевской, С. А. Шарова¹⁵ и раздела словаря «Частотный словарь» в рамках данного проекта был проведен сравнительно-сопоставительный анализ ста самых частотных слов. Методологическая составляющая данного исследования заключена в работах М. Ю. Мухина [22]. В ходе лингвистического эксперимента мы выявили, что совпадение

слов говорит о влиянии национальной картины мира на создание ноосферного будущего:

человек, жизнь, время, глаз, женщина, лицо, машина, голова, вопрос, дело, взгляд, город, комната, день, друг, вода, вид, век, конец, история, дверь, голос, дорога, закон, власть, любовь, душа, возможность, дом, группа, год, имя, ребенок.

Данная лексика характеризует картину мира писателя как концептуальное поле, в основе которого находятся русские национальные концепты (*Родина, Соборность, Воля, Душа, Правда, Труд*). Изображая идеальное будущее, где, по мнению автора, нет места нациям и этносам, И. А. Ефремов не смог пересилить влияние национальной картины мира на свой язык, так как он, а соответственно, и его персонажи, продолжал мыслить, как человек с русской языковой картиной мира. Слова, совпадения которых не было найдено, отражают черты языковой личности самого писателя:

знание, девушка, кольцо, зал, инженер, луч, космос, глубина, гора, борьба, искусство, движение, высота, дерево, врач, километр, воздух, здание, волна, гость, красота, масса, камень, край, аппарат, жест, круг, биолог, встреча, зона, inferно, внимание, картина, защита, лес, линия, ворота, губа, желание, берег, выход, галерея.

Необходимо отметить, что не все слова данной подборки войдут в раздел словаря «Список ключевых слов», так как лексема *ветер* стала высокочастотной подборкой и соответственно попала в словник из-за омонимичной формы с антропонимом *Дар Ветер*.

В словарном разделе «Список ключевых слов» будут выделяться два списка слов: слева – высокочастотная лексика в национальной языковой картине мира с показателем частотности в словаре¹⁶; справа – высокочастотная лексика в «космических» романах И. А. Ефремова с показателем частотности в проекте словаря.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проект сформирован в современной научной лексикографической парадигме и учитывает тенденции в авторской лексикографии. На каждом этапе исследования использовались специальные принципы описания лексического материала: статистический метод для частотного словаря, идеографический принцип расположения лексического материала для собственно идеографического словаря, классификационный для ономастикона, сравнительно-сопоставительный метод для списка ключевых слов.

Организационные и методические аспекты, описанные в данной статье, позволяют доказать тезис о возможности лексикографическим описанием охарактеризовать вербально-образ-

ную картину мира писателя-ученого и фантаста. Это выражается концептуальной основой словаря писателя, заключающейся в выделении триады концептуальных понятий Природа, Человек, Наука, находящихся в основе идеографического расположения лексического материала.

Материалы проекта «Словаря языка И. А. Ефремова» имеют как научное, так и практическое

значение. Словарь может быть использован в дальнейшем изучении научно-фантастического дискурса и особенностей идиостиля советских писателей, чей взгляд устремлен в будущее. Для данной концепции «Словаря языка И. А. Ефремова» предполагается печатное издание, однако в перспективе рассматривается возможность его цифрового издания.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Информационно-поисковая система «Словарь языка М. Е. Салтыкова-Щедрина» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lexrus.ru/default.aspx?p=3223> (дата обращения 10.08.2025).
- ² Тарасова И. А. Словарь ключевых слов поэзии Георгия Иванова. Саратов: ИЦ Наука, 2008. 208 с.
- ³ Народное слово в рассказах и повестях Валентина Распутина: Словарь: В 2 т. / Авт.-сост. Г. В. Афанасьева-Медведева. Иркутск: ООО «Репроцентр А1», 2017. Т. 1. 432 с.
- ⁴ Шуравлев А. М. Ассоциативно-концептуальный словарь культурного кода русской литературы XIX века: Учеб. пособие. Уфа: Изд-во Башкирского ин-та развития образования, 2004. 143 с.
- ⁵ Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Рос. акад. наук. Отд-ние лит. и языка. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; Под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998. 710 с.
- ⁶ Баранов О. С. Идеографический словарь русского языка. М.: ЭТС, 1995. 814 с.
- ⁷ Орехов Б. В. Идеографический словарь языка французских стихотворений Ф. И. Тютчева. Уфа: Даурия, 2004. 44 с.
- ⁸ Купчик Е. В. Словарь поэтических образов Александра Городницкого. Тюмень: Мандр и Ка, 2006. 140 с.
- ⁹ Поэтический словарь Николая Клюева. Вып. 1: Частотные словоуказатели / Авт.-сост.: М. В. Богданова, С. Б. Виноградова, С. Х. Головкина, С. Н. Смольников, Л. Г. Яцкевич. Вологда, 2007. 256 с.
- ¹⁰ Русский идеографический словарь: Мир человека и человек в окружающем его мире (80 концептов, относящихся к духовной, ментальной и материальной сферам жизни человека) / Отв. ред. акад. РАН Н. Ю. Шведова. М.: Изд. центр «Азбуковник», 2011. 1015 с.
- ¹¹ Мызникова Е. А. Научно-художественный синтез в рассказах И. А. Ефремова 1940-х годов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2012. 17 с.
- ¹² Ефремов И. Сочинения: В 3 т. Т. 3, кн. 2. М.: Молодая гвардия, 1976. 478 с.
- ¹³ Ефремов И. А. Час Быка. СПб.: ООО «Издательская группа «Азбука-Аттикус», 2016. 512 с.
- ¹⁴ Ефремов И. Сочинения: В 3 т. Т. 3, кн. 2. М.: Молодая гвардия, 1976. 478 с.
- ¹⁵ Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. 1087 с.
- ¹⁶ Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ашкинази Л., Кузнецова А. Братья Стругацкие! Что узнает о вас генерация Next? // Знание – сила. 2002. № 10. С. 84–89.
2. Бабенко Л. Г. Концепция идеографических словарей, разрабатываемая Уральской семантической школой // Образ человека и человеческий фактор в языке: Словарь, грамматика, текст. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2004. С. 11–20.
3. Барановский П. С., Бабенко Н. Г. Цифровой частотный словарь языка Бориса Рыжего в контексте современной авторской лексикографии // Terra Linguistica. 2023. Т. 14, № 3. С. 7–18. DOI: 10.18721/JHSS.14301
4. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А. Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
5. Верба И. П. Словарь русского народного языка А. Н. Островского: этнолингвистический подход, основные принципы составления // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 75–78.
6. Гладилина И. В., Усовик Е. Г. Опыт конструирования идеографического словаря окказионализмов (на материале произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина). Статья вторая // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2016. № 3. С. 122–132.
7. Глазырин В. А., Казарин Ю. В. Интерпретационная сфера авторского словаря (на материале книги стихотворений О. Э. Мандельштама «Камень») // Филологический класс. 2021. Т. 26, № 2. С. 123–133. DOI: 10.51762/IFK-2021-26-02-10
8. Григорьев В. П. Поэтика слова. М.: Наука, 1979. 244 с.
9. Елистратов В. С. Словарь языка Н. В. Гоголя. Ночь перед Рождеством // Русский язык в школе и дома. 2020. № 2. С. 3–7.
10. Ефремов И. А. Наука и научная фантастика // Фантастика, 1962 год: Сб. / Сост. К. Андреев. М.: Молодая гвардия, 1962. С. 467–480.

11. Жаткин Д. Н. Окаzionaliальные и редкие лексемы в поэтическом языке В. А. Жуковского (к методологии словарной интерпретации) // Научный диалог. 2020. № 9. С. 62–81. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-62-81
12. Зыкова И. В., Соколова О. В. Языковой эксперимент как установка на идиоматизацию в манифестах кубофутуристов: Идиоматика авангарда // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 2. С. 7–20.
13. Козловская Н. В. Лексикографическое описание военной лексики романа Л. Н. Толстого «Война и мир»: от словника к словарной статье // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2024. № 1. С. 96–108.
14. Козловская Н. В. Терминосистема Н. Ф. Федорова как объект персональной энциклопедии философа // Соловьевские исследования. 2020. Вып. 2 (66). С. 154–165.
15. Колесов В. В. Концепты Рассудок, Разум, Ум и Мудрость в поле русского сознания // Гуманитарный вектор. Сер. Филология. Востоковедение. 2016. Т. 11, № 3. С. 75–86. DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-75-86
16. Короглу Л. А. Принципы составления «Идеографического словаря языка И. Гаспринского» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 7 (85), ч. 1. С. 142–146.
17. Лихачев Д. С. Без тумана ложных обобщений (вместо предисловия) // Русские утопии. СПб.: Terra Fantastica: Изд-во Дома «Cognus», 1995. С. 9–20.
18. Мамедов А. А. Доминанты идиостиля С. А. Есенина в словарном представлении // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2024. № 1 (39). С. 133–144.
19. Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. / Под ред. И. А. Стернина. Воронеж: Воронеж. МИОН, Воронеж. гос. ун-т, 2001. 182 с.
20. Морковкин В. В. Идеографические словари. М.: Моск. гос. ун-т им. Ломоносова. Науч.-метод. центр. рус. яз. Сектор лексикологии и словарей, 1970. 71 с.
21. Мурзаев Э. М. Топонимика и география // Вестник МГУ. 1963. № 3. С. 106–109.
22. Мухин М. Ю. Лексическая статистика и концептуальная система автора: М. Булгаков, В. Набоков, А. Платонов, М. Шолохов. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2010. 230 с.
23. Образ будущего в политической философии XX–XXI веков: Коллективная монография / Под ред. М. М. Федоровой. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. 320 с.
24. Павлова Л. В., Романова И. В., Самойлова Т. А. Решение филологических проблем с помощью программного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах» // Известия Смоленского государственного университета. 2013. № 2 (22). С. 314–323.
25. Патроева Н. В. Тропы и фигуры «речений» и «предложений» в риторике и стихотворениях М. В. Ломоносова (по материалам словарей) // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2019. № 2. С. 79–85.
26. Ружицкий И. В. Модальные частицы и междометия в произведениях художественной прозы Ф. М. Достоевского: лексикографическое представление // Критика и семиотика. 2025. № 1. С. 75–93.
27. Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М.: Просвещение, 1975. 271 с.
28. Цветков Е. В. Научная фантастика и научное предвидение // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2008. № 1. С. 49–54.
29. Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография: теория, история, современность. М.: Языки славянских культур, 2011. 404 с.

Поступила в редакцию 18.12.2025; принята к публикации 16.06.2026; дата публикации 30.10.2026

Original article

Natalia S. Zhuravleva, Postgraduate Researcher, State University of Education (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0009-0003-5017-5087; Natasha.zhuravleva99@mail.ru

CONCEPTUAL BASIS OF THE PROJECT “DICTIONARY OF I. A. EFREMOV’S LANGUAGE”

Abstract. The article examines the “Dictionary of I. A. Efremov’s Language” project. The dictionary’s megastructure is defined as the integration of various dictionary forms: a frequency dictionary, an ideographic dictionary, an onomasticon, and a list of keywords. Each lexicographic form is approached with a specific method: a statistical method for the frequency dictionary, an ideographic principle for arranging lexical material (headings, spheres, groups) for the ideographic dictionary, a classificatory method for the onomasticon, and a comparative-contrastive method for the list of keywords. The macrostructure of the ideographic dictionary includes the following headings and concepts: Man, Nature, and Science. The concept of the “conceptual basis of the dictionary” is formulated through the connection between the writer’s lexical system and his conceptual sphere. The scientific novelty of the study lies in the creation of a system for the lexicographic description of the “space” novels by I. A. Efremov, a scientist and science fiction writer who creates a mental image of the future using the example of the Great Ring civilization. The concept of the “Dictionary of I. A. Efremov’s Language” has been finalized, and the lexicographic project is being actively developed at the moment.

Keywords: author’s dictionary, ideographic dictionary, frequency dictionary, onomasticon, image of the future, I. A. Efremov

For citation: Zhuravleva, N. S. Conceptual basis of the project “Dictionary of I. A. Efremov’s Language”. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(7):43–51. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1365

REFERENCES

1. Ashkinazi, L., Kuznetsova, A. The Strugatsky brothers! What will the Next generation learn about you? *Znanie – sila*. 2002;10:84–89. (In Russ.)
2. Babenko, L. G. The concept of ideographic dictionaries developed by the Ural Semantic School. *The image of a human being and the human factor in language: Dictionary, grammar, text*. Ekaterinburg, 2004. P. 11–20. (In Russ.)
3. Baranovskii, P. S., Babenko, N. G. Digital frequency dictionary of Boris Ryzhy's language in the context of modern author lexicography. *Terra Linguistica*. 2023;14(3):7–18. DOI: 10.18721/JHSS.14301 (In Russ.)
4. Wierzbicka, A. Understanding cultures through their key words. (A. D. Shmelyov, Trans.). Moscow, 2001. 288 p. (In Russ.)
5. Verba, I. P. Dictionary of the Russian popular language by A. N. Ostrovsky: ethnolinguistic approach, basic principles of compiling. *Vestnik of Kostroma State University*. 2023;29(S):75–78. (In Russ.)
6. Gladilina, I. V., Usovik, E. G. An essay in the making of the ideographic dictionary of occasionalisms (based on M. E. Saltykov-Shchedrin's works). Article 2. *Vestnik TvGU*. Series: Philology. 2016;3:122–132. (In Russ.)
7. Glazyrin, V. A., Kazarin, Yu. V. Interpretation sphere of the author's vocabulary (on the material of the book "Stone" by O. E. Mandelstam). *Philological Class*. 2021;26(2):123–133. DOI: 10.51762/IFK-2021-26-02-10 (In Russ.)
8. Grigoryev, V. P. Poetics of the word. Moscow, 1979. 244 p. (In Russ.)
9. Elistratov, V. S. Dictionary of N. V. Gogol's language. "The Night Before Christmas". *Russian Language at School and at Home*. 2020;2:3–7. (In Russ.)
10. Efremov, I. A. Science and science fiction. *Science fiction, 1962: Collection of papers*. (K. Andreev, Ed.). Moscow, 1962. P. 467–480. (In Russ.)
11. Zhatkin, D. N. Occasional and rare lexemes in the poetic language of V. A. Zhukovsky (methodology of dictionary interpretation). *Nauchnyi dialog*. 2020;9:62–81. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-62-81 (In Russ.)
12. Zyкова, I. V., Sokolova, O. V. Language experiment as the attitude to the process of idiom-formation in cubo-futurists's manifestos: idiomatics of the avant-garde. *Issues of Cognitive Linguistics*. 2019;2:7–20. (In Russ.)
13. Kozlovskaya, N. V. Lexicographical description of the military vocabulary found in Leo Tolstoy's novel "War and Peace". *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*. 2024;1:96–108. (In Russ.)
14. Kozlovskaya, N. V. N. F. Fedorov's term system as an object of reflection in the personal encyclopedia. *Solovyov Studies*. 2020;2(66):154–165. (In Russ.)
15. Kolesov, V. V. The concept of *Mind* (Um), *Reason* (Rassudok), *Intellect* (Razum), and *Wisdom* (Mudrost') in the conceptual field of Russian conscience. *Gumanitarniy vektor*. Ser. Filologiya. Vostokovedeniye. 2016;11(3):75–86. DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-75-86 (In Russ.)
16. Koroglu, L. A. Principles of composing the "Idiographic Dictionary of I. Gasprinski's Language". *Philology. Theory & Practice*. 2018;7(85)–1:142–146. (In Russ.)
17. Likhachev, D. S. Without the fog of false generalizations (instead of a preface). *Russian utopias*. St. Petersburg, 1995. P. 9–20. (In Russ.)
18. Mamedov, A. A. The dominant features of Sergei Yesenin's individual style in the lexicographic representation. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*. 2024;1(39):133–144. (In Russ.)
19. Methodological problems of cognitive linguistics: Collection of papers. (I. A. Sternin, Ed.). Voronezh, 2001. 182 p. (In Russ.)
20. Morkovkin, V. V. Ideographic dictionaries. Moscow, 1970. 71 p. (In Russ.)
21. Murzaev, E. M. Toponymy and geography. *Vestnik MGU*. 1963;3:106–109. (In Russ.)
22. Mukhin, M. Yu. Lexical statistics and author's conceptual system: Mikhail Bulgakov, Vladimir Nabokov, Andrey Platonov, Mikhail Sholokhov. Ekaterinburg, 2010. 230 p. (In Russ.)
23. The image of the future in the political philosophy of the XX and XXI centuries: Collective monograph. (M. M. Fedorova, Ed.). Moscow; St. Petersburg, 2024. 320 p. (In Russ.)
24. Pavlova, L. V., Romanova, I. V., Samoilova, T. A. Solving philological problems using the software package "Hypertext Search for Companion Words in Author's Texts". *Izvestia of Smolensk State University*. 2013;2(22):314–323. (In Russ.)
25. Patroeva, N. V. Tropes and figures of "expressions" and "sentences" in the rhetoric and poems of M. V. Lomonosov (based on the materials from the dictionaries). *Slavic Historical Lexicology and Lexicography*. 2019;2:79–85. (In Russ.)
26. Ruzhitsky, I. V. Modal particles and interjections in Fyodor Dostoevsky's works of fiction: lexicographic representation. *Critique and Semiotics*. 2025;1:75–93. (In Russ.)
27. Stepanov, Yu. S. Fundamentals of general linguistics. Moscow, 1975. 271 p. (In Russ.)
28. Tsvetkov, E. V. Science Fiction and Scientific Foresight. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University*. Series "Humanitarian and Social Sciences". 2008;1:49–54. (In Russ.)
29. Shestakova, L. L. Russian authorial lexicography: theory, history, and modernity. Moscow, 2011. 404 p. (In Russ.)

ЛАРИСА ЛЕОНИДОВНА ШЕСТАКОВА

доктор филологических наук, главный научный сотрудник
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-9585-9472; lara.shestakova@mail.ru

АННА СЕРГЕЕВНА КУЛЕВА

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-6536-3943; an_kuleva@mail.ru

МАРКЕРЫ ОЦЕНОЧНОСТИ В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ СРЕДНЕГО ТИПА: ПОМЕТА «НЕОДОБР.»

А н н о т а ц и я . Рассматривается актуальная проблема лексикографической практики – разработка способов системного отражения прагматической информации о слове. Новизна исследования определяется важностью поиска лексикографических инструментов, с помощью которых может эксплицироваться прагматический компонент значения. Работа основана на сочетании лексикографического и корпусного методов. Цель публикации – всесторонне проанализировать использование пометы «неодобр.». Эта оценочная помета имеет определенную лексикографическую традицию. Так, в Малом академическом словаре она использовалась нечасто и непоследовательно: в четырех томах словаря случаев постановки этой пометы всего 140 (словарные статьи *Бестолковицина*, *Бестолочь*, *Бодряк*, *Бодряческий*, *Бодрячество*, *Бузотёр*, *Бузотёрка*, *Бюрократ*, *Бюрократка*, *Вкусовщина*, *Вылазка*, *Выламываться* и др.). В этом небольшом ряду заметен системный подход: помета ставится при словах одного словарного гнезда (*бузотёр* – *бузотёрка*), одного словообразовательного типа (*вкусовщина*, *групповщина*, *кампанейщина*, *канцелярищина* и др.), однако очевидно, что потенциал пометы использован недостаточно. Показательно, что многие слова и значения этой группы заметно устарели. В «Академическом толковом словаре русского языка», современном толковом словаре среднего типа, данная помета используется более широко и системно, в том числе в сочетаниях «Разг. неодобр.» и «Прост. неодобр.». Объектом анализа выступают избранные словарные статьи двух словарей. Делается вывод о важности системной словарной работы, ориентированной на перспективы цифровой лексикографии.

К л ю ч е в ы е с л о в а : лексикография, лексикология, оценочные пометы, прагматика, словарная статья, толковый словарь

Д л я ц и т и р о в а н и я : Шестакова Л. Л., Кулева А. С. Маркеры оценочности в толковом словаре среднего типа: помета «неодобр.» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 7. С. 52–58. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1366

ВВЕДЕНИЕ

Новые толковые словари современного русского языка создаются с опорой на длительную лексикографическую традицию. Существующие авторитетные словари XX века представляют собой надежный фундамент, предлагая глубокое разностороннее описание лексики в ее динамике. Основные словарные труды отражают язык нескольких хронологических срезов – первой трети столетия (Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова¹ (СУ)), середины века (с определенной долей условности – Большой академический словарь² (БАС) и Малый акаде-

мический словарь³ (МАС)), причем многотомные словари имеют и историческую перспективу, включают материал русской классики, то есть язык XIX века. С более заметной установкой на актуальность создавались одготомные словари под редакцией С. И. Ожегова⁴ и Н. Ю. Шведовой⁵ (СОШ; СШВ). Однако на современном этапе эти словари начинают восприниматься скорее историческими, чем актуальными: за последние полвека, прошедшие со времени 2-го издания МАСа, существенно изменилась сама жизнь, что не могло не отразиться в языке. Создавая словари современного нам языка, недостаточно просто добав-

лять некоторое количество новых лексических единиц. С одной стороны, цифровизация лексикографии, в частности переход от методики создания картотек к корпусному подходу, позволяет существенно изменить и усовершенствовать словарную работу. С другой стороны, анализ опыта авторитетных словарей предшествующего периода заостряет отдельные проблемы, ведет к уточнению метаязыка, совершенствованию лексикографического инструментария.

В частности, всё чаще говорится о введении в лексикографическую практику задачи системного и более полного отражения прагматической информации о слове, см., например, [2], [3], [4], [8]; ср. важные для целей данного исследования работы по стилистическим, в том числе оценочным, пометам [5], [6], [10], [11], [13], [14], [18]. В современном контексте весьма актуально звучат и более ранние труды по проблеме «прагматика и лексикография» [1], [9], [16], [17], [19].

Авторитетные толковые словари русского языка включают разного рода прагматические сведения нерегулярно. Современные лексикографические труды, предполагающие формат объемных словарных статей, состоящих из ряда разделов, включают иногда зону прагматики в структуру словарной статьи, см., например, ТСРРР⁶. Однако соответствующая информация может последовательно вводиться и в традиционно оформленные словарные статьи современных толковых словарей, например с помощью помет.

В настоящей статье рассматривается использование пометы «неодобр.» на материале нового толкового словаря в сравнении с МАСом. Хотя у некоторых исследователей вызывают сомнения «наименования и принципы использования экспрессивно-оценочных помет – *пренебр.*, *презрит.*, *неодобр.*; *шутл.*, *ирон.* (О. Н. Емельянова, К. С. Кочергина и др.)» [15: 277], мы полагаем, что помета «неодобр.» не исчерпала свой потенциал как единица системы словарных помет.

ПОМЕТА «НЕОДОБР.» В СИСТЕМЕ ПОМЕТ ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ

«Академический толковый словарь русского языка»⁷ (АТос), работа над которым ведется в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН, был задуман как новый словарь «среднего типа» по классификации С. И. Ожегова [12], в определенном смысле – как продолжение «Словаря русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой (МАС). Такой словарь предполагает описание преимущественно актуальной лексики в ее стилистическом и оценочном многообразии. Для решения этой задачи составители используют корпусные методы и инструменты, прежде всего – данные Национального корпуса русского языка⁸ (НКРЯ).

Структура словарной статьи в АТосе носит в целом традиционный характер:

- вход в словарную статью;
- помета об особенностях произношения слова;
- грамматические формы;
- грамматические характеристики;
- семантический признак;
- **стилистические пометы (в том числе «неодобр.»)**;
- толкование;
- примеры употребления слова в виде кратких речений;
- примеры употребления слова в виде цитат из письменных текстов;
- фразеологические обороты с данным словом и устойчивые терминологические словосочетания, их толкование, примеры употребления;
- справка о происхождении слова (дается только в словарных статьях иноязычных слов), см. (АТос, т. 3, с. 5).

Группа стилистических помет в словаре охватывает широкий функциональный спектр, ср.:

«3.6.2. Слова, относящиеся к определенному стилю литературного языка, могут иметь пометы *книжн.* (= книжное), *офиц.-дел.* (= официально-деловое), *разг.* (= разговорное); слова, относящиеся к какой-либо разновидности языка, которая отличается от кодифицированного литературного языка, – пометы *прост.* (= просторечное), *жарг.* (= жаргонное), *сленг.* (= сленговое), *обл.* (= областное, то есть диалектное); слова, передающие какую-либо эмоциональную оценку обозначаемого действия, явления, свойства и т. п., – пометы *груб.* (= грубое) (...), *высок.* (= высокое), *неодобр.* (= неодобрительное), *пренебр.* (= пренебрежительное) и др.» (АТос, т. 3, с. 12).

В этом перечне интересна, в частности, помета «неодобр.», определяемая исследователями как экспрессивно-оценочная, эмоционально-экспрессивная, эмоционально-оценочная, эмотивная, эмотивно-оценочная (приведенные определения используются и применительно к другим аналогичным пометам). Эта словарная помета имеет свою историю, см., например, [7].

Система оценочных помет, представленная в современных словарях русского языка, восходит к Словарю Грота. В этой системе не было пометы «неодобр.», она появилась в Словаре под редакцией Ушакова (СУ).

По составу помет рассматриваемого типа различаются 1-е и 2-е издания МАСа:

МАС-1: *бран.*, *ирон.*, *шутл.*

МАС-2: *бран.*, *ирон.*, **неодобр.**, *презр.*, *пренебр.*, *почтит.*, *шутл.* (отметим, что такая, более детализированная, система помет больше соответствует статусу словаря среднего типа). Ср.:

«...§ 38. Пометы, указывающие эмоциональную окраску слова.

Бран., т. е. бранное слово или значение; *ирон.*, т. е. слово или значение, выражающее ироническую оценку предмета, явления, понятия и т. п.; *шутл.*, т. е. шутли-

вое слово или значение; *пренебр.* (пренебрежительное), *презр.* (презрительное), *неодобр.* (неодобрительное) и *почтит.* (почтительное) слово или значение.

Примечание. Пометы, указывающие эмоциональную окраску слова, могут соединяться с пометами, указывающими стилистическую принадлежность слова, в этом случае они ставятся на втором месте» (МАС-2, т. 1).

Помета «*неодобр.*» входит в число пяти эмоционально-экспрессивных оценочных помет, которые используются во всех толковых словарях современного русского языка (*бран.*, *ирон.*, *неодобр.*, *шутл.*, *презр.*).

ПОМЕТА «НЕОДОБР.»: МАС VS. АТОС

В МАС-2, словарь которого содержит более 90 тысяч слов, помета «*неодобр.*» использовалась довольно скупо: в 1–4 томах словаря обнаруживается всего 140 случаев постановки этой пометы.

С одной стороны, в этом небольшом ряду можно проследить попытку применения системного подхода: помета ставится к словам одного словарного гнезда (*бодряк*, *бодряческий*, *бодрячество*; *бузотёр*, *бузотёрка*), одного словообразовательного типа (*вкусовщина*, *групповщина*, *кампанейщина*, *канцелярищина*), одной семантической группы (*канительный*, *маниловщина*, *перестраховщик*; *пижон*, *стиляга*, *хлыщ*) и др.

С другой стороны, словарная выборка демонстрирует избирательность и непоследовательность в применении пометы, а также явную устарелость этого фрагмента словаря.

Важно, что помета может характеризовать не только слово, но и отдельные значения и оттенки значений, изредка – устойчивые сочетания. Ср. словарные статьи:

МАС, т. 1

Бестолковщина, бестолочь; Бодряк, бодряческий, бодрячество; Бузотёр, бузотёрка; Бюрократ, бюрократка; Вкусовщина; Вылазка ‘неодобрительный выпад’; Выламываться; Гастролёр, гастролёрство, гастролировать; Головотяп, головотяпский, головотяпство; Групповщина;

МАС, т. 2

Казарма ‘|| Некрасивое, унылое здание’; Калым, калымить; Кампанейщина; Канительщик, канительщица; Канцелярищина; Капать; Колода. 1 ‘|| О толстом неповоротливом человеке’; Конюшня; Кошей; Кружковщина; Мазила; Маниловщина; Махинатор; Натаскать. 1; Ниспровергатель; Новомодный; Отсебятина

МАС, т. 3

Палец (*показывать пальцем*); Паркетный; Партизанить, партизанский, партизанство, партизанщина; Патентованный; Патриархальщина; Пахнуть (*деньги не пахнут*); Пенкосниматель, пенкоснимательский, пенкоснимательство; Перекасти-поле; Переметнуться; Перерожденец, перерождение, перерожденка, перерожденческий, перерожденчество; Перестраховка, перестраховщик, перестраховщица; Пижон, пижонистый, пижонить, пижонка, пижонский, пижонство; Пилить. 2; Повадить, повадиться, повадка; Поветрие; Подвиг

‘|| *мн. ч. (подвиги, -ов)* Похождения, проделки’; Подвизаться; Подходец; Позёр, позёрка, позёрство; Показуха; Полицейский, полицейщина; Полюбоваться; Поповщина; Пособник, пособница; Потакатель, потаковщик, потатчик, потатчица; Потребительский, потребительство; Потуги; Похвальба; Пошиб; Практицизм; Предприниматель, предпринимательский, предпринимательство; Пресловутый; Прилизанный; Присный; Присосаться; Пришпешник, пришпешница; Приторный; Публика; Путаник, путаться; Размазня; Расплодить, расплодиться; Расфуфыренный, расфуфыриться; Рвач, рваческий, рвачество; Рекордизм, рекордист, рекордистский, рекордсменство

МАС, т. 4

Свинарник, свишник/свиношник; Семейственный; Слово. 1 (3); Спеться; Статься; Стиляга, стилижничать; Стряпня; Субчик; Судилище; Таскаться; Твердокожий; Фонтан; Хлыст. 2; Хлыщ; Цитатничество; Шагистика; Шумиха; Якшаться.

Бросается в глаза, что пласт лексики неоправданно мал – это, как отмечалось, 140 лексических единиц; входят они в 90 словообразовательных гнезд. Заметна непоследовательность и несбалансированность: так, на отрезке Д–Й отмечено одно слово *загребущий*, тогда как на букву П – почти 70 единиц. Непоследовательно представлены слова одного словообразовательного типа. Например, симметрично даны пары *бузотёр*, *бузотёрка*; *бюрократ*, *бюрократка*; *канительный*, *канительщица*, но ср.:

РЕКОРДИСТ... 1. То же, что рекордсмен. *Спортсмен-рекордист*. 2. *Спорт. неодобр.* Тот, кто увлекается рекордами, рекордизмом. 3. Домашнее животное... **РЕКОРДИСТКА...** *Женск. к рекордист.*

Остается неясным, во всех ли значениях слова *рекордист* есть корреляция с феминитивом и сохраняется ли неодобрительность во 2-м значении.

Показательно, что многие лексические единицы из приведенных списков заметно устарели, причем как слова, так и отдельные значения или их оттенки, ср.:

вылазка ‘2. *перен. Неодобр.* Неожиданное враждебное выступление против кого-л.; выпад’;

натаскать ‘2. ... || *перен. (что и чего). Разг. неодобр.* Извлечь без разбора, произвольно из разных книг, источников’;

ср. также ряд:

ПОТАКАТЕЛЬ, -я, *м. Разг. неодобр.* То же, что потатчик.

ПОТАКОВЩИК, -а, *Разг. устар., неодобр.* То же, что потатчик.

ПОТАТЧИК, -а, *м. Разг. неодобр.* Тот, кто потакает кому-л. в чем-л. или чему-л.

ПОТАТЧИЦА, -ы, *ж. Разг. неодобр. Женск. к потатчик.*

(ср. употребительный глагол *потакать*).

Отметим также единицы сиюминутные, слишком привязанные к историческому контексту, идеологически окрашенные: *кружковщина*, *партизанщина*, *перерожденец*, *предприниматель*, *стиляга*, *цитатничество*.

Обращение к НКРЯ зачастую подтверждает малоупотребительность лексической единицы, ставит под сомнение стилистическую характеристику или даже указывает на окказиональность попавшего в словарь употребления. Ср. *твердокожий* '2. перен. Неодобр. Лишенный чуткости, отзывчивости; толстокожий'; в НКРЯ: 4 примера. Таким образом, очевидно, что в МАСе потенциал пометы использован недостаточно.

В АТоСе данная помета используется более широко и системно. Так, только в т. 1 (А – Вилять) она поставлена 92 раза, в том числе (как и в МАСе) в сочетаниях «Разг. неодобр.» и «Прост. неодобр.»; в т. 2 (Вина – Гяур) – 80 таких случаев, в т. 3 (Д – Залпом) – 91. Всего в трех томах – 263 случая постановки пометы, тогда как в МАСе на том же алфавитном отрезке – 20.

ПОМЕТА «НЕОДОБР.» В АТОСЕ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Проблема постановки пометы «неодобр.»

Прежде всего, сохраняется принципиальный вопрос – надо ли ставить помету при словах, в которых оценочность выражена эксплицитно, в толковании или словообразовательными средствами (ср. в МАСе: *вкусовщина*, *групповщина*, *кампанейщина*, *канцелярищина*, *маниловщина*; в Русском орфографическом словаре (Академос)⁹ – 239 слов, образованных по этой модели, значительная часть из них – с семантикой неодобрения: *авралыщина*, *азефовщина*, *балаганищина*, *бульварщина*, *есенинщина*, *интеллигентщина*, *конъюнктурищина*, *латинщина*, *низкопробщина*, *чичиковщина*, *элементарщина* и др.).

С одной стороны, кажется, что постановка пометы здесь избыточна, поскольку помета тавтологична соответствующему компоненту значения или на прямую выводится из морфемного состава. Ср.:

АЛЛИЛУЙЩИНА, -ы, ж. Разг. неодобр. Чрезмерное восхваление кого-, чего-л.

АССИМИЛЯТОРСТВО, -а, ср. Неодобр. Насильственное навязывание...

БАРАН ... ♦ ... Как баран на новые ворота (уставиться, смотреть и т. п.) (неодобр.) – тупо, ничего не понимая, не соображая.

БОЛТОВНЯ ... || Неодобр. Пустой, бессодержательный разговор.

БЕССТЫДНИЧАТЬ, -аю, -аешь; несов. Разг. неодобр. Вести себя бесстыдно, непристойно.

С другой стороны, далеко не всегда отрицательная оценка как элемент толкования считается однозначно – во многих случаях она заложена во внеязыковой оценочности, отражает морально-нравственные представления общества, связана с культурно-историческим контекстом. В таких случаях, особенно если учитывать использование словаря в образовательном про-

цессе, постановка пометы, то есть явная фиксация семантики негативной оценки, становится принципиально важной. Ср.:

БАБНИК, -а, м., одуш. Разг. неодобр. Любитель ухаживать за женщинами.

БАРИН ... 4. Разг. неодобр. О человеке, который уклоняется от труда, перекладывает свою работу на других.

Можно привести и другие аргументы. При постановке стилистических помет важна системность: если помета ставится при одном слове в составе словообразовательного гнезда, уместно, как правило, ее ставить при остальных, поскольку в противном случае эксплицитно будет зафиксировано различие слов по критерию наличия / отсутствия негативной оценки, то есть отсутствие пометы станет значимым. Кроме того, что особенно важно на современном этапе, в цифровой форме представления словаря помета приобретает самостоятельный статус – превращается в один из фильтров или тегов, по которым возможны поиск, сортировка, количественный анализ и т. п. Таким образом, системную постановку пометы можно назвать предпочтительным подходом.

Содержание пометы «неодобр.» и лексикографическая практика

Для решения вопроса о том, насколько помета соотносится с толкованием, важно определить содержание, которое закладывается в нее в системе помет словаря. Новшеством метаязыка АТоСа можно назвать включение подробных расшифровок стилистических помет (как наиболее сложных для аудитории словаря и наиболее дискуссионных в теории лексикографии) непосредственно в традиционный для словарей список сокращений. Так, помета «неодобр.» поясняется следующим образом:

«неодобр. – неодобрительное; помета приписывается словам, которые содержат в своем толковании компонент, указывающий на отрицательную характеристику говорящим свойства, объекта или действия: *никакой* 'плохой – о человеке в каком-л. из его проявлений' (*Художник он никакой*); *бардак* 'беспорядок, неразбериха'; *набухать* 'положить слишком много' (*Куда ты мне столько набухала – я не съем!*); *вырядиться* 'одеться так, что одежда человека бросается в глаза из-за своей неуместности'; *недотепа* 'неловкий и неумелый человек'» (АТоС, т. 3, с. 21).

Исходя из такого понимания, в работе над словарем можно выделить определенные направления:

– верификация пометы на основе анализа корпусного материала;

– корректирование системности – постановка помет не к каждому слову отдельно, а в соотношении как с семантическими отношениями между словами, так и со структурой словарной статьи на конкретное слово;

– изменение характеристики слова по сравнению со словарем-предшественником;

– уточнение помет, и в особенности – сочетания помет;

– постановка пометы в новых словарных статьях или для новых значений, оттенков значений, устойчивых сочетаний.

На последних двух пунктах остановимся подробнее. При уточнении стилистической информации, отражающейся в словарной статье, важно учитывать регулярные процессы, в частности – характерный для последних десятилетий процесс коллоквиализации, изменения стилистической стратификации лексики в сторону экспансии сниженных лексических пластов и их нейтрализации. Так, ряд лексических единиц, отмеченных в МАСе пометой «*прост.*», в АТосе маркируется пометой «*разг.*» или сочетанием помет.

Как представляется, удачным способом отразить переход к меньшей стилистической сниженности при сохранении экспрессивности и оценочности (обычно негативной) оказывается замена пометы «*прост.*» сочетанием помет «*разг. неодобр.*». Ср.:

МАС: Бахвал, бахвалиться, бахвалка *Прост.*; бахвальство *Разг.* Бесстыжий *Прост.* Жади́на, жмот *Прост.*

АТос: Бахвал, бахвалиться, бахвалка *Разг. неодобр.*; бахвальство *Неодобр.* Бесстыжий *Разг. неодобр.* Жади́на, жмот *Разг. неодобр.*

В других случаях замена помет или их сочетания направлена на уточнение стилистической окраски, связанной с экспрессивностью или оценочностью:

МАС: Анонимка, анонимщик *Разг. презр.*

АТос: Анонимка, анонимщик, анонимщица *Разг. неодобр.*

МАС: Бурда *Разг.*; Жадюга *Прост.*

АТос: Бурда *Разг. неодобр.*; Жадюга *Прост. неодобр.*

Постановка пометы для новых слов, значений, оттенков значений, устойчивых сочетаний должна соотноситься не только с их употреблением, но и с местом в системе уже описанных единиц. Важно, что многие семантические сдвиги оказываются регулярными: так, развитие у нейтральных единиц переносных значений часто связа-

но с необходимостью выразить экспрессивные или оценочные коннотации, что требует сопровождения переносных значений соответствующими пометами. Ср.:

БАНДУ́РА ... 2. *перен. Прост. неодобр.* Громоздкий и нескладный предмет. *С вашего позволения, я включу эту бандуру, – я показал на магнитофон, – и вы расскажете всё, что она [дама из музея] просила вычеркнуть.* В. Рецентов. Ностальгия по Японии.

БА́НЯ ... || *перен. Разг. неодобр.* Помещение, где очень жарко.

БА́РДАК, -да́к, м. *Прост. ... 2. перен. Неодобр.* Беспорядок, хаос, неразбериха.

БЕГ ... ◇ ... **Бег на месте** – 1) гимнастическое упражнение ...; 2) (*неодобр.*) о деятельности, которая не приносит результатов.

БЕГЕМОТ ... 2. *перен. Разг. неодобр. и бран.* О крупном, полном и неуклюжем мужчине.

ЕЛЁЙ ... 3. *перен. Неодобр.* Лесть, угодливость; превеличенная любезность, слащавость. ... ◇ **Лить елей** – 1) успокаивать, утешать кого-л. ...; 2) (*неодобр.*) льстить, угождать кому-л.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отражение прагматического компонента в словарной статье толкового словаря, в том числе среднего типа, остается насущной задачей. Как показывает опыт лексикографической работы, это вполне возможно и в рамках традиционной по строению словарной статьи с использованием выработанной предшественниками методологии. Однако метаязык толкового словаря, прежде всего система помет, нуждается в переосмыслении и уточнении. Системная постановка помет позволяет лаконично и наглядно выразить широкий спектр тонких семантических отношений. В процессе перехода толковой лексикографии в цифровой формат роль помет существенно возрастает, поскольку они естественным образом могут преобразовываться в систему тегов, гиперссылок, превращаясь в интерактивный инструмент. Таким образом, совершенствование системы помет и уточнение принципов их использования, оставаясь важной лексикографической задачей, становится сегодня особенно актуальным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ СУ – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1–4. М.: ОГИЗ, 1935–1940.

² БАС – Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.

³ МАС – Словарь русского языка. Т. 1–4 / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. М.: Русский язык, 1981–1984.

⁴ СОШ – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. 939 с.

⁵ СШВ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2007. 1175 с.

⁶ ТСРРР – Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1–5 / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2014–2022.

⁷ АТос – Академический толковый словарь русского языка. Т. 1: А – Вилять; Т. 2: Вина – Гяур / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2016; Т. 3: Д – Залпом / Отв. ред. А. Э. Цумарев, Л. Л. Шестакова. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2026. 784 с.

⁸ НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 20.05.2026).

⁹ Академос – Академос: орфографический академический ресурс [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://orfo.ruslang.ru/> (дата обращения 20.05.2026).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности. М.: ИЯ АН СССР, 1988. С. 3–22.
2. Басалаева Е. Г. Прагматический макрокомпонент и способы его семантизации в электронной базе данных // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 6 (34). С. 112–125. DOI: 10.15293/2226-3365.1606.09
3. Булыгина Е. Ю. Текст словаря как источник прагматической информации о слове // Критика и семиотика. 2024. № 2. С. 147–167. DOI: 10.25205/2307-1753-2024-2-147-167
4. Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А. База данных прагматически маркированной лексики русского языка: материал, принципы описания, возможности использования // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 6 (34). С. 70–85. DOI: 10.15293/2226-3365.1606.06
5. Емельянова О. Н. Стилистическая информация в толковом словаре (аналитический обзор проблематики): Монография. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013. 315 с.
6. Иванищева О. Н. Стилистическая помета «презрительное» как маркер лексемы, выражающей оскорбление // Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы. М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 2019. С. 48–54.
7. Круглов В. М., Истратий В. В., Гамирова Д. Р., Каплан Е. Д. Нормативно-стилистические пометы в толковых академических словарях русского языка / Ред. В. М. Круглов. СПб.: Нестор-История, 2015. 442 с.
8. Крысин Л. П. Типы прагматической информации в толковом словаре // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2015. Т. 74, № 2. С. 3–11.
9. Лингвистическая прагматика в словаре. СПб.: Ин-т лингвистических исследований РАН, 1997. 112 с.
10. Маркелова Т. В., Новикова М. Л. Аксиология стилистических помет в «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова и новая лексикографическая реальность // Русистика. 2024. Т. 22, № 3. С. 480–494. DOI: 10.22363/2618-8163-2024-22-3-480-494
11. Михайлова О. А. Лексикографическое представление аксиологической информации // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2025. № 3. С. 216–223. DOI: 10.31912/pvrl-2025.3.21
12. Ожегов С. И. О трех типах толковых словарей современного русского языка // Вопросы языкознания. 1952. № 2. С. 85–103.
13. Пестова А. Р. Изменение стилистического статуса слова в свете корпусных данных // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2024. № 3. С. 269–278. DOI: 10.31912/pvrl-2024.3.21
14. Пестова А. Р. Стилистические пометы как зеркало эпохи // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2025. № 3. С. 265–275. DOI: 10.31912/pvrl-2025.3.26
15. Приемышева М. Н. Из истории пометы «разг.» в русской толковой академической лексикографии: еще раз о проблемах лексикографической стилистики // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2025. № 3. С. 276–285. DOI: 10.31912/pvrl-2025.3.27
16. Складьевская Г. Н. К вопросу о прагматической информации в толковом словаре: возможны ли прагматические пометы? // Лингвистическая прагматика в словаре: виды реализации и способы описания: Сб. ст. СПб.: Ин-т лингвистических исследований РАН, 1997. С. 6–13.
17. Складьевская Г. Н. Прагматика и лексикография // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М.: Наука, 1995. С. 63–71.
18. Atkins B. T. S., Rundell M. The Oxford guide to practical lexicography. New York: OUP, 2008. 552 p.
19. Zgusta L. Pragmatics, lexicography and dictionaries of English // Modern Language Journal. 1988. Vol. 7, Is. 3. P. 243–253. DOI: 10.1111/j.1467-971X.1988.tb00235.x

Поступила в редакцию 13.05.2026; принята к публикации 28.09.2026; дата публикации 30.10.2026

Original article

Larisa L. Shestakova, Dr. Sc. (Philology), Chief Researcher,
Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of
Sciences (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-9585-9472; lara.shestakova@mail.ru

Anna S. Kuleva, Cand. Sc. (Philology), Leading Researcher,
Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of
Sciences (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-6536-3943; an_kuleva@mail.ru

EVALUATION MARKERS IN A MEDIUM-SIZED EXPLANATORY DICTIONARY: PRAGMATIC LABEL “SHOWING DISAPPROVAL”

Abstract. This article surveys a pressing issue in lexicographic practice – the development of methods for systematically reflecting pragmatic information about a word. The novelty of the research lies in the importance of finding lex-

icographic tools that can be used to explicate the pragmatic component of meaning. The work is based on a combination of lexicographic and corpus-based methods. The aim of the publication is to comprehensively analyze the use of the “showing disapproval” evaluative label. This evaluative label has been used within a specific lexicographic tradition. In the *Small Academic Dictionary*, it is used infrequently and inconsistently: there are only 140 cases of using this label across four volumes of the dictionary, including such words as *bestolokovshchina*, *bestoloch*, *bodryak*, *bodryachesky*, *bodryachestvo*, *buzotyor*, *buzotyorka*, *buokrat*, *buokratka*, *vkusovshchina*, *vylazka*, *vylamyvatsya*, etc. The label is systemically used for words of the same vocabulary nest (e. g., *buzotyor* – *buzotyorka* (troublemaker – female troublemaker)), of the same word-formation type (*vkusovshchina*, *gruppovshchina*, *kampanyevshchina*, *kantselyarshchina*, etc.), and so on. However, it is obvious that the potential of the label is not fully realized. It is evident that many words and meanings in this group have become noticeably outdated. The new *Academic Explanatory Dictionary of the Russian Language*, which is currently drafted at the Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences as a modern medium-sized explanatory dictionary, uses this label more widely and systematically, particularly to mark the words showing disapproval in colloquial or vernacular speech. A selection of entries from these two dictionaries served as the object of analysis in this study. The findings lead to the conclusion about the importance of systematic lexicographic work, which would take into account the future development of digital lexicography.

Key words: lexicography, lexicology, evaluative labels, dictionary entry, pragmatics, explanatory dictionary

For citation: Shestakova, L. L., Kuleva, A. S. Evaluation markers in a medium-sized explanatory dictionary: pragmatic label “showing disapproval”. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(7):52–58. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1366

REFERENCES

1. Apresyan, Yu. D. Pragmatic information for explanatory dictionaries. *Pragmatics and the problems of intensionality*. Moscow, 1988. P. 3–22. (In Russ.)
2. Basalaeva, E. G. The pragmatic component and ways of its semantization in the electronic database. *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 2016;6(34):112–125. DOI: 10.15293/2226-3365.1606.09 (In Russ.)
3. Bulygina, E. Yu. Dictionary text as a source of pragmatic information about a word. *Critique and Semiotics*. 2024;2:147–167. DOI: 10.25205/2307-1753-2024-2-147-167 (In Russ.)
4. Bulygina, E. Yu., Tripolskaya, T. A. A database of pragmatically marked lexical items of the Russian language: the content, principles of description, and possibility of using. *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 2016;6(34):70–85. DOI: 10.15293/2226-3365.1606.06 (In Russ.)
5. Emelyanova, O. N. Stylistic information in explanatory dictionaries (analytical review): Monograph. Krasnoyarsk, 2013. 315 p. (In Russ.)
6. Ivanishcheva, O. N. Stylistic label “contemptuous” as a marker of a token expressing an insult. *Modern theoretical linguistics and the problems of forensic expertise*. Moscow, 2019. P. 48–54. (In Russ.)
7. Kruglov, V. M., Istratiy, V. V., Gamirova, D. R., Kaplan, E. D. Normative-stylistic labels in explanatory academic dictionaries of the Russian language. (V. M. Kruglov, Ed.). St. Petersburg, 2015. 442 p. (In Russ.)
8. Krysin, L. P. Types of pragmatic information in the explanatory dictionary. *The Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Studies in Literature and Language*. 2015;74(2):3–11. (In Russ.)
9. Linguistic pragmatics in dictionaries. St. Petersburg, 1997. 112 p. (In Russ.)
10. Markelova, T. V., Novikova, M. L. Stylistic marks axiology in the “Explanatory Dictionary of the Russian language” edited by D. N. Ushakov and the new lexicographic reality. *Russian Language Studies*. 2024;22(3):480–494. DOI: 10.22363/2618-8163-2024-22-3-480-494 (In Russ.)
11. Mikhailova, O. A. Lexicographic representation of axiological information. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*. 2025;3:216–223. DOI: 10.31912/pvrli-2025.3.21 (In Russ.)
12. Ozhegov, S. I. On the three types of explanatory dictionaries of the modern Russian language. *Topics in the Study of Language*. 1952;2:85–103. (In Russ.)
13. Pestova, A. R. Change in the stylistic status of words based on corpus data. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*. 2024;3:269–278. DOI: 10.31912/pvrli-2024.3.21 (In Russ.)
14. Pestova, A. R. Stylistic labels in dictionaries as a mirror of the era. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*. 2025;3:265–275. DOI: 10.31912/pvrli-2025.3.26 (In Russ.)
15. Priemysheva, M. N. From the history of the label “Razg.” (colloquial) in the Russian academic explanatory lexicography: once again about the problems of lexicographic stylistics. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*. 2025;3:276–285. DOI: 10.31912/pvrli-2025.3.27 (In Russ.)
16. Sklyarevskaya, G. N. On pragmatic information in an explanatory dictionary: are pragmatic labels possible? *Linguistic pragmatics in dictionaries: ways of realization and means of description*. St. Petersburg, 1997. P. 6–13. (In Russ.)
17. Sklyarevskaya, G. N. Pragmatics and lexicography. *Language as a system. Language as a text. Language as an ability*. Moscow, 1995. P. 63–71. (In Russ.)
18. Atkins, B. T. S., Rundell, M. The Oxford guide to practical lexicography. New York, 2008. 552 p.
19. Zgusta, L. Pragmatics, lexicography and dictionaries of English. *Modern Language Journal*. 1988;7(3):243–253. DOI: 10.1111/j.1467-971X.1988.tb00235.x

Received: 13 May 2026; accepted: 28 September 2026; published: 30 October 2026

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА ДРОЗДОВА

аспирант отделения иностранных языков школы общественных наук, старший преподаватель отделения иностранных языков школы общественных наук
Национальный исследовательский Томский политехнический университет
(Томск, Российская Федерация)
maria.drozдова1989@gmail.com

ЭРРАТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РЕКОНСТРУКЦИИ МЕТАФОРЫ В ПЕРЕВОДАХ РОМАНА И. С. ТУРГЕНЕВА «ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО»

А н н о т а ц и я . Исследуется эрратологический аспект реконструкции метафор в переводах романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» на английский и французский языки. Передача метафорического потенциала художественного текста признается одним из наиболее значительных вызовов в теории и практике художественного перевода, поскольку требует не только глубокого лингвистического анализа, но и учета экстра- и интралингвистических факторов. Цель исследования заключается в выявлении типичных переводческих ошибок (эрративов), возникающих в процессе реконструкции метафорических единиц оригинала, а также в установлении лингвистических и экстралингвистических факторов, обуславливающих их появление. В рамках нашего исследования был сформирован и проанализирован обширный корпус эмпирических данных, включающий 378 единиц реконструкции метафор, извлеченных из девяти переводных версий романа – шести на английском и трех на французском языках. Неадекватная передача семантического объема и коннотативных оттенков оригинала при реконструкции метафоры, приводящая к формированию у реципиента переводного текста неверных представлений о предмете сообщения, квалифицируется как «искажение» и является самой распространенной категорией ошибок, зафиксированных в переводах метафоры. В ходе исследования определены и систематизированы ключевые факторы, обуславливающие появление ошибок при передаче метафоры на английский и французский языки. Полученные результаты подчеркивают комплексность процесса межъязыковой передачи образности и актуальность эрратологического анализа для повышения качества художественного перевода.

К л ю ч е в ы е с л о в а : эрратология, переводческие ошибки, метафора, художественный перевод, И. С. Тургенев, «Дворянское гнездо», английский и французский языки

Д л я ц и т и р о в а н и я : Дроздова М. Н. Эрратологический аспект реконструкции метафоры в переводах романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 7. С. 59–68. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1367

ВВЕДЕНИЕ

В статье исследуется эрратологический потенциал реконструкции метафоры в переводах романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» на английский и французский языки. Выбор произведения обусловлен его статусом знакового текста русской литературы XIX века, который отличается насыщенностью метафорических образов, играющих важную роль в формировании художественного мира и раскрытии авторской интенции. Анализ переводческих решений, приводящих к искажению, утрате или трансформации метафорического содержания оригинала, позволит выявить типичные ошибки и наметить пути оптимизации переводческой стратегии.

В лингвистической традиции, восходящей еще к трудам античности, метафора понимается как стилистическое средство – троп, основанный на замене «одного означающего другим, на том основании, что соответствующие означаемые похожи»¹, что позволяет определить ее как слово или оборот, употребленные в переносном значении для создания образности и выразительности речи. В рамках настоящего исследования представляется целесообразным и логичным рассматривать метафору именно в собственно языковедческом ракурсе, определяемом ее функционально-стилистической природой безотносительно к постструктуралистской (когнитивной) трактовке. Такой

выбор обусловлен тем, что объектом анализа выступает конкретный языковой материал – метафорические единицы, зафиксированные в художественном тексте, и их реконструкция в переводе, что требует прежде всего описания их структурно-семантических и функционально-стилистических характеристик. Когнитивный подход, напротив, трактует метафору не как стилистический прием, а как фундаментальный механизм мышления и концептуализации мира, лежащий в основе нашей понятийной системы: «The essence of metaphor is understanding and experiencing one kind of thing in terms of another (суть метафоры заключается в понимании и переживании одного феномена через призму другого) (перевод наш. – М. Д.)» [17: 5]. В его фокусе находится не столько языковая форма и ее стилистические функции, сколько процессы концептуального проецирования, ментальные модели и так называемые «картины мира» (от нем. *Weltbild* – мировоззрение), что переводит исследование в координаты психологии и философии. В контексте переводоведческой проблематики когнитивный подход, несомненно, обладает эвристической ценностью при изучении культурно-специфических моделей осмысления действительности: «Our ordinary conceptual system, in terms of which we both think and act, is fundamentally metaphorical in nature (наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, по своей сути метафорична) (перевод наш. – М. Д.)» [17: 3], однако не позволяет в должной мере системно описать конкретные языковые ошибки, возникающие при передаче метафорического образа. Именно функционально-стилистический ракурс, предполагающий рассмотрение метафорических единиц в разряде выразительных средств, то есть элементов «микростилистического уровня функционального репертуара» [8: 13], и их роли в тексте, дает возможность провести эрратологический анализ переводческих решений, образующий ядро настоящей работы.

Актуальность исследования определяется несколькими факторами. Во-первых, несмотря на значительное количество работ, посвященных переводу русской литературы, эрратологический аспект реконструкции метафоры по-прежнему остается недостаточно изученным. Во-вторых, изучение ошибок и неудачных решений позволяет не только выявить проблемы, возникающие в процессе перевода, но и предложить конкретные рекомендации для их преодоления. В-третьих, анализ переводов романа «Дворянское гнездо» на английский и французский языки представляет интерес с точки зрения сопостави-

тельного переводоведения и позволяет выявить специфику перевода метафоры в контексте различных лингвокультур.

Цель исследования состоит в изучении процесса реконструкции метафоры в романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» при переводе на английский и французский языки с позиций эрратологического подхода. Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач:

- 1) зафиксировать метафорические единицы в романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо»;
- 2) проанализировать варианты реконструкции метафор в англо- и франкоязычных версиях романа;
- 3) выявить и классифицировать эрратологические случаи в реконструкции метафоры;
- 4) определить факторы, способствующие возникновению указанных ошибок.

Объектом исследования являются ошибки и неудачные решения, допущенные при переводе метафорических единиц в тексте И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» на английский и французский языки. Предметом выступают факторы, влияющие на возникновение подобных прецедентов при реконструкции метафоры.

В качестве корпуса использованы девять переводов романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо»² (2022), среди которых шесть английских, выполненных У. Ролстоном³ (1869), И. Ф. Хэпгуд⁴ (1903), К. Гарнетт⁵ (1917), Б. Айзекисом⁶ (1947), Р. Фриборном⁷ (1970), М. Пурсглав⁸ (2016), и три франкоязычные версии романа В. А. Соллогуба⁹ (1862), М. Лишневого¹⁰ (1927) и Ф. Фламана¹¹ (1982).

В работе использованы обще- и общенаучные методы: к общенаучным принадлежат методы логики (анализ, индукция, сравнение, группировка); ключевым общенаучным методом выступает метод компонентного анализа, предназначенный для изучения содержательной составляющей языковых структур. Научная новизна исследования определяется тем, что в нем впервые осуществлен комплексный эрратологический анализ реконструкции метафорического строя романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» на материале девяти его переводов на английский и французский языки. Кроме того, выявлена и систематизирована совокупность факторов возникновения эрративов при передаче метафорических единиц. Практическая значимость заключается в возможности использования полученных результатов при обучении теории и практике перевода, а также при разработке методических материалов по переводу художественной литературы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Эрратологический аспект в теории перевода

Термин «эрратология» предложен Ф. А. Селивановым для обозначения комплексной теории, изучающей природу и закономерности ошибок. Таксономия ошибок, разработанная Ф. А. Селивановым [14: 62–63], оказала влияние на дальнейшие исследования в данной области и применяется другими учеными при разработке авторских концепций и типологий ошибок. А. Б. Шевнин предлагает дифференциацию эрратологии на общую (универсальную), занимающуюся онтологическими характеристиками ошибок, и частную, включающую лингвистическую, лингводидактическую и переводческую. В области переводческой эрратологии автор выделяет рецептивную и экспрессивную подкатегории, рассматривающие ошибки на уровне восприятия текста и его репрезентации на другом языке [16: 115].

Современная теория перевода насчитывает немало попыток создания типологии переводческих ошибок, обусловленной спецификой той или иной сферы переводческой деятельности, а также целями и задачами конкретных исследований. В классических теоретических работах интерес к проблематике ошибок в переводе часто сопряжен с проблемами языковой асимметрии и анализом причин и форм девиаций. Исследования прикладного характера ориентированы на оптимизацию критериев и методов оценки качества переводов согласно специфике той или иной сферы переводческой деятельности.

Изначально переводческие ошибки воспринимались как отклонения от норм языка перевода (ЯП); так, в фокусе исследования Я. И. Рецкера были в основном такие ошибки, как неправильное употребление падежей существительных, наложение придаточных предложений и тавтология¹². Однако со временем переводоведы сместили акцент в сторону изучения семантических погрешностей перевода: так, А. Д. Швейцер рассматривает переводческую ошибку «как отступление от содержательного соответствия перевода оригиналу» [15: 38], в то время как ряд исследователей (Ю. В. Красиков [10], В. А. Виноградов [4], А. К. Григорьева [6], М. Дебрэнн [7], М. А. Куниловская [11]) трактует ее как несовпадение между неким эталоном и конечным продуктом переводческого процесса.

Таким образом, можно заключить, что переводческая ошибка – это многогранное понятие

и, в отличие от переводческого решения, является, согласно Н. К. Гарбовскому, «результатом неосознанных действий переводчика» [5: 514]. В самом широком смысле под переводческой ошибкой понимается отрицательный результат переводческого акта, нарушающий нормы ЯП и влекущий за собой «грубое искажение содержания оригинала, дезинформирующее рецептора» [9: 241].

В современном переводоведении проблематика классификации переводческих ошибок разрабатывалась в нескольких ключевых направлениях. Так, В. Н. Комиссаров предлагает делить ошибки по степени их дезинформирующего воздействия: от грубых искажений содержания до нарушений языковых норм, не влияющих на эквивалентность [9]. Н. К. Гарбовский выделяет ошибки, связанные с непониманием смысла исходного текста, с этапом перевыражения смысла, и стилистические просчеты [5]. Р. К. Миньяр-Белоручев имплементирует формализованный подход, классифицирующий ошибки по степени значимости переданной или добавленной информации (ключевая, дополнительная, уточняющая и т. д.) [13]. И. С. Алексеева фокусируется на практических переводческих решениях, выделяя ошибки с точки зрения выбора соответствий, уместности трансформаций и соблюдения стилистических норм [1].

В рамках настоящего исследования в целях систематизации и последующего анализа эрратологического аспекта при реконструкции метафоры применяется типология переводческих ошибок, разработанная Л. К. Латышевым, что обусловлено релевантностью данной классификации задачам статьи. Л. К. Латышев дифференцирует переводческие ошибки согласно «степени их дезинформирующего воздействия» [12: 212–215] на 1) искажения, 2) неточности и 3) неясности.

1. Искажения определяются как субъективно обусловленные отклонения содержания перевода от оригинала, которые приводят к формированию у получателя перевода неадекватных представлений о предмете сообщения.

2. Неточности представляют собой отклонения от исходного содержания, не влекущие полного искажения смысла, однако требующие дополнительного уточнения.

3. Неясности характеризуются как функционально-содержательные дефекты перевода, затемняющие смысл высказывания, который в оригинальном тексте был выражен с достаточной степенью ясности.

Преимущество данной типологии заключается в учете трех фундаментальных критериев качества перевода одновременно: адекватности (через категорию «искажение»), точности (через категорию «неточность») и стилистической тождественности / ясности (через категорию «неясность»). Модель Л. К. Латышева, таким образом, органично сочетает как содержательный, так и стилистический анализ ошибок в рамках единой логики, что делает ее особенно удобной для исследования сложных объектов, таких как реконструкция метафоры в художественном тексте.

Эрратологический аспект реконструкции метафоры в переводах романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо»

В процессе анализа романа было зафиксировано 42 метафоры, которые послужили основой для формирования корпуса исследования, включающего 378 вариантов перевода метафорического потенциала исходного текста (ИТ), из которых 252 единицы зафиксированы в английских транслатах и 126 – во французских. Количественный анализ показал, что в 59 % случаев (224 единицы) метафора была реконструирована конвергентно (рис. 1), то есть значение метафоры в ИТ эквивалентно ее значению в тексте перевода (ТП). В 37 % случаев наблюдалась деме­тафоризация – транслация смысла метафоры «без учета его непрямого, образного значения» [2: 111]. В 15 случаях (4 %) зафиксированы ошибки при реконструкции метафоры, квалифицированные как «искажения» (13 единиц) и «неясности» (2 единицы). Ошибки типа «неточность» не были обнаружены. Ошибки, совершенные переводчиками и ведущие к искажению или неясности, будут классифицироваться нами далее как явления дивергенции.

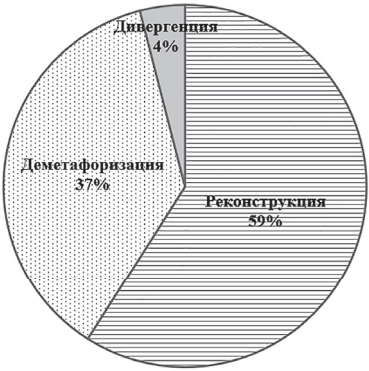

Рис. 1. Реконструкция метафоры в переводах романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо»
Figure 1. Metaphor’s reconstruction in translations of Ivan Turgenev’s novel *A Nobleman’s Nest*

Высокий процент реконструируемых метафор указывает на эффективность переводческих стратегий в отношении освоения метафорического потенциала оригинала. Однако широкое обращение к деме­тафоризации как альтернативному приему перевода, направленному на сохранение семантического ядра образного средства, свидетельствует о трудностях, с которыми столкнулись переводчики при реконструкции метафорического потенциала ИТ, которые, в свою очередь, могут быть обусловлены как их лингвокультурными различиями, так и стилистическими предпочтениями. Наличие дивергентных решений при реконструкции метафоры определяет необходимость выявления факторов, детерминирующих возникновение ошибок.

Искажение смысла возникает, когда переводчик неверно интерпретирует оригинальный текст, создавая новое значение, которое отличается от замысла автора. Рассмотрим реконструкцию метафоры «пустая» (табл. 1) в составе предложения: «Царство ей небесное, – прошептала она, – пустая была бабенка» (148).

Таблица 1

Дивергентные переводы метафоры «пустая»

Table 1

Divergent translations of the metaphor “empty”

Переводчик / Язык перевода	Реконструкция	Значение	Тип ошибки
К. Гарнетт (англ.)	vain hussy	аморальная женщина	искажение
Б. Айзекис (англ.)	vain hussy	аморальная женщина	искажение
Р. Фриборн (англ.)	an empty-headed wench	пустоголовая девка	искажение
М. Пурсглав (англ.)	an empty-headed thing	пустоголовое создание	искажение
В. А. Соллогуб (франц.)	une petite femme bien nulle	эта женушка хороша ничем	неясность

В представленном примере перевода наблюдается дивергенция, обусловленная расхождением в интерпретации семантического объема метафоры и выборе переводческих эквивалентов в ан-

глийском языке. Исходное выражение содержит оценочное суждение, в котором метафора «пустая», согласно словарной дефиниции В. И. Даля, обозначает

«бессодержательную, поверхностную личность, лишенную глубины, убеждений и собственных мыслей, ориентированную на внешние атрибуты успеха и пренебрегающую духовными ценностями»¹³.

Передача данного выражения К. Гарнетт и Б. Айзекисом как «vain hussy» акцентирует аморальность и распутство, что представляет собой существенное смещение смыслового акцента по отношению к оригиналу. В данном случае происходит замена характеристики отсутствия внутренних ценностей на характеристику аморального поведения, что является искажением семантического объема исходной лексики.

Перевод метафоры Р. Фриборном и М. Пурсглав как «empty-headed» представляется более адекватным, поскольку передает значение глупости и поверхностности, однако даже в этом случае происходит частичная потеря семантических нюансов, связанных с отсутствием духовных ценностей. Таким образом, дивергенция в данном случае обусловлена невнимательным отношением переводчиков к системе смыслов, заключенной в исходной метафоре.

Реконструкция В. А. Соллогуба («une petite femme bien nulle») также является дивергентной, поскольку не передает достаточной информации для формирования полноценного представления о том, что именно подразумевается под оригинальной метафорой «пустая», и создает неясность в восприятии характеристики персонажа. Французское выражение «nulle», согласно Новому большому французско-русскому словарю под редакцией В. Г. Гака¹⁴, обладает широким спектром значений, в том числе «незначительный, ничтожный, бездарный, бесполезный» (679), что в данном контексте, без дополнительного пояснения, делает все высказывание неоднознач-

ным и лишенным конкретики. Реципиенту может быть неясно, какой именно аспект «пустоты» подразумевается: отсутствие интеллекта, моральных качеств, социального значения или чего-либо иного.

Причиной переводческих ошибок, искажающих смысл, зачастую может оказаться сбой на этапе понимания оригинала переводчиком. Рассмотрим пример реконструкции синестезийной метафоры (табл. 2) в составе обращения Петра Андреича (дедушки главного героя) к Маланье Сергеевне (невестке): «Ну, **сыромолотная дворянка**, – проговорил он наконец, – здравствуй; пойдем к барыне» (41). Ключевым фактором для адекватной интерпретации образа «сыромолотная дворянка» выступает контекст взаимоотношений между персонажами: Маланья, бывшая горничная, вступила в брак с сыном Петра Андреича, что противоречило как социальным нормам, так и волеизъявлению родителей жениха.

«Сыромолотный» представляет собой образную аллюзию к процессу обработки зерна. Согласно дефиниции, представленной в академическом словаре Д. Н. Ушакова¹⁵, данный термин обозначает «выколотый овес сразу после просушивания в поле, без просушивания в овине». Суть использования автором рассматриваемой метафоры заключается в проведении аналогии между этапами обработки зерна, процессом социальной адаптации и соответствием аристократическим нормам. Следовательно, использование данного образного средства подчеркивает неполноту и незавершенность процесса «облагораживания» Маланьи, ее несоответствие представлениям о дворянской идентичности, укорененным в сознании Петра Андреича.

Таблица 2

Дивергентные переводы метафоры «сыромолотная дворянка»

Table 2

Divergent translations of the metaphor “greenhorn noblewoman”

Переводчик	Язык перевода	Реконструкция	Значение	Тип ошибки
К. Гарнетт	Англ.	“Well, my upstart lady”	Ну, моя высокомерная леди	Искажение
Р. Фриборн	Англ.	“Well, my fine backstairs lady”	Ну, моя позорная леди	Искажение

В представленных реконструкциях наблюдается дивергенция, а именно переводческая ошибка типа «искажение смысла», обусловленная неадекватной передачей семантических и коннотативных компонентов исходного образа. В оригинале используется словосочетание «сыромолотная дворянка», которое выражает ироничное отношение к Маланье, но не содержит открытого осуждения, в то время как выбранные

переводческие эквиваленты усиливают негативную окраску:

«Upstart lady» (К. Гарнетт), согласно Oxford advanced learner's dictionary¹⁶, имеет значение «a person who has risen suddenly in rank or importance, especially one who behaves arrogantly (человек, внезапно поднявшийся в ранге или значимости, особенно тот, кто ведет себя высокомерно, – выскочка (перевод наш. – М. Д.))» и фокусируется

на неприязни к человеку, достигшему высокого положения незаслуженным путем.

«Backstairs lady» (Р. Фриборн) смещает акцент на скандальность и позор, связанные с происхождением или поведением героини, что привносит необоснованную моральную оценку и искажает первоначальный замысел. Лексема «backstairs», согласно словарю Merriam-Webster¹⁷, прямо указывает на нечто постыдное «sordid, scandalous» («позорный, скандальный»), что усиливает негативную оценку персонажа.

Представленные реконструкции следует квалифицировать как искажение смысла, обусловленное не только неадекватной интерпретацией реплики Петра Андреича и его отношения к Маланье Сергеевне, но и формированием ошибочного представления о самой героине. Вопреки созданному переводом образу высокомерной или скандальной личности, Маланья Сергеевна, согласно описанию И. С. Тургенева, представляет собой «безответную, постоянно смущенную и запуганную» натуру (42).

Данное расхождение между переводческими интерпретациями и авторским замыслом под-

тверждает важность контекстуального анализа и учета экстралингвистических факторов при переводе. Как отмечает Л. С. Бархударов,

«необходимо осмысление лежащей за текстом реальной ситуации, знание самой действительности, о которой идет речь в переводимом тексте. Без такого знания не может быть правильно понята человеческая речь вообще» [3: 22].

В данном случае игнорирование социально-го контекста взаимоотношений между персонажами и авторской характеристики Маланьи привело к существенному искажению смысла исходного текста и формированию неадекватного образа героини, что подчеркивает необходимость глубокого понимания не только лингвистической, но и социокультурной составляющей произведения для достижения адекватности перевода.

Невнимательное отношение к системе смыслов, заключенной в оригинальной метафоре, является распространенным фактором, обуславливающим возникновение переводческих ошибок (табл. 3).

Таблица 3

Table 3

Искажение смысла при реконструкции метафоры

Misrepresentation of meaning during metaphor's reconstruction

№	Оригинальная метафора	Переводчик / Язык перевода	Реконструкция	Значение
1	«Наконец в окне показалась голова старика в колпаке, кислая, сморщенная » (143)	У. Ролстон (англ.)	peevish and wrinkled	капризная и морщинистая
2	«черные волосы без пудры щеткой вздымались над тяжелым изрытым лбом » (75)	К. Гарнетт (англ.)	heavy indented brow	тяжелый с зазубринами лоб
		И. Ф. Хэпгуд (англ.)	deeply-seamed brow	покрытый рубцами лоб
3	«много мыслей перебродило в его голове» (51)	Ф. Фламан (франц.)	son cerveau avait brassé successivement beaucoup d'idées	затевать, замышлять brasser une intrigue – строить козни
4	«человек этот внезапно съезжил глаза » (19)	К. Гарнетт (англ.)	raised his eyes	поднял глаза
		М. Лишневский В. А. Соллогуб (франц.)	fronça le sourcil	нахмурить брови

Представляется целесообразным провести детальный анализ каждого приведенного примера с целью всестороннего выявления ключевых аспектов рассматриваемого явления. В первом случае искажение обусловлено неадекватной передачей семантического объема и коннотативных оттенков метафоры «кислая, сморщенная», которая, согласно Толковому словарю Д. Н. Ушакова, применительно к выражению лица или человеку обозначает состояние недовольства, угрюмости, горечи, неудовлетворенности или даже меланхолии. В версии У. Ролстона данная метафора выражена лексемой «peevish» «капризная, раздражительная». Выбор данного

эквивалента представляется не вполне удачным, поскольку, в отличие от оригинальной метафоры, лексема «peevish» акцентирует не столько реакцию персонажа Х. Ф. Лемма на ранний визит главного героя, сколько его психологический портрет, представляя «старика» человеком, подверженным кратковременным вспышкам раздражения, что, в свою очередь, приводит к дезинформации реципиента перевода и искажает его восприятие характеристики персонажа.

Вторая часть метафорического выражения, «сморщенная», которая наряду с «кислой» призвана была указывать на недовольство Х. Ф. Лемма, в варианте У. Ролстона была реконструиро-

вана как «wrinkled» «морщинистая», фокусируясь исключительно на физическом состоянии персонажа – внешнем виде и признаках старения. Следовательно, утрачиваются эмоциональные оттенки исходной метафоры, содержащие важные сведения о внутреннем состоянии Х. Ф. Лемма, что ограничивает восприятие читателя перевода, лишая его понимания реакции героя на сюжетные события, и оставляет ему доступ лишь к сведениям о физических проявлениях и психическом облике персонажа, что существенно деформирует целостный психологический портрет последнего.

Случай неудачной реконструкции представлен в английских переводах метафоры «тяжелый изрытый лоб», выполненных И. Ф. Хэпгуд и К. Гарнетт. Здесь оригинальное образное средство указывает на глубокие морщины, являющиеся результатом жизненного опыта, размышлений или возрастных изменений. Синестезийная метафора «тяжелый» в данном контексте усиливает впечатление серьезности, значимости или даже угрюмости.

Реконструкция И. Ф. Хэпгуд («deeply-seamed brow») содержит лексему «seamed», которая может обозначать как глубокую морщину, так и шрам. Эта семантическая двусмысленность приводит к значительному искажению, поскольку читатели перевода И. Ф. Хэпгуд склонны интерпретировать «deeply-seamed brow» «покрытый рубцами лоб» не столько как признак старения или глубокой мыслительной деятельности, сколько как показатель уродства или физического дефекта с намеком на наличие шрамов или глубоких борозд, вызванных травмой.

Реконструкция К. Гарнетт («heavy indented brow») характеризуется семантической неопределенностью и метафорической неточностью. «Indented» «с зазубринами» указывает на неровности, впадины или зубцы, что в контексте описания лба создает нечеткий и неоднозначный образ. Данная интерпретация не передает специфического значения оригинальной метафоры «изрытый» как признака старения, оставляя описание расплывчатым и лишенным конкретных характеристик.

Следующий вариант представляет искажение смысла оригинальной метафоры «перебродило» в контексте предложения «много мыслей перебродило в его голове» (14), где исходный образ связан с процессом брожения, ферментации, который в переносном смысле обозначает интенсивную, активную мыслительную деятельность, связанную с переосмыслением, трансформацией и созреванием идей. Данный образ имплицитно подразумевает сложный, многоэтапный процесс, в результате которого мысли претерпевают из-

менения и приводят к определенным выводам или решениям.

Вариант перевода Ф. Фламана содержит лексему «brasser», которая, согласно толковому словарю Le Grand Robert¹⁸, имеет широкий спектр значений, варьирующихся от «варить пиво» до «затеивать, замышлять», как, например, в контексте «brasser une intrigue» «строить козни», где данный глагол приобретает негативную окраску, связанную с обманом и манипуляциями. Исходя из данного оттенка значения получатель французского перевода Ф. Фламана будет склонен видеть в размышлениях Ф. Лаврецкого нечто неискреннее или корыстное, что не соответствует реальным размышлениям героя произведения, чьи помыслы были направлены на улучшение хозяйства и быта крестьян.

Рассмотрим варианты реконструкции метафоры «человек этот внезапно съезжил глаза» (19), где оригинальное образное средство передает проявление внутреннего состояния героя, вызванное удивлением, смущением, чувством неловкости, испугом или дискомфортом. Суть метафоры заключается в том, что глаза, как зеркало души, отражают внутренние переживания, выражающиеся в мимолетном, но заметном изменении их формы. Нами было зафиксировано два дивергентных случая реконструкции исходной метафоры, представленных в английской версии К. Гарнетт и во французских переводах В. А. Соллогуба и М. Лишневого.

Реконструкция К. Гарнетт («raised his eyes» «поднял глаза») передает лишь физическое действие и является примером не только деметафоризации, но и дивергенции, поскольку полностью игнорирует метафорический характер выражения и оставляет читателя без информации о том, какие именно эмоции испытывает персонаж, что приводит к значительной потере информации и обеднению образа.

Реконструкция метафоры, зафиксированная в переводах В. А. Соллогуба и М. Лишневого («fronça le sourcil» «нахмурил брови»), указывает на действие, которое ассоциируется с недовольством, гневом, задумчивостью или сосредоточенностью, что не соответствует тому конкретному эмоциональному оттенку, который был заложен в оригинале.

Одной из причин возникновения ошибок, приводящих к искажению смысла, заложенного в оригинальной метафоре, является добавление элементов, отсутствующих в исходном сообщении. Рассмотрим пример реконструкции метафоры в составе предложения:

«...странная бесчувственность, бесчувственность осужденного нашла на нее» (158).

«Une curieuse insensibilité, l'insensibilité du condamné, était tombée sur elle (любопытная бесчувственность, бесчувственность осужденного овладела ею) (перевод наш. – М. Д.)»¹⁹.

Введение элемента «curieuse» ‘удивительный’ изменяет смысл высказывания, наделяя бесчувственность качеством «любопытства», что не соответствует авторскому замыслу. Причина данной ошибки может крыться в стремлении переводчика добавить экспрессивности или выразить свое отношение к происходящему, однако это приводит к искажению смысла и привнесению в текст элементов, не предусмотренных авторским замыслом. Итогом становится опосредование недостоверной трактовки эмоционального состояния героини.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование эрратологического аспекта реконструкции метафоры в шести англоязычных и трех франкоязычных переводах романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» позволило не только зафиксировать частотность и характер переводческих ошибок, но и выявить системные закономерности, обуславливающие их возникновение. Количественный анализ 378 единиц реконструкции метафоры показал, что 4 % от общего числа реконструкций (15 единиц) квалифицированы как ошибки, из которых 13 случаев представляют собой искажения смысла, а 2 случая – неясности. Ошибки типа «неточность» не зафиксированы, что позволяет предположить, что переводчики, столкнувшись с трудностями при реконструкции метафоры, чаще допускают грубые смысловые сдвиги, нежели незначительные отклонения. Систематизация выявленных ошибок позволила выделить четыре группы факторов, детерминирующих их появление.

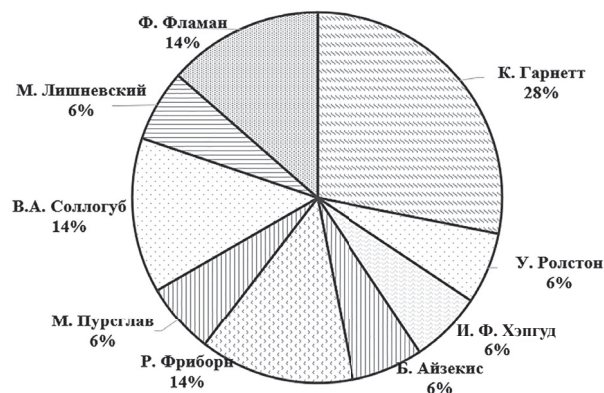

Рис. 2. Эрратологический аспект в работах переводчиков романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо»

Figure 2. Erratological aspect in translations of Ivan Turgenev's novel *A Nobleman's Nest*

1. К первому сегменту можно отнести недостаточные экстралингвистические и фоновые знания, приводящие к неверной интерпретации контекста, в частности малознакомые иностранным переводчикам социальные обычаи и нравы, характерные для эпохи написания романа. Это обстоятельство провоцирует переводческие ошибки, вызванные неверной интерпретацией скрытых смыслов и культурных символов, присутствующих в метафорических конструкциях.

2. Явления второго сегмента вызваны невнимательным отношением к системе смыслов, заключенной в оригинальном тексте, что приводит к потере важных элементов авторского замысла.

3. Нахождение неточного соответствия значений при выборе переводческих эквивалентов искажает семантический объем и коннотативные оттенки исходной метафоры. Причиной этого могут быть ограничения, присущие семантическим ресурсам иностранного языка, отсутствие в нем аналогичных метафорических моделей и необходимых лексических соответствий, способных передать оригинальные смыслы русскоязычного текста. Такие трудности ведут к неоправданной замене сложных метафор простыми и однозначными конструкциями, обедняя таким образом поэтическое богатство романного повествования. Зачастую переводчики фиксируют лишь буквальное значение слов, упуская тонкие нюансы эмоций и переживаний, закладываемые автором в символические образы. Вследствие этого возникают значительные деформации смыслов, снижающие качество итогового текста.

4. Субъективность переводчика, склонность добавлять личные интерпретации и оценивать описываемые события с собственной точки зрения способствуют появлению искусственных акцентов и не предусмотренных автором оттенков смысла. Подобные вольности разрушают когезивность текста, снижают точность и достоверность воссоздания замысла автора.

Анализ результативности переводчиков показал, что все переводы в той или иной степени содержат ошибки при реконструкции метафор (рис. 2), однако наибольшее количество ошибок было зафиксировано в работах К. Гарнетт (28 % от общего числа проанализированных случаев).

Распределение ошибок по переводчикам (см. рис. 2) демонстрирует, что наибольшее количество эрратологических случаев зафиксировано в работе К. Гарнетт – 28 % от общего числа проанализированных ошибок, что может быть объяснено как особенностями ее переводческой стратегии (стремление к адаптации текста для англоязычного читателя), так и объективными сложностями передачи русских культурно-маркированных

метафор на английский язык. Наименьшее количество ошибок наблюдается в переводах М. Пурсглав (английский) и Ф. Фламана (французский), что позволяет предположить более высокий уровень осведомленности этих переводчиков в области русской культуры и истории, а также более взвешенный подход к выбору метафорических эквивалентов.

Таким образом, проведенное исследование подтверждает, что успешность реконструкции метафоры в художественном переводе определяется не только лингвистической компетенцией переводчика, но и его способностью

учитывать такие экстралингвистические факторы, как социокультурный контекст, система ценностей эпохи, психологическая достоверность характеров и авторская интенция. Полученные результаты подчеркивают необходимость дальнейшего развития эрратологического подхода в переводоведении, а также разработки практических рекомендаций, направленных на минимизацию ошибок при передаче образных средств, что будет способствовать повышению качества художественного перевода и более точной трансляции культурного наследия русской литературы в иноязычной среде.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Хазагеров Г. Г., Лобанов И. Б. Риторика: Учебник. Ростов н/Д: Феникс, 2004. С. 225.
- ² Тургенев И. С. *Дворянское гнездо*. М.: АСТ, 2022. 350 с.
- ³ Turgénieff I. *Liza, or A nest of nobles*. (W. Ralston, Trans.). London: Ward, Lock, 1869. 318 p.
- ⁴ Turgenev I. *A nobleman's nest*. (I. F. Hapgood, Trans.). New York: Scribner, 1903. 307 p. Режим доступа: <https://onlinebooks.library.upenn.edu/webbin/gutbook> (дата обращения 11.10.2025).
- ⁵ Turgenev I. *A house of gentilefolk*. (C. Garnett, Trans.). New York: Macmillan, 1917. 311 p. Режим доступа: <https://originalbook.ru/a-house-of-gentilefolk-ivan-turgenev-english-dvoryanskoe-gnezdo-i-s-turgenev> (дата обращения 11.10.2025).
- ⁶ Turgenev I. *A nest of the gentry*. (B. Isaacs, Trans.). Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1947. 178 p.
- ⁷ Turgenev I. *Home of the gentry*. (R. Freeborn, Trans.). London: Penguin Classics, 1970. 208 p.
- ⁸ Turgenev I. *A nest of gentry*. (M. Pursglove, Trans.). Richmond, U.K.: Alma Classics, 2016. 236 p.
- ⁹ Tourgueniev I. *Une nichée de gentilshommes. Mœurs de la vie de province en Russie*. (Comte V. Sollohou, A. de Calonne, Trad.). Paris: Dentu, 1861/1862. 305 p. Режим доступа: <https://originalbook.ru/une-nichee-de-gentilshommes-i-tourgueniev-francais> (дата обращения 11.10.2025).
- ¹⁰ Tourgueniev I. *Un nid de gentilshommes*. (M. Lichnevski, Trad.). Paris: Payot, 1927. 301 p.
- ¹¹ Tourguéniev I. *Premier amour. Nid de gentilhomme*. (F. Flamant, Trad.). Paris: Éditions Gallimard «Bibliothèque de la Pléiade», 1982. 374 p.
- ¹² Рецкер Я. И. *Пособие по переводу с английского языка на русский язык*. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1982. С. 16.
- ¹³ Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля: В 4 т. Т. 3. П–Р / В. И. Даль; Под ред. И. А. Бодуэна-Де-Куртенэ. 3-е изд., испр. и значительно доп. СПб.; М.: Т-во М. О. Вольф, 1972. С. 789.
- ¹⁴ Гак В. Г., Ганшина К. А. *Новый большой французско-русский словарь*. М.: Дрофа-Плюс, 2023. 1196 с.
- ¹⁵ Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова (1935–1940) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=23598> (дата обращения 15.10.2025).
- ¹⁶ Oxford advanced learner's dictionary. (J. Crowther, Ed.). Oxford: Oxford University Press, 2010. 1429 p.
- ¹⁷ Merriam-Webster online dictionary. Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/backstairs> (дата обращения 16.10.2025).
- ¹⁸ Robert P. *Le Grand Robert de la langue française: dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française*. Paris: Le Robert, 1996. 1044 p.
- ¹⁹ Tourguéniev I. *Premier amour. Nid de gentilhomme*. (F. Flamant, Trad.). Paris: Éditions Gallimard «Bibliothèque de la Pléiade», 1982. 214 p.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева И. С. Транслатологическая типология и типичные ошибки русского перевода // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 78–83.
2. Бабенко И. А. Деметафоризация как характерная черта поэтики русской сатирической драматургии XIX–XX вв. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 4 (79). С. 111–115.
3. Бархударов Л. С. *Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода)*. М.: Междунар. отношения, 1975. 240 с.
4. Виноградов В. А. Стратификация нормы, интерференция и обучение языку // Лингвистические основы преподавания языка. М., 1983. С. 44–65.
5. Гарбовский Н. К. *Теория перевода*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.
6. Григорьева А. К. Речевые ошибки и уровни языковой компетенции // Интеграция образования. 2005. № 1-2 (38-39). С. 209–216.
7. Дебрэнн М. Межязыковая девиатология: ошибки порождения и понимания // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. Т. 5, вып. 1. С. 12–19.
8. Кобенко Ю. В. *Теоретические основы функциональной стилистики: Учебник*. Томск: Изд-во Томского политехн. ун-та, 2023. 296 с.
9. Комиссаров В. Н. *Современное переводоведение: Учеб. пособие*. М.: ЭТС, 2001. 420 с.
10. Красиков Ю. В. *Теория речевых ошибок (На материале ошибок наборщика)*. М.: Наука, 1980. 124 с.

11. Куниловская М. А. Понятие и виды переводческих ошибок [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tc.utmn.ru/node/76> (дата обращения 15.10.2025).
12. Латышев Л. К. Технология перевода: Учеб. пособие. М.: НВИ: ТЕЗАУРУС, 2001. 280 с.
13. Миньяр-Белоручев Р. К. Как стать переводчиком? / Отв. ред. М. Я. Блох. М.: Готика, 1999. 176 с.
14. Селиванов Ф. А. Проблемы теории ошибок // Проблемы методологии и логики наук: Сб. ст. Томск, 1970. Вып. 6, № 85. С. 59–63.
15. Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. М.: Наука, 1988. 415 с.
16. Шевнин А. Б. Общая, или универсальная, эрратология // Вестник ВЭГУ. 2009. № 3 (41). С. 110–116.
17. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.

Поступила в редакцию 29.10.2025; принята к публикации 16.06.2026; дата публикации 30.10.2026

Original article

Maria N. Drozdova, Postgraduate Student, Senior Lecturer, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation)
maria.drozdova1989@gmail.com

ERRATOLOGICAL ASPECT OF METAPHOR RECONSTRUCTION IN TRANSLATIONS OF IVAN TURGENEV'S NOVEL *A NOBLEMAN'S NEST*

Abstract. The article focuses on the erratological aspect of metaphor reconstruction in translations of Ivan Turgenev's novel *A Nobleman's Nest*. The transfer of the metaphorical potential of literary texts is recognized as one of the most significant challenges in the theory and practice of translation, as it requires not only deep linguistic analysis but also the consideration of extra- and intralinguistic factors. The aim of this study is to identify typical errors made by translators while reconstructing original metaphors and to determine the linguistic and extralinguistic causes of their occurrence. During the study, an extensive corpus of empirical data was formed and analyzed, including 378 units of reconstructed metaphors extracted from nine translated versions of the novel – including six English and three French ones. Inadequate translation of semantic content and connotative meanings is the most common category of errors found in metaphor translations. This type of errors, leading to the misperception of a metaphorical subject by readers of a translated text, is classified as “translation distortion”. The key factors causing errors in transferring metaphors into English and French were identified and systematized. The findings highlight the complexity of interlingual transmission of metaphors and confirm the relevance of erratological analysis for improving the quality of literary translation.

Key words: erratology, translation errors, metaphor, fiction translation, Ivan Turgenev, *A Nobleman's Nest*, English and French languages

For citation: Drozdova, M. N. Erratological aspect of metaphor reconstruction in translations of Ivan Turgenev's novel *A Nobleman's Nest*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(7):59–68. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1367

REFERENCES

1. Alekseeva, I. S. Text typology in translation studies and typical mistakes in Russian translation. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University*. Series “Humanitarian and Social Sciences”. 2014;2:78–83. (In Russ.)
2. Babenko, I. A. Demetaphorization as a distinctive trait of Russian satirical theater poetry in the XIX and XX centuries. *Izvestia of Volgograd State Pedagogical University*. 2013;4(79):111–115. (In Russ.)
3. Barkhudarov, L. S. Language and translation (questions of general and special translation theory). Moscow, 1975. 240 p. (In Russ.)
4. Vinogradov, V. A. Stratification of norms, language interference, and language education. *Linguistic foundations of language education*. Moscow, 1983. P. 44–65. (In Russ.)
5. Garbovsky, N. K. Theory of translation. Moscow, 2004. 544 p. (In Russ.)
6. Grigoryeva, A. K. Speech mistakes and levels of language competence. *Integration of Education*. 2005; 1-2(38-39):209–216. (In Russ.)
7. Debrenne, M. Interlanguage deviatology: errors of generation and understanding. *NSU Vestnik*. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2007;5(1):12–19. (In Russ.)
8. Kobenko, Yu. V. Theoretical foundations of functional stylistics: Textbook. Tomsk, 2023. 296 p. (In Russ.)
9. Komissarov, V. N. Contemporary translation studies. Moscow, 2001. 420 p. (In Russ.)
10. Krasikov, Yu. V. Theory of speech errors (based on typesetter errors). Moscow, 1980. 124 p. (In Russ.)
11. Kunilovskaya, M. A. Notion and types of translation errors. Available at: <http://www.tc.utmn.ru/node/76> (accessed 15.10.2025). (In Russ.)
12. Latyshev, L. K. Translation technology. Moscow, 2001. 280 p. (In Russ.)
13. Minyar-Beloruchev, R. K. How to become a translator? (M. Ya. Blokh, Ed.). Moscow, 1999. 176 p. (In Russ.)
14. Selivanov, F. A. Problems of the error theory. *Problems of methodology and logic of sciences: Collection of articles*. 1970;6(85):59–63. (In Russ.)
15. Shveitser, A. D. Translation and linguistics. Moscow, 1988. 415 p. (In Russ.)
16. Shevnin, A. B. General or universal erratology. *Vestnik VEGU*. 2009;3(41):110–116. (In Russ.)
17. Lakoff, G., Johnson, M. *Metaphors we live by*. Chicago, 1980. 242 p.

Received: 29 October 2025; accepted: 16 June 2026; published: 30 October 2026

ЭКАТЕРИНИ АФНАСИОС САМАРА

магистр филологии, преподаватель русского и греческого языков, аспирант

Афинский национальный университет имени Каподистрии (Афины, Греческая Республика)

samara42100@gmail.com

ДАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ В ЗНАЧЕНИИ ОДУШЕВЛЕННОГО ОБЪЕКТА – ЦЕЛИ ДВИЖЕНИЯ С ГЛАГОЛОМ ἔρχομαι

А н н о т а ц и я . Изучается употребление дательного падежа в значении одушевленного объекта – цели движения с греческим глаголом ἔρχομαι и его новогреческие и церковнославянские / русские соответствия. Исследование проводилось лингвотекстологическим методом на материале древнегреческого текста Евангелия от Матфея в сопоставлении с новогреческими переложениями, а также разновременными переводами текста на церковнославянский и русский языки. Научная новизна исследования состоит в сопоставительном диахронном изучении конкретного грамматического явления греческого, церковнославянского и русского языков с учетом межъязыковых контактов. Актуальность работы определяется важностью привлечения новых текстов и методов для сопоставительных лингвистических исследований. На основании сравнительного анализа делаются выводы о способах передачи дательного падежа с глаголом ἔρχομαι в новогреческом языке и об эволюции данной конструкции в русском языке.

К л ю ч е в ы е с л о в а : дательный падеж, одушевленный объект, цель движения, Евангелие от Матфея, новогреческий язык, лингвотекстологический метод

Б л а г о д а р н о с т и . Выражаю искреннюю благодарность доктору филологических наук, PhD, профессору Афинского национального университета имени Каподистрии Татьяне Станиславовне Борисовой за научное руководство, ценные рекомендации и неоценимую помощь в процессе выполнения данной работы.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Самара Э. А. Дательный падеж в значении одушевленного объекта – цели движения с глаголом ἔρχομαι // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 7. С. 69–75. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1368

ВВЕДЕНИЕ

Дательный падеж с глаголами движения в древнегреческом языке употреблялся преимущественно в поэзии [10: 341]. Уже в этот период употребление дательного падежа в значении одушевленного объекта – цели движения переосмысливается в более абстрактное значение: лицо, получающее выгоду или вред от данного действия, так называемый *Dative of advantage or disadvantage* [10: 342].

В старославянском языке дательный падеж употребляется как в конкретном значении направления движения, так и в более абстрактных значениях, например: *предназначен для, в пользу, в отношении*. Чаще всего направление выражается предлогом *к* [5: 148]. В рамках данного исследования мы рассмотрим дательный падеж в значении одушевленного объекта – цели движения с греческим глаголом ἔρχομαι и его новогреческие и церковнославянские / русские соответствия.

Цель работы – посредством сравнения новогреческих переводов с древнегреческим текстом проанализировать историю данной синтаксической конструкции в греческом языке, связанную с утратой дательного падежа. При помощи того же сравнительного подхода к древнегреческому тексту Евангелия от Матфея и его переводам на церковнославянский и русский языки мы рассмотрим, как выражается в них дательный падеж в значении одушевленного объекта – цели движения [1: 8].

Исследование проводилось лингвотекстологическим методом, основанным на изучении изменений, которые претерпел язык конкретных текстов в разновременных списках, редакциях и переводах на основе рукописных и печатных источников [2: 101]. В качестве материала исследования было выбрано Евангелие от Матфея, с новогреческими переложениями Неофитоса Вамваса¹ (далее П. В.), Панайотиса Трембеласа² (далее П. Т.), Иоанниса Колицараса³ (далее

П. К.), издания Священного Синода Никосии Кипра 2000 года⁴ (далее С. С. К. Ц.) и Никоса Сотиропулоса⁵ (далее П. С.), а также разновременные редакции церковнославянского перевода, представленные в Остромировом Евангелии⁶ (далее О. Е.), в Геннадиевской Библии⁷ (далее Г. Б.), Елизаветинской Библии⁸ (далее Е. Б.), и несколько переводов на русский язык: Синодальный перевод XIX века⁹ (далее С. П.), «Радостная весть» в редакции Российского библейского общества¹⁰ (далее РБО) и перевод Института перевода Библии имени М. П. Кулакова¹¹ (далее Совр. П. К.). В славянских переводах в двух случаях мы будем изначально ссылаться на перевод из Геннадиевской Библии, поскольку соответствующий отрывок из Остромирового Евангелия не сохранился.

Нами было отобрано одиннадцать случаев употребления дательного падежа в значении одушевленного объекта – цели движения с греческим глаголом ἔρχομαι из оригинального текста Евангелия от Матфея. В рамках исследования будут сопоставлены способы передачи этой конструкции в новогреческом языке разных периодов и в церковнославянском и русском языках.

* * *

Евангелие от Матфея было написано около 70-х годов н. э. на койне, распространенном в эллинистический период. В это время в греческом языке происходят большие изменения. Восьмипадежная система индоевропейского языка ограничивалась для древнегреческого языка пятью морфологически выраженными падежами [13: 146]: именительным, родительным, дательным, винительным и звательным. Творительный и местный падежи были поглощены дательным, а отложительный (аблатив) – родительным. Таким образом, дательный падеж теперь выражал значения трех падежей, а родительный – двух.

Значение места выражалось аналитически с помощью предлога ἐν + дательный падеж, тогда как предлог εἰς + винительный падеж указывал на движение. С эпохи койне предлог εἰς + винительный падеж обозначает как движение, так и статичное положение на месте [13: 146].

Предлог ἐν¹² первоначально употреблялся исключительно с дательным падежом и обозначал нахождение в каком-либо месте, внутри какой-либо области, но позднее стал означать и приближение к какой-либо области. Предлог εἰς или εἰς этимологически происходит от ἐν. В новогреческом языке он эволюционировал в σε и в этой форме заменил многие древние предлоги, в первую очередь свой двойник ἐν, а также большинство случаев использования древнего дательного падежа.

У Гомера наиболее абстрактное значение предлога εἰς как цели встречалось только в отношении абстрактных сущностей [6: 110, 111]. Когда эта конструкция стала использоваться и для обозначения конкретного человека, стало очевидным замещение ею дательного падежа [6: 114].

Предлог εἰς используется для обозначения неодушевленных целей в классическую и греко-римскую эпохи [11: 217]. Яннарис предположил, что именно этот предлог приобрел популярность в постклассический период и особенно в греко-римскую эпоху (150 г. до н. э. – 300 г. н. э.), а в переходный период (300 г. н. э. – 600 г. н. э.) он выходит из употребления, оставив беспредложный винительный падеж на месте дательного личного [4: 341].

По мнению Швайзера [9: 174], дательный падеж в значении направления / цели (κατευθυντική – τελική δотική) используется в сочетании с глаголами движения и может также восприниматься как местный по отношению к достигнутой цели. В старославянском языке место – направление движения обозначается при помощи беспредложного дательного падежа, например, устоявшейся грамматической формой «домови». В изучаемом тексте Нового Завета мы не встретили подобных примеров с глаголами, выбранными для исследования, это, видимо, означает, что данная конструкция постепенно выходит из употребления, уступая место предложным конструкциям.

У Гомера предлог παρά + винительный падеж используется для указания на направление движения, выраженное неодушевленным объектом, тогда как παρά + винительный падеж – для обозначения одушевленного объекта [6: 135, 289]. В классический период предлог παρά + винительный падеж мог также использоваться для указания цели, выраженной одушевленным объектом [6: 293]. Позднее, в Новом Завете, наряду с дательным падежом [12: 147, 148] и предлог παρά употребляется с глаголами движения для обозначения одушевленного объекта – направления движения.

С начала XVIII века предлог εἰς часто сокращается в 'ς перед определенными артиклями и словами, начинающимися с гласной, в то время как вариант σε появляется перед словами, начинающимися с согласной [3: 425]. Исторические изменения в употреблении предлогов εἰς, παρά и σε мы проиллюстрируем материалами нашего исследования.

Предлог παρά + винительный падеж, который раньше использовался с одушевленным объектом, в Новом Завете больше не встречается в данной функции [7: 273]. В нашем исследовании мы действительно ни разу не зафиксировали предлог παρά + винительный падеж в значении движения к одушевленному объекту.

Дательный падеж обычно употребляется в конструкциях, в которых цель обозначается как конечная точка траектории. С винительным падежом употребляются те же глаголы, но для обозначения перехода к цели [6: 66]. Мы можем продемонстрировать это на примере из нашего материала: καὶ προσελθὼν αὐτῷ ὁ πειράζων εἶπεν (цель является конечной точкой направления) (Мф. 4:3); σὺ ἔρχῃ πρὸς με (переход к цели) (Мф. 3:14).

Акцент на конечной точке связан с локальным значением дательного падежа. В процессе исследования в оригинальном греческом тексте Евангелия от Матфея предлог πρὸς + винительный падеж с глаголом ἔρχομαι для обозначения одушевленной цели движения был выявлен десять раз (Мф. 3:14, 7:15, 14:28, 14:29, 19:14, 21:32, 25:36, 25:39, 26:40, 26:45), а глагол ἔρχομαι с беспредложным дательным падежом только один раз в конструкции ἔρχεται σοι (Мф. 21:5). Очевидно, предпочтение отдается использованию винительного падежа с предлогом πρὸς, тогда как дательный падеж уже постепенно выходит из употребления.

Ниже приводятся контексты употребления анализируемой конструкции в оригинальном греческом тексте, а также в новогреческих переложениях и церковнославянских и русских переводах.

Ματθ. 3:14: σὺ ἔρχῃ πρὸς με;
 σὺ ἔρχεσαι πρὸς ἐμέ; (Π. Β.)
 σὺ ἔρχεσαι πρὸς ἐμέ; (Π. Τ.)
 су, о ама́рτητος και τέλειος, ἔρχεσαι να βαπτισθῇς ἀπὸ ἐμέ; (Π. Κ.)
 ἔρχεσαι εἰς σ' ἐμένα; (С. С. К. Ц.)
 σὺ ἔρχεσαι πρὸς ἐμένα; (Π. С.)
 ты градеши кь мнѣ (О. Е.)
 ты ли градеши ко мнѣ; (Г. Б.)
 ты ли градеши ко мнѣ; (Е. Б.)
 Ты ли приходишь ко мне? (С. П.)
 Ты пришел ко мне! (РБО)
 Ты идешь ко мне? (Совр. П. К.)

Ματθ. 7:15: ἔρχονται πρὸς ὑμᾶς οἵτινες ἔρχονται πρὸς ἐσᾶς (Π. Β.)
 ποὺ ἔρχονται εἰς σᾶς (Π. Τ.)
 οἱ οποίοι ἔρχονται εἰς σας (Π. Κ.)
 που σας ἔρχονται (С. С. К. Ц.)
 οἱ οποίοι ἔρχονται πρὸς ἐσᾶς (Π. С.)
 приходатъ кь вамъ. (О. Е.)
 приходатъ кь вамъ (Г. Б.)
 приходатъ кь вамъ (Е. Б.)
 приходят к вам (С. П.)
 приходят к вам (РБО)
 приходят они к вам (Совр. П. К.)

Ματθ. 14:28: πρὸς σε ἔλθειν
 νὰ ἔλθω πρὸς σε (Π. Β.)
 νὰ ἔλθω πρὸς σε (Π. Τ.)
 να ἔλθω προς σε (Π. Κ.)
 να ἔρθω κοντά σου (С. С. К. Ц.)
 νὰ ἔλθω σὲ σένα (Π. С.)
 прити кь тебѣ (О. Е.)

прїити кь тебѣ (Г. Б.)
 прїити кь тебѣ (Е. Б.)
 прїйти к Тебе (С. П.)
 пойти к Тебе (РБО)
 пойти к Тебе (Совр. П. К.)

Ματθ. 14:29: ἐλθεῖν πρὸς τὸν Ἰησοῦν
 νὰ ἔλθῃ πρὸς τὸν Ἰησοῦν (Π. Β.)
 νὰ ἔλθῃ πρὸς τὸν Ἰησοῦν (Π. Τ.)
 να ἔλθῃ στον Ιησοῦν (Π. Κ.)
 να πάει στον Ιησοῦ (С. С. К. Ц.)
 νὰ πάῃ στὸν Ἰησοῦ (Π. С.)
 приде кь иїсови (О. Е.)
 прїити ко иїсови (Г. Б.)
 прїити ко иїсови (Е. Б.)
 подойти к Иисусу (С. П.)
 направляясь к Иисусу (РБО)
 направился к Иисусу (Совр. П. К.)

Ματθ. 19:14: ἐλθεῖν πρὸς με·
 νὰ ἔλθωσι πρὸς ἐμέ; (Π. Β.)
 νὰ ἔλθουν πρὸς ἐμέ; (Π. Τ.)
 να ἔλθουν προς ἐμέ. (Π. Κ.)
 να ῥθoῦν κοντά μου (С. С. К. Ц.)
 νὰ ἔλθουν πρὸς ἐμένα. (Π. С.)
 прїити ко мнѣ (Г. Б.)
 прїити ко мнѣ (Е. Б.)
 приходить ко Мне (С. П.)
 приходят ко Мне (РБО)
 приходите ко Мне (Совр. П. К.)

Ματθ. 21:5: ἔρχεται σοι
 ἔρχεται πρὸς σε (Π. Β.)
 ἔρχεται εἰς σε (Π. Τ.)
 ἔρχεται προς σε (Π. Κ.)
 ἔρχεται σ' ἐσένα (С. С. К. Ц.)
 ἔρχεται сὲ сένα (Π. С.)
 идеть кь тебѣ (О. Е.)
 градетъ тебѣ (Г. Б.)
 градетъ тебѣ (Е. Б.)
 грядет к тебе (С. П.)
 к тебе направляется (РБО)
 к тебе идет (Совр. П. К.)

Ματθ. 21:32: ἦλθε γὰρ πρὸς ὑμᾶς ἦλθε πρὸς ὑμᾶς ὁ Ἰωάννης (Π. Β.)
 ἦλθε πρὸς σᾶς ὁ Ἰωάννης (Π. Τ.)
 ἦλθε προς σας ο Ιωάννης (Π. Κ.)
 ἦρθε σὲ σᾶς ο Ιωάννης (С. С. К. Ц.)
 ἦλθε ὁ Ἰωάννης πρὸς ἐσᾶς (Π. С.)
 прїиде бо кь вамъ (Г. Б.)
 прїиде бо кь вамъ (Е. Б.)
 пришел к вам (С. П.)
 пришел (РБО)
 пришел (Совр. П. К.)

Ματθ. 25:36: ἦλθετε πρὸς με
 καὶ ἦλθετε πρὸς ἐμέ (Π. Β.)
 καὶ ἦλθατε νὰ με ἰδῇτε (Π. Τ.)
 καὶ ἦλθατε να με δείτε (Π. Κ.)
 κι ἦρθατε να με δείτε (С. С. К. Ц.)
 καὶ ἦλθατε νὰ με ἰδῇτε (Π. С.)
 придосте кь мнѣ (О. Е.)
 прїйдосте ко мнѣ (Г. Б.)
 прїйдосте ко мнѣ (Е. Б.)
 вы пришли ко Мне (С. П.)

вы ходили за Мной (РБО)
вы навестили Меня (Совр. П. К.)

Ματθ. 25:39: ἦλθομεν πρὸς σε;
ἦλθομεν πρὸς σέ; (Π. Β.)
ἦλθαμεν νά σε ἐπισκεφθῶμεν; (Π. Τ.)
ἦλθαμε εἰς ἐπίσκεψίν σου; (Π. Κ.)
ἦρθαμε νά σε δοῦμε; (С. С. К. Ц.)
σέ ἐπισκεφθήκαμε; (Π. С.)
придохомъ къ тебѣ (О. Е.)
пріидохомъ къ тебѣ (Г. Б.)
пріидохомъ къ тебѣ; (Е. Б.)
пришли к Тебе (С. П.)
ходили за Тобой (РБО)
посетили Тебя (Совр. П. К.)

Ματθ. 26:40: ἔρχεται πρὸς τοὺς μαθητάς
ἔρχεται πρὸς τοὺς μαθητάς (Π. Β.)
ἔρχεται εἰς τοὺς μαθητάς (Π. Τ.)
ἔρχεται στους μαθητάς (Π. Κ.)
ἔρχεται στους μαθητές (С. С. К. Ц.)
ἔρχεται κατόπιν πρὸς τοὺς μαθητάς του (Π. С.)
приде къ оученикомъ (О. Е.)
пришедь ко оучнѣкмъ (Г. Б.)
пришедь ко оучнѣкмъ (Е. Б.)
приходит к ученикам (С. П.)
Он подошел к ученикам (РБО)
вернувшись к ученикам (Совр. П. К.)

Ματθ. 26:45: ἔρχεται πρὸς τοὺς μαθητάς αὐτοῦ
ἔρχεται πρὸς τοὺς μαθητάς αὐτοῦ (Π. Β.)
ἔρχεται πρὸς τοὺς μαθητάς του (Π. Τ.)
ἔρχεται προς τους μαθητάς αὐτοῦ (Π. Κ.)
ἔρχεται στους μαθητές (С. С. К. Ц.)
ἔρχεται πρὸς τοὺς μαθητάς του (Π. С.)
приде къ оученикомъ своимъ (О. Е.)
пріиде ко оучнѣкмъ своимъ (Г. Б.)
пріиде ко оучнѣкмъ своимъ (Е. Б.)
приходит к ученикам Своим (С. П.)
Он возвращается к ученикам (РБО)
вернулся Иисус к ученикам (Совр. П. К.)

Рис. 1 и 2 показывают, что подавляющее большинство переводчиков и редакторов сохраняют в своих новогреческих переложениях глагол ἔρχομαι, не заменяя его другим глаголом, что свидетельствует об устойчивости его значения и синтаксических функций.

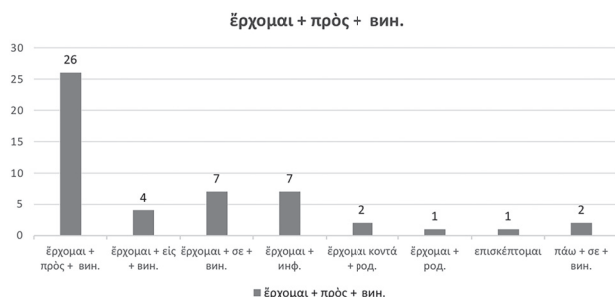
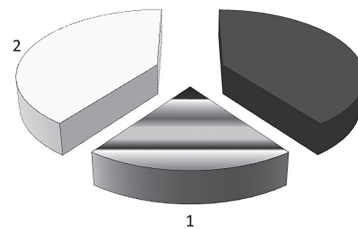

Рис. 1. Варианты перевода конструкции «ἐρχομαι + πρός + В. п.» в новогреческих переложениях Евангелия от Матфея

Figure 1. Variations in rendering of the construction “ἐρχομαι + πρός + accusative case” in modern Greek translations of the Gospel of Matthew

■ ἐρχομαι + πρός + вин. ■ ἐρχομαι + εἰς + вин. □ ἐρχομαι + σε + вин.

Рис. 2. Варианты перевода конструкции «ἐρχομαι + Д. п.» в новогреческих переложениях Евангелия от Матфея

Figure 2. Variations in rendering of the construction “ἐρχομαι + dative case” in Modern Greek translations of the Gospel of Matthew

Как видно на рис. 3, в ранних новогреческих переложениях (XIX и начала XX века) отдается явное предпочтение конструкциям с предлогом πρός + винительный падеж. Однако примечательно, что тот же самый предлог нередко выбирается и более современными переводчиками, что свидетельствует о сохранении его значения и по сей день. Предлог εἰς не был выбран ни в одном из последних переводов, что свидетельствует о его редком применении в новогреческом языке, исключительно в качестве архаизма. Наконец, предлог σε не используется в ранних переложениях и появляется только в последних, что подтверждает как эволюцию предлога εἰς в се, так и переход некоторых значений от предлога πρός к предлогу σε, в частности значения направления к месту. Общая тенденция заключается в том, что предлог се теперь передает более абстрактное значение как направления движения, так и места.

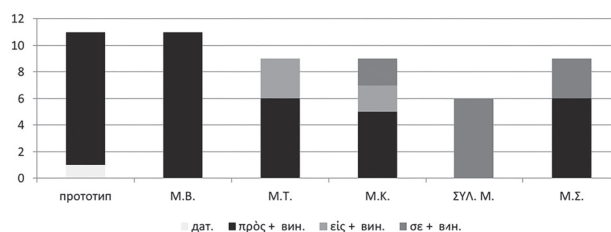

Рис. 3. Распределение предложно-падежных соответствий конструкциям с глаголом ἔρχομαι в новогреческих переложениях Евангелия от Матфея

Figure 3. Distribution of prepositional-case correspondences in constructions with the verb ἔρχομαι in Modern Greek translations of the Gospel of Matthew

На рис. 4 и 5 показано распределение вариантов передачи рассматриваемой конструкции в церковнославянских и русских переводах. В переводе, сохранившемся в Остромировом Евангелии и Геннадиевской Библии, в девяти из одиннадцати случаев глагол ἔρχομαι переводится глаголом *идти* с приставкой *при-*. Только в одном случае он передается бесприставочным

исходным глаголом *идти*, и еще в одном – синонимичным книжным глаголом *грясти*. В десяти случаях мы имеем перевод конструкции «ἔρχομαι + πρὸς + В. п.» конструкцией с предлогом *къ/к* + Д. п. Этой же конструкцией переводится и беспредложный дательный падеж в единственном отмеченном случае. Все варианты перевода беспредложного дательного представлены на рис. 5.

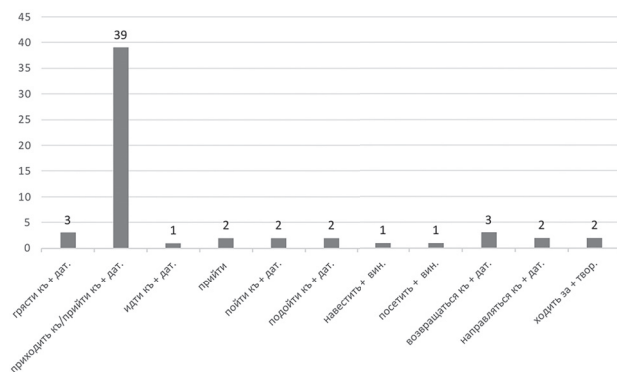

Рис. 4. Варианты перевода конструкции «ἔρχομαι + πρὸς + В. п.» в церковнославянских и русских переводах Евангелия от Матфея

Figure 4. Variations in rendering of the construction “ἔρχομαι + πρὸς + accusative case” in Church Slavonic and Russian translations of the Gospel of Matthew

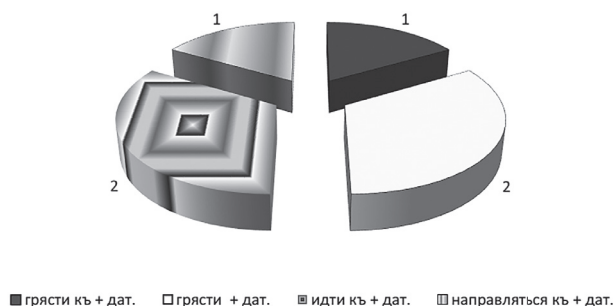

Рис. 5. Варианты перевода конструкции «ἔρχομαι + Д. п.» в церковнославянских и русских переводах Евангелия от Матфея

Figure 5. Variations in rendering of the construction “ἔρχομαι + dative case” in Church Slavonic and Russian translations of the Gospel of Matthew

В целом в рассмотренных нами переводах наблюдается явное преобладание видовой пары *приходити* (*приходить*) / *прийти* (39 употреблений) (см. рис. 4). Однако в современных русских переводах используется и ряд других глаголов для перевода греческого глагола ἔρχομαι. Подавляющее большинство этих лексем также со-

четаются с предлогом *к* и дательным падежом. Исключение составляют переходные глаголы *посетить* и *навестить* с беспредложным винительным падежом, а также два случая использования конструкции «за + Т. п.» в значении цели движения с глаголом *идти*.

Очевиден выход из употребления предлога εἰς в новогреческом языке. Однако предлог πρὸς сохранил свое значение в новогреческом языке и продолжает использоваться современными переводчиками. По сути, это предлог, который семантически наиболее точно соответствует славянскому предлогу *къ/к*.

ВЫВОДЫ

Семантическое и функциональное соответствие предлогов πρὸς и *к* является основным выводом настоящего исследования и методической рекомендацией для преподавателей обоих языков как иностранных: греческого для русских учащихся и русского для греков. Предлог σὲ используется преимущественно в новых переводах и сегодня в значительной степени заменил предлоги πρὸς и εἰς. Однако он обладает широким значением и в зависимости от глагола и существительного-объекта может передавать как направление при движении, так и статичное положение в пространстве.

В качестве общего вывода данного исследования отметим, что, несмотря на то, что в обоих языках были отмечены тенденции роста аналитизма, связанные с выходом из употребления беспредложного дательного падежа со значением одушевленного объекта – цели движения и его замены на предложно-падежные конструкции, результаты данных изменений существенно отличаются. Если церковнославянский и русский языки сохраняют как сам дательный падеж, так и его конкретное употребление, а также старые предлоги с конкретным локативным значением, то история греческого языка приводит к полной утрате дательного падежа и его вытеснению винительным, а также к постепенной замене старых предлогов с конкретным местным значением, таких как εἰς и ἐν, на новый многозначный предлог σὲ. Предлог πρὸς, несмотря на то, что не выходит из употребления, также в части своих функций вытесняется предлогом σὲ.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Η Αγία Γραφή (Παλαιά και Καινή Διαθήκη) σε μετάφραση Νεόφωτου Βάμβα. Ελληνική Βιβλική Εταιρεία, 2004. 1102 σ.
- ² Η Καινή Διαθήκη μετά συντόμου ερμηνείας υπό Π. Ν. Τρεμπέλα. Αθήνα: Αδελφότης Θεολόγων «Ο ΣΩΤΗΡ», 1986. 1064 σ.
- ³ Καινή Διαθήκη με μετάφραση Ιωάννη Θ. Κολιτσάρα. Ορθόδοξα Κείμενα. Ορθόδοξοι Ορίζοντες, 1963 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://orthodoxoioirizontes.gr/Kainh_Diathikh/ (дата обращения 31.03.2024).

- ⁴ Η Καινή Διαθήκη. Εκκλησία Κύπρου: 2000 Χρόνια Χριστιανισμού. Λευκωσία: Έκδοση Ιεράς Συνόδου της Εκκλησίας Κύπρου, 2000. 538 σ.
- ⁵ Η Καινή Διαθήκη (κείμενον – ερμηνευτική απόδοσις), μετ. Σωτηρόπουλος Ν., Αθήνα, 2012. 1186 σ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://archive.org/details/total_202003/mode/2up (дата обращения 31.03.2024).
- ⁶ Остромирово Евангелие [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://expositions.nlr.ru/ex_manus/Ostromir_Gospel/ (дата обращения 31.03.2024).
- ⁷ Геннадиевская Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе: С иллюстрациями: В 10 т. Т. 4: Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: Псалтирь. М.: Новоспасский монастырь, 1997. 343 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://azbyka.ru/biblia/?Mt.1&utfcs~r> (дата обращения 31.03.2024).
- ⁸ Елизаветинская Библия – перевод на церковно-славянский язык. 1751 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bible.by/elzs/> (дата обращения 31.03.2024).
- ⁹ См. сноску 7.
- ¹⁰ Радостная Весть: Новый Завет в переводе с древнегреческого. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Российское библейское общество, 2007. 608 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://allbible.info/bible/modernrbo/mt/1/> (дата обращения 31.03.2024).
- ¹¹ Новый Завет в современном русском переводе / Пер. и примеч. под ред. М. П. Кулакова. Заокский: Источник жизни, 2000. 486 с.
- ¹² Πύλη για την ελληνική γλώσσα [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.greek-language.gr/digitalResources> (дата обращения 31.03.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борисова Т. С., Табаченко Л. В. Концептуализация горизонтального положения в пространстве в русских и греческих глаголах состояния // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 3. С. 5–18. DOI: 10.25205/1818-7935-2022-20-3-5-18
2. Панин Л. Г. История церковнославянского языка и лингвистическая текстология. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1995. 217 с.
3. Horrocks G. Greek: a history of the language and its speakers. Chichester: Wiley-Blackwell, 2010. 505 p.
4. Jannaris A. N. An historical Greek grammar. London: Macmillan, 1897 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://archive.org/details/jannaris-an-historical-greek-grammar> (дата обращения 25.02.2026).
5. Lunt G. H. Old Church Slavonic grammar. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2001. 264 p.
6. Luraghi S. On the meaning of prepositions and cases. The expression of semantic roles in Ancient Greek. Amsterdam: John Benjamins, 2003. 366 p.
7. Moulton J. H., Turner N. A grammar of New Testament Greek. Edinburgh: T&T Clark, 1963 [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://allbible.info/bible/modernrbo/mt/18/#!/prettyPhoto\[iframes\]/17/](https://allbible.info/bible/modernrbo/mt/18/#!/prettyPhoto[iframes]/17/) (дата обращения 12.03.2026).
8. Robertson A. T. A grammar of the Greek New Testament in the light of historical research. New York: Hodder & Stoughton, 1915 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://archive.org/details/grammarofgreek-ne00robeuoft/page/n5/mode/2up> (дата обращения 25.02.2026).
9. Schwyzler E. Η σύνταξη της αρχαίας ελληνικής γλώσσας. Αθήνα: Παπαδήμας, 2002. 914 p.
10. Smyth H. W., Messing M. G. Greek grammar. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1956 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://archive.org/details/greekgrammar0000smyt/page/n5/mode/2up> (дата обращения 25.02.2026).
11. Stolk J. V. Dative alternation and dative case syncretism in Greek: the use of dative, accusative and prepositional phrases in documentary papyri // Transactions of the Philological Society, 115(2). Oxford: Wiley-Blackwell, 2017. P. 212–238.
12. Wallace D. B. Greek grammar beyond the basics: an exegetical syntax of New Testament Greek. Grand Rapids, MI: Zondervan, 1996. 827 p.
13. Μπαμπινιώτης Γ. Συνοπτική ιστορία της ελληνικής γλώσσας με εισαγωγή στην ιστορικοσυγκριτική γλωσσολογία. Ε' Έκδοση. Αθήνα, 2002. 280 σ.

Поступила в редакцию 26.03.2026; принята к публикации 16.06.2026; дата публикации 30.10.2026

Original article

Ekaterini A. Samara, Master of Philology, Teacher of Russian and Greek Languages, PhD Student, National and Kapodistrian University of Athens (Athens, the Hellenic Republic)
samara42100@gmail.com

THE USE OF DATIVE CASE DENOTING AN ANIMATE OBJECT AS THE GOAL OF MOVEMENT WITH THE VERB ἔρχομαι

Abstract. The paper explores the use of dative case meaning an animate object – as the goal of movement – with the Greek verb ἔρχομαι and its Modern Greek and Church Slavonic / Russian equivalents. The research was carried out

through the linguotextological approach based on the ancient Greek text of the Gospel of Matthew in comparison with Modern Greek adaptations, as well as translations of the text into the Church Slavonic and Russian languages at different times. The scholarly novelty of the present study lies in its comparative diachronic analysis of a specific grammatical phenomenon in Greek, Church Slavonic, and Russian, with particular attention to interlingual contact and processes of linguistic interaction. The relevance of the study is determined by the use of new textual material and methodological approaches for the comparative study of these languages. The findings of this comparative analysis lead to conclusions regarding the methods of conveying the dative case used with the verb ἔρχομαι in the Modern Greek language, as well as the evolution of this construction in the Russian language.

Key words: dative case, animate object, goal of movement, Gospel of Matthew, Modern Greek, linguotextological method

Acknowledgements. The author expresses her sincere gratitude to Professor Tatiana S. Borisova from the National and Kapodistrian University of Athens for her doctoral dissertation supervision, valuable recommendations, and unwavering support throughout the research.

For citation: Samara, E. A. The use of dative case denoting an animate object as the goal of movement with the verb ἔρχομαι. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(7):69–75. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1368

REFERENCES

1. Borisova, T. S., Tabachenko, L. V. Conceptualization of horizontal position in space in Russian and Greek stative verbs. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2022;20(3):5–18. DOI: 10.25205/1818-7935-2022-20-3-5-18 (In Russ.)
2. Panin, L. G. History of the Church Slavonic language and linguistic textology. Novosibirsk, 1995. 217 p. (In Russ.)
3. Horrocks, G. Greek: a history of the language and its speakers. Chichester, 2010. 505 p.
4. Jannaris, A. N. An historical Greek grammar. London, 1897. Available at: <https://archive.org/details/jannaris-an-historical-greek-grammar> (accessed 25.02.2026).
5. Lunt, G. H. Old Church Slavonic grammar. Berlin; New York, 2001. 264 p.
6. Luraghi, S. On the meaning of prepositions and cases. The expression of semantic roles in Ancient Greek. Amsterdam, 2003. 366 p.
7. Moulton, J. H., Turner, N. A grammar of New Testament Greek. Edinburgh, 1963. Available at: [https://allbible.info/bible/modernrbo/mt/18/#!/prettyPhoto\[iframes\]/17/](https://allbible.info/bible/modernrbo/mt/18/#!/prettyPhoto[iframes]/17/) (accessed 12.03.2026).
8. Robertson, A. T. A grammar of the Greek New Testament in the light of historical research. New York, 1915. Available at: <https://archive.org/details/grammarofgreekne00robeuoft/page/n5/mode/2up> (accessed 25.02.2026).
9. Schwyzler, E. Η σύνταξη της αρχαίας ελληνικής γλώσσας. Αθήνα, 2002. 914 p.
10. Smyth, H. W., Messing, G. M. Greek Grammar. Cambridge, MA, 1956. Available at: <https://archive.org/details/greekgrammar0000smyt/page/n5/mode/2up> (accessed 25.02.2026).
11. Stolk, J. V. Dative alternation and dative case syncretism in Greek: the use of dative, accusative and prepositional phrases in documentary papyri. *Transactions of the Philological Society*. 115(2);2017:212–238.
12. Wallace, D. B. Greek grammar beyond the basics: an exegetical syntax of New Testament Greek. Grand Rapids, MI, 1996. 827 p.
13. Μπαμπινιώτης, Γ. Συνοπτική ιστορία της ελληνικής γλώσσας με εισαγωγή στην ιστορικοσυγκριτική γλωσσολογία. Έκδοση. Αθήνα, 2002. 280 σ.

Received: 26 March 2026; accepted: 16 June 2026; published: 30 October 2026

ЮРИЙ ЛЕОНИДОВИЧ ЦВЕТКОВ

доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной филологии Института гуманитарных наук
Ивановский государственный университет
(Иваново, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-5732-977X; jzvetkow@mail.ru

ПОЭТОЛОГИЯ Г. ФОН ГОФМАНСТАЛЯ В БИОГРАФИЧЕСКИХ ЗАМЕТКАХ «AD ME IPSUM»

А н н о т а ц и я . Цель исследования – герменевтический анализ разрозненных записок известного австрийского поэта и писателя Гуго фон Гофманшталя, созданных в разные периоды времени и опубликованных после его смерти. Новизна работы состоит в установлении общего поэтологического замысла записок как самоинтерпретации творческого пути от юношеского магического этапа создания лирики и стихотворных драм (этап «предсуществования», заимствованный из буддийской философии) через трудный промежуточный период к этапу «существования», то есть обретения социальной значимости в образах персонажей в поздних прозаических драмах и комедиях. Если первый этап «предсуществования» ярко отразился в юношеской лирике Гофманшталя (стихотворение «Сон о великой магии»), то второй этап – переходный путь, сохранивший магическую власть слова поэта, не мог без кризисного его состояния воплотиться в реальной жизни, поскольку неоплатоническая концепция мира Гофманшталя разрушалась материалистической основой реальности (драмы «Император и Ведьма» и «Авантюрист и певица»). Наконец, этап «существования» предполагал прямое постижение социальной жизни современного общества путем деяния, творчества и рождения ребенка. Стихотворение «Вселенская тайна», драмы и комедии Гофманшталя зрелого периода: «Сильвия в “Звезде”», «Флориндо и незнакомка», «Возвращение Кристины», «Трудный характер» и «Неподкупный», – подтвердили плодотворность поэтологической эволюции писателя.

Ключевые слова: литература венского модерна, Гуго фон Гофмансталь, «Ad me ipsum», поэтология, «Сон о великой магии», «Глупец и Смерть», «Вселенская тайна», поздние прозаические драмы и комедии

Для цитирования: Цветков Ю. Л. Поэтология Г. фон Гофманшталя в биографических заметках «Ad me ipsum» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 7. С. 76–82. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1369

ВВЕДЕНИЕ

Австрийский поэт, драматург и прозаик венского модерна Гуго фон Гофмансталь (1874–1929), автор многочисленных либретто опер, написанных совместно с Рихардом Штраусом (1864–1949), отличался особым свойством писательской активности, направленной на полное раскрытие идей и планов по самым разным поводам литературного и общественного характера. Формами отражения талантливой и неординарной личности писателя становились многочисленные письма и записки. Эпистолярное наследие Гофманшталя насчитывает десятки томов. В окончательном виде биографические записки «Ad me ipsum» («Очень важное для меня») появились в печати посмертно, в 1930 году под редакцией литературоведа Вальтера Брехта. Записки представляют собой отдельные листы неодинакового размера и почти без дат создания. Авторский

заголовок звучит: «Г. Г. Интерпретация»¹. Исходя из такой формулировки, Гофмансталь рассматривает себя в третьем лице, превращаясь из субъекта автобиографического повествования в анализируемый объект, наблюдая за собой «другим» со стороны. Подобную игру с идентичностью вполне можно было бы назвать постмодернистской. Однако в записках нет другого «чужого», и необходима иная трактовка.

Пьер Бурдьё (1930–2002) в «Биографической иллюзии» (1986) рассматривает субъекта биографии как интервьюируемого, а объект биографии как интервьюера [3]. Такая ситуация была традиционной в немецкой литературе, если вспомнить столь значимого для Гофманшталя «олимпийца» И. В. Гёте (1749–1832), который оказал большое влияние на австрийского писателя. Гофмансталь с юношеских лет подражал Гёте в поэтическом творчестве и мечтал обладать «олимпий-

ским здоровьем», чтобы избавиться от частых психологических кризисов, сопровождавшихся сменой периодов «блистательных озарений» и потери способности произносить слова [7]. «Разговоры с Гёте в последние годы жизни» (1836) его биографа Иоганна Петера Эккермана создают с точки зрения биографического нарратива точную модель гофмансталеvских записок «Ad me ipsum»:

«...отдельные высказывания Гете о поэзии часто кажутся односторонними, а иногда и явно противоречивыми: то он придает преимущественное значение материалу, который дает внешний мир, то он на первый план ставит внутренний мир поэта; то ему кажется, что вся суть в теме; то он требует совершенства формы, то с полным пренебрежением ко всякой форме он ценит только духовный смысл произведения»².

СТРУКТУРА АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ЗАМЕТОК

У Гофмансталя не было своего биографа, хотя в конце двадцатых годов литературовед Вальтер Брехт начал работу над историей публикаций Гофмансталя и часто советовался с ним, расспрашивая в письмах о тех или иных обстоятельствах создания или рецепции его произведений. Небольшая часть записей бесед В. Брехта вошла в состав «Ad me ipsum» (615).

Подчеркнем, что самоинтерпретация творчества в форме виртуальных бесед является общим замыслом Гофмансталя, а содержание записок гораздо сложнее. Неординарный подход к биографическим заметкам Гофмансталя критик Петер Шонди назвал «имманентной» интерпретацией, полностью посвященной литературному творчеству [9: 335]. Причем Гофмансталь не раз предупреждал читателей «Ad me ipsum», что записки являются «опасным ключом» к постижению его творчества, если подойти к его наследию поверхностно или без основательной подготовки. Несомненно, Гофмансталь, с одной стороны, исходил из свойственной символистам герметичности творчества, доступного лишь одаренным или посвященным в «тайны ремесла» немногим избранным. С другой стороны, в письме 1916 года к своему другу, писателю Макс Меллу (1882–1971), Гофмансталь откровенно признавался относительно некоторых юношеских пьес, второй редакции драмы «Ариадна на Наксосе» (1916) и сказки «Женщина без тени» (1915) в том, что эти произведения остались непонятыми читателем и необходимо авторское объяснение их содержания, отдельных мотивов и символики [8: 118].

Таким образом, записи «Ad me ipsum» вскрывают глубинные пласты труднопостигаемой не-

подготовленным читателем литературной основы произведений, включая самый сложный сюжет сказки «Женщина без тени», содержащей многослойный интертекстуальный пласт фантастических произведений мировой литературы, создающий, по идее Гёте, «праздничный спектакль»: либретто оперы В. А. Моцарта / Э. Шиканедера «Волшебная флейта», вторая часть «Фауста» Гёте, «Удивительная история Петера Шлемиля» А. фон Шамиссо, волшебные сказки К. Гоцци, Ф. Раймунда, «Тысячи и одной ночи» и др. Поэтому любая авторская интерпретация в заметках Гофмансталя стала любопытной для исследователей его творчества. Она отличалась от привычных культурно-исторических подходов в филологии.

Кроме суждений о собственном творчестве, в «Ad me ipsum» присутствуют «замечания» о других писателях и поэтах: Г. Нисском, У. Шекспире, П. Кальдероне, Ж. Б. Мольере, И. В. Гёте, Ф. Гёльдерлине, С. Георге, Ф. Гундольфе, П. Валери и др. Часто Гофмансталь ограничивается кратким комментарием: «Гофмансталь не сообщает ни о генезисе, ни об автобиографических предпосылках или процессе анализа отдельных произведений» [9: 338]. Писатель полностью свободен в суждениях о собственном творчестве. Он бессистемно располагает материал, что дает возможность исследователям интерпретировать «Ad me ipsum» с разных точек зрения. Обратим внимание на исключение в записках – полустраничную запись под названием «Изображение моей жизни», состоящую из трех этапов:

1) детство (до десятилетнего возраста): «Предки, город, пейзаж. Затем первые ошибки и осложнения»; 2) период до 1899 года: «Период молодости. Детство как отражение томления. Всё – подготовка и намек. Мир, близкий и далекий. Ранняя известность. Герман Бар, Георге. Прошлая Вена. Ощущение несуществующего состояния, которого больше нет. Представление о мире: античность, Восток, история. Темные страницы. Страх.... Попытка все сгруппировать». Наконец, 3) период: настоящее время (1912–1917): «Кризис зрелого возраста. Истинное значение имеет то, чем владели раньше...» (616).

ФИЛОСОФСКАЯ ОСНОВА ЗАПИСОК

Другая важная составляющая записок – специфическая терминология, которая подчиняется своим законам по мере развития творческой личности Гофмансталя в последовательности указанных отдельных ее этапов. Это понятия «праэксистенции», или «предсуществования», и «эксистенции», то есть реальной жизни. Понятие «предсуществования», по свидетельству Гофмансталя, было заимствовано из книги англий-

ского писателя Лафкадио Хирна (1850–1904), вторая половина жизни которого прошла в Японии в изучении философии и литературы буддизма. В книге «Кокоро» («Мое сердце», 1896), высоко оцененной Гофмансталем, автор рассматривает «предсуществование» в бытовом житейском плане как силу кармы. Один из буддийских священников с целью избежать греха (соблазна женщиной) совершил самоубийство. Задается вопрос:

«То есть вы хотите сказать, что в каком-нибудь из прежних существований он уже пытался избежать греха, уничтожив собственное тело? Да. Возможно, во многих прежних жизнях»³.

«Предсуществование», таким образом, представляет собой раннее состояние души, складывающееся из множества пережитых сходных состояний. Буддийское понимание биографии близко платоновскому учению об идеях, нашедшему свое воплощение в неоплатонизме. Однако попытки интерпретации категории «предсуществования», с точки зрения Платона, Плотина или Григория Нисского, значительно усложняют понимание «восточного подхода» Гофмансталя. Точнее будет исходить из буддийского толкования кармы, как в рассказе Хирна:

«Карма – это вера в осознанность причинно-следственных связей в поступках человека на пути его просветления от одного рождения к следующему. Поскольку люди рождаются из предшествующего момента своего осознания – “предсуществования”, то карма подобна генетическому коду, передаваемому от одной жизни к другой» [5].

«Предсуществование» характеризуется Гофмансталем в «Ad me ipsum» следующей фразой: «Славное, но опасное состояние» (599). Затем следуют имена героев ранних драм: Клаудио (из «Глупца и Смерти», 1893) и Андреа (из пьесы «Вчера», 1891), а также названия стихотворений «Баллада внешней жизни» (1895) и «Пережитое» (1892). Тем самым автор рассматривает раннее творчество под общим понятием «предсуществования», за которым неминуемо должно последовать «существование». Так Гофмансталь указал исследователям на исходный пункт будущих интерпретаций как некий ключ эволюции творчества. Поэтому «Ad me ipsum» можно считать важной самоинтерпретацией ранних и поздних произведений Гофмансталя.

ПЕРИОДЫ ПОЭТОЛОГИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ: ПРЕДСУЩЕСТВОВАНИЕ

Значительнее всего записки Гофмансталя побуждают исследователей к общей оценке

его творческого пути, который имел три важных этапа становления. Исходным пунктом формирования Гофмансталя как творческой личности можно назвать следующие формулировки в «Ad me ipsum»: «Начало – это чистая магия: предсуществование» (621) или: «Юношеский этап: магия» (616). Ответом на эти тезисы становится стихотворение «Сон о великой магии» («Ein Traum von grosser Magie», 1895) с ярким антропоморфным и фантастическим образом мага:

«Er setzte sich und sprach ein solches Du
Zu Tagen, die uns ganz vergangen scheinen,
Daß sie herkamen trauervoll und groß:
Das freute ihn zu lachen und zu weinen.
Er fühlte traumhaft aller Menschen Los,
So wie er seine eignen Glieder fühlte.
Ihm war nichts nah und fern, nichts klein und groß.
Und wie tief unten sich die Erde kühlte,
Das Dunkel aus den Tiefen aufwärts drang,
Die Nacht das Laue aus den Wipfeln wühlte,
Genoß er allen Lebens großen Gang
So sehr – daß er in großer Trunkenheit
So wie ein Löwe über Klippen sprang»⁴.

«Воссел он там и с властью такой
Воззвал к чреде годов, давно забытых,
Что ожили они, и он глядел,
То плача, то смеясь, на них мгновенных,
И ощущал как плоть свою удел
Всех нас, великих, малых, ближних, дальних,
Всех, на кого с участием он глядел.
А мрак сгушался в безднах изначальных,
Ночь повисала на ветвях деревьев,
Мир стынул под снопом лучей прощальных,
И маг, многообразием чудес
Большой всеобщей жизни упоен,
Как лев, по скалам прыгая, исчез»⁵.

Магические действия разрушают все реальные пространственно-временные связи: далекое и близкое, прошлое и настоящее. Маг чувствует судьбы всех людей как собственные части тела, и эта всесвязанность с живой реальностью становится для него «упоением». Далее приводится наглядный пример того, кто может находиться в стадии «предсуществования»: «Гомункул, самое всеобъемлющее, но еще незаконченное существо» (624).

Аллюзии из произведений И. В. Гёте наиболее многочисленны в творчестве Гофмансталя. Гомункул из второго акта второй части «Фауста» (1832), как известно, является искусственно созданным идеальным «человечком». Он появился у ищущего истину Вагнера в его кабинете в стеклянной «колбе»: от «папеньки» Вагнера он унаследовал чистоту нравов, а от «творящего добро, всему желая зла» Мефистофеля – ум, демоническое начало и магию: «Колба выскаль-

зывает из рук Вагнера и, летая над Фаустом, осещает его»⁶. Гомункул видит сны Фауста, считывает мысли Вагнера, заглядывает в прошлое (древний мир) и бесконечно перемещается во все стороны света. В темную Вальпургиеву ночь Гомункул и Фауст в поисках приключений «дерзнули забраться к Матерям»⁷. Оказавшись в лунную ночь в скалистых бухтах Эгейского моря среди греческих философов, а также сирен, nereид и тритонов, Гомункул боится разбиться. Философы разглядели в Гомункуле «недоделанное существо». Философ Фалес утверждал, что он «остался, так сказать, на полпути / И лишь наполовину во плоти»⁸.

По мнению литературоведа А. А. Аникста,

«Гомункул – воплощение чистой духовности, и существовать он может только в колбе, в которой был произведен на свет. Рожденный умом, он сам не более чем интеллект в его чистом виде. Вместе с тем он духом своим подобен Фаусту» [1: 512].

Гомункул все с большей силой чувствовал желание полностью родиться. Неожиданно «на раковине, превращенной в колесницу», приблизилась к нему во всей красе дочь морского царя nereида Галатея. Гомункул «охвачен томленья огнем»: он / «Налетает стеклом, стекло разбивается, а наполнение, / Светясь, вытекает в волну целиком»⁹. Гомункул погибает: его чистая духовность недостаточна для жизни в мифической реальности.

Многозначительность гётевской аллегории об опасности изоляции Гомункула от реальной жизни была актуальна для юного Гофмансталя. Действительный мир казался ему заимствованным в книгах, о чем он не раз признавался в письмах. Этот факт многое объясняет в структуре «Ad me ipsum». «Предсуществование» для молодого Гофмансталя – это наличие чистой духовности, отраженной в «Ad me ipsum» и, подчеркнем, предельно проблематичной: она означала не только переход в экзистенцию – жизнь, но и представляла собой «опасное состояние» – затяжные психологические кризисы, отмеченные полным молчанием Гофмансталя и его неспособностью творить, а также и возможность гибели наподобие гётевского Гомункула.

Если рассматривать образ Гомункула в философском аспекте, то можно увидеть в нем принципы духовной алхимии как неоплатонического учения [4: 81]. По мнению литературоведа И. Б. Казаковой, Гомункул является прямым претворением идей Плотина:

«Гётевское понимание демонического близко неоплатоническому пониманию, согласно которому де-

мон – “это дух-руководитель или дух-хранитель, удел или тип жизни, избираемый душой перед ее материальным воплощением”» [2: 209].

По мнению Гофмансталя, человек, который жил в состоянии «предсуществования», всегда больше, чем он сам: «Я как универсум» (605), и это «“Я” он называл “Сверх-Я”», то есть «Über-Ich», не имеющее никакого отношения к фрейдовской терминологии. В записях Гофмансталя отмечено: «“Сверх-Я” подчинено бытию, возвышено над временем: кульминация – в магическом мгновении» (604). Понятие «Сверх-Я» должны пояснять сами произведения Гофмансталя. Значение термина Гофмансталь рассматривает на примере цитаты из стихотворной драмы «Глупец и Смерть»:

«Warum bemächtigt sich des Kindersinns
So hohe Ahnung von den Lebensdingen,
Daß dann die Dinge, wenn sie wirklich sind,
Nur schale Schauer des Erinnerns bringen?»¹⁰

«Зачем о жизни, точно о высоком,
Прекрасном идеале мыслим с детства,
А после только дрожь воспоминаний
Нам достается в скудное наследство?»¹¹

ПЕРЕХОД ОТ ПРАЗКСИСТЕНЦИИ К СУЩЕСТВОВАНИЮ

Помимо магического состояния детства акцент сделан на том, что за ним следует «дрожь воспоминаний». Переход в тягостное юношеское состояние представляет собой переход от пражксистенции к осознанию реальной жизни: виртуальное владение миром, но без действительной опоры на этот мир: «двойственное состояние между пражксистенцией и жизнью» (601), что то же самое, что и «страстное предвосхищение социального до нескромного, а также размывание границы между фантазией и реальностью как ложь» (615). Если оптика детства состояла для Гофмансталя в том, чтобы смотреть на мир сверху вниз, то в юношеские годы жизнь представлялась видимостью с ложными смыслами. Наглядный пример такого, по мнению Гофмансталя, состояния – трагедия «Глупец и Смерть», в которой главный герой Клаудио до встречи со Смертью жил безответственной по отношению к самым близким людям – Матери, Возлюбленной и Другу – «мертвой жизнью».

Двойственность переходного периода проявляется далее, по мысли Гофмансталя, в образах авантюриста: драма «Авантюрист и певица» (1898) – и поэта: «Император и Ведьма» (1897). Специфику образа авантюриста Гофмансталь выражает следующими словами: это «тот дух, кото-

рый охватывает всю полноту, пал в сфере жизни: подверженный власти времени и изменяющихся сил» (607). В драме Гофмансталя «Авантюрист и певица» речь идет об искателе приключений, который пытался наверстать упущенные в прошлом мгновения счастья, но остался полностью одиноким. Поэт в «Императоре и Ведьме» воплощен в образе заглавного героя:

«Император пытается выступить против молодого камергера из-за этой, казалось бы, незначительной оплошности. Она заключается в нарушении магии слова. Магическая власть над словом, образом, знаком не должна переноситься из предсуществования в существование» (601).

В этой записи можно увидеть гофмансталевскую критику поэта, который испытывает языковой кризис как потерю способности произносить слова, воспроизведенный в новелле Гофмансталя «Письмо лорда Чендоса» (1902).

ЭТАП ВЫХОДА В РЕАЛЬНУЮ ЖИЗНЬ

Следующий раздел «Ad me ipsum» логично посвящен выходу из мучительного переходного периода между праэксистенцией и экзистенцией в реальную действительность. По убеждению Гофмансталя, человек приходит к себе самому через конкретную связь с живой жизнью. Такой путь может быть «прямым», как в стихотворении «Вселенская тайна» («Weltgeheimnis», 1894):

«Der tiefe Brunnen weiß es wohl,
Einst waren alle tief und stumm,
Und alle wußten drum.

Die Zauberworte, nachgelallt
Und nicht begriffen in den Grund,
So geht es jetzt von Mund zu Mund.

Der tiefe Brunnen weiß es wohl;
In den gebückt, begriffs ein Mann,
Begriff es und verlor es dann.

Und redet' irr und sang ein Lied –
Auf dessen dunklen Spiegel bückt
Sich einst ein Kind und wird entrückt.

So wächst und weiß nichts von sich selbst
Und wird ein Weib, das einer liebt
Und – wunderbar wie Liebe gibt!

Wie Liebe tiefe Kunde gibt! –
Da wird an Dinge, dumpf geahnt,
In ihren Küssen tief gemahnt...

In unsern Worten liegt es drin,
So tritt des Bettlers Fuß den Kies,
Der eines Edelsteins Verlies.

Der Tiefe Brunnen weiß es wohl,
Einst aber wußten alle drum,
Nun zuckt im Kreis ein Traum herum»¹².

«Да, глубь колодца знает то,
Что каждый знать когда-то мог,
Безмолвен и глубок.

Теперь невнятен смысл и суть,
Но, как заклятье, все подряд
Давно забытое твердят.

Да, глубь колодца знает то,
Что знал склонявшийся над ней –
И утерял с теченьем дней.

Был смутный лепет, песнь была.
В зеркальной темной глубине
Дитя склонится, как во сне.

И вырастет, забыв себя,
И станет женщиной, и вновь
Родится в ком-нибудь любовь.

Как много познает любовь!
Что смутно брезжило из тьмы,
Целуя, прозеваем мы.

Оно лежит в словах, внутри...
Так нищий топчет самоцвет,
Что коркой тусклою одет.

Да, глубь колодца знает то,
Что знали все... Оно сейчас
Лишь сном витает среди нас»¹³.

Другими примерами «прямого пути» для Гофмансталя являются отражения и встречи с самим собой в стихотворениях «Воспоминание» («Erlebnis», 1892) и «На рассвете» («Vor Tag», 1907), а также образы Цезарино – сына авантюриста в драме «Авантюрист и певица» и Тарквиниуса – молодого камергера в драме «Император и Ведьма»: при встрече с ним Император видит «себя самого в юношеские годы», что является первым шагом избавления от власти Ведьмы.

Кроме «прямого пути» в жизнь Гофмансталь указывает на путь косвенный: принесение в жертву, как это было в греческих драмах «Алкеста» (1893) и «Эдип» (1905) (610). В позднем творчестве Гофмансталь предпочитает «немистический путь», то есть путь к социальному началу в трех его разновидностях: «а) через деяние, б) творчество и в) рождение ребенка» (611), что находит свое воплощение в его поздних комедиях «Сильвия в “Звезде”» (1907), «Флориндо и незнакомка» (1908), «Возвращение Кристины» (1909), «Трудный характер» (1920) и «Неподкупный» (1922).

«К своему магическому “действию” Гофмансталь подходит во всеоружии философского, эстетического, искусствоведческого знания, конечно же, умозрительного и книжного. Но в алхимическую келью молодого творца заглядывали солнечные лучи, столь притягательные, что поэт отважился открыть дверь и выйти к людям, в реальное общество Вены начала века с его насущными политическими, социальными и культурными проблемами» [6: 222].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, биографические записки Гофманстали «Ad me ipsum» представляют собой материалы о его творческой эволюции, толковании многих «головных» произведений, трудно постигаемых читательской логикой. Записки объясняют и раскрывают поэтологию от юношеского мистического периода через трудный переходный период между «пред-

существованием» и реальной жизнью и, наконец, обретение социального назначения литературы при отсутствии каких-либо связующих нитей с конкретной биографией Гофманстали. Многообещающий заголовок (интерпретация самого себя) воплотился в интеллектуальной саморефлексии творчества. Гофмансталь подробно раскрыл для исследователей свою поэтическую лабораторию.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Hofmannsthal H. von. Ad me ipsum // Hofmannsthal H. von. Reden und Aufsätze III. Aufzeichnungen. 1925–1929. Frankfurt am Main: S. Fischer, 1986. S. 599. В статье цитаты из этого издания заключены в круглые скобки с указанием страницы.
- ² Эккерман И. П. Разговоры с Гете / Пер. с нем. Н. Холодковского. М.: Захаров, 2003. С. 7.
- ³ Хирн Л. Кокоро // Хирн Л. Мальчик, который рисовал кошек: Рассказы / Пер. с англ. А. Танасейчука. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. С. 221.
- ⁴ Hofmannsthal H. von. Ein Traum von großer Magie // Hofmannsthal H. von. Gedichte. Dramen I. 1891–1898. Frankfurt am Main: S. Fischer, 1986. S. 25.
- ⁵ Гофмансталь Г. фон. Сон о великой магии / Пер. Ю. Корнеева // Гофмансталь Г. фон. Избранное: Пер. с нем. / Сост. и предисл. Ю. Архипова; Ред. и коммент. Э. Венгеровой. М.: Искусство, 1995. С. 764.
- ⁶ Гёте И. В. Фауст: Трагедия / Пер. с нем. Б. Пастернака // Гёте И. В. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1976. С. 260.
- ⁷ Там же. С. 266.
- ⁸ Там же. С. 309.
- ⁹ Там же. С. 316.
- ¹⁰ Hofmannsthal H. von. Der Tor und der Tod // Hofmannsthal H. von. Gedichte. Dramen I... S. 297.
- ¹¹ Гофмансталь Г. фон. Глупец и Смерть / Пер. Е. Баевской // Гофмансталь Г. фон. Избранное... С. 84.
- ¹² Hofmannsthal H. von. Weltgeheimnis // Hofmannsthal H. von. Gedichte. Dramen I... S. 20.
- ¹³ Гофмансталь Г. фон. Вселенская тайна / Пер. С. Ошерова // Золотое сечение. Австрийская поэзия XIX–XX вв.: Сб. / Сост. В. В. Вебер и Д. С. Давлианидзе. М.: Радуга, 1988. С. 179.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аникст А. А. Творческий путь Гете. М.: Худож. лит., 1986. 544 с.
2. Казакова И. Б. Неоплатоническая концепция природы в европейской литературе Нового времени: Монография. Самара: Изд-во ПГСГА, 2011. 444 с.
3. Мещеркина Е. Ю. Памяти П. Бурдые. Биографическая иллюзия // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2002. Т. 1. С. 75–84 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.inter-fnisc.ru/index.php/inter> (дата обращения 20.10.2025).
4. Плотин. Космогония: Пер. с англ. М.: REFL-book; К.: Ваклер, 1995. 304 с.
5. Руди О. Д. Буддийская теория кармы и перерождений // Стихи.ру [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://stihi.ru/2019/08/08/643> (дата обращения 10.10.2025).
6. Цветков Ю. Л. Литература венского модерна. Постмодернистский потенциал. М.; Иваново: МИК, 2003. 432 с.
7. Цветков Ю. Л. От кризиса к гармонии: И. В. Гёте и раннее творчество Г. фон Гофманстали // *Studia Litterarum*. 2025. Т. 10, № 3. С. 312–335. DOI: 10.22455/2500-4247-2025-10-3-312-335
8. Hofmannsthal H. von. Briefwechsel mit Max Mell. Hg. von M. Dietrich u. H. Kindermann. Heidelberg: FicalBook, 1982. 370 S.
9. Szondi P. Das lyrische Drama des Fin de siècle. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1991. 532 S.

Поступила в редакцию 02.02.2026; принята к публикации 16.06.2026; дата публикации 30.10.2026

Original article

Yuriy L. Tsvetkov, Dr. Sc. (Philology), Professor, Ivanovo State University (Ivanovo, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-5732-977X; jzvetkow@mail.ru

POETICS OF HUGO VON HOFMANNSTHAL IN HIS BIOGRAPHICAL NOTES *AD ME IPSUM*

Abstract. The aim of this study is to conduct a hermeneutic analysis of the scattered notes of Hugo von Hofmannsthal, a renowned Austrian poet and writer, created during different periods of his life and published posthumously.

The novelty of this work lies in establishing the overarching poetological design of the notes as a self-interpretation of creative path, moving from the youthful, magical stage of lyric poetry and verse dramas (the “pre-existence” stage, borrowed from the Buddhist philosophy) through a difficult intermediate period to the “existence” stage – the acquisition of social significance in the characters of later prose dramas and comedies. While the first “pre-existence” stage was vividly reflected in Hofmannsthal’s early lyric poetry (the poem “A Dream of the Higher Magic”), the second stage – a transitional path that preserved the magical power of the poet’s words – could not be embodied in real life without a state of crisis, as Hofmannsthal’s Neoplatonic conception of the world was being destroyed by the materialistic basis of reality (dramas “The Emperor and the Witch” and “The Adventurer and the Singer”). Finally, the “existence” stage involved a direct apprehension of contemporary society’s social life through action, creation, and childbirth. Hofmannsthal’s mature period, which saw the poem “The Secret of the World” and such dramas and comedies as “Sylvia in ‘The Star’”, “Florindo and the Stranger”, “Christina’s Journey Home”, “The Difficult Gentleman”, and “The Incorruptible Servant”, confirmed the fruitfulness of his poetological evolution.

Key words: Viennese Modernism literature, Hugo von Hofmannsthal, *Ad Me Ipsum*, poetology, “Death and the Fool”, “The Secret of the World”, “A Dream of the Higher Magic”, late prose dramas and comedies

For citation: Tsvetkov, Yu. L. Poetics of Hugo von Hofmannsthal in his biographical notes *Ad Me Ipsum*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(7):76–82. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1369

REFERENCES

1. Anikst, A. A. Goethe’s creative path. Moscow, 1986. 544 p. (In Russ.)
2. Kazakova, I. B. The Neoplatonic concept of nature in modern European literature. Samara, 2011. 444 p. (In Russ.)
3. Meshcherkina, E. Yu. In memory of Pierre Bourdieu. L’illusion biographique. *Interaction. Interview. Interpretation*. 2002;1:75–84. Available at: <https://www.inter-fnisc.ru/index.php/inter/article/view/4434> (accessed 20.10.2025). (In Russ.)
4. Plotinus. Cosmogony. Moscow; Kiev, 1995. 304 p. (In Russ.)
5. Rudi, O. D. The Buddhist theory of karma and reincarnation. *Stihi.ru web-portal*. Available at: <https://stihi.ru/2019/08/08/643> (accessed 10.10.2025). (In Russ.)
6. Tsvetkov, Yu. L. Literature of the Viennese Modernism. Postmodern potential. Moscow; Ivanovo, 2003. 432 p. (In Russ.)
7. Tsvetkov, Yu. L. From crisis to harmony: J. W. Goethe and H. von Hofmannsthal’s early works. *Studia Litterarum*. 2025;10(3):312–335. DOI: 10.22455/2500-4247-2025-10-3-312-335 (In Russ.)
8. Hofmannsthal, H. von. Briefwechsel mit Max Mell. Hg. von M. Dietrich u. H. Kindermann. Heidelberg, 1982. 370 S.
9. Szondi, P. Das lyrische Drama des Fin de siècle. Frankfurt am Main, 1991. 532 S.

Received: 2 February 2026; accepted: 16 June 2026; published: 30 October 2026

ОКСАНА ГЕННАДЬЕВНА АБРАМОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии и скандинавистики, директор Института филологии

Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-7307-1131; abramova@petsu.ru

ПОЛИНА СЕРГЕЕВНА ПЕРЕ

независимый исследователь

(Петрозаводск, Российская Федерация)

polina.pere@mail.ru

ПОЭТИКА СЕВЕРА В РОМАНАХ Т. ЛИНДГРЕНА И Д. НОВИКОВА: ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ СХОЖДЕНИЯ

А н н о т а ц и я . Изучаются типологические соответствия в моделировании художественного мира Севера представителями разных национальных литератур. В центре внимания романы шведского писателя из губернии Вестерботтен Торгни Линдгрена «Шмелиный мед» и карельского писателя Дмитрия Новикова «Голомяное пламя». Статья написана в русле современных геопозитических исследований отечественных ученых, в рамках которых сложились продуктивные подходы к анализу художественных произведений, в частности тех, что относятся к понятию Северного текста русской литературы. Торгни Линдгрэн и Дмитрий Новиков продолжают национальные традиции своих литератур, однако поэтика Севера в рассмотренных романах имеет схожие черты, что обусловлено рамками нарративных стратегий писателей и универсальными чертами этого понятия. Художественный мир Севера выстраивается в романах на противопоставлении Югу, имеет схожую пространственно-временную и мотивную организацию, отражает язык, культуру и характер северян. Системы персонажей исследуемых романов сходятся в ключевых композиционных элементах, таких как наличие главных героев, героев-антиподов, легендарных фигур, а также героев, оказывающих значительное влияние на становление ключевых персонажей. Север предстает местом преодоления, обретения смыслов и духовного становления героев.

Ключевые слова: Север, шведская литература, литература Карелии, Торгни Линдгрэн, Дмитрий Новиков, типологические параллели

Для цитирования: Абрамова О. Г., Пере П. С. Поэтика Севера в романах Т. Линдгрена и Д. Новикова: типологические схождения // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 7. С. 83–87. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1370

ВВЕДЕНИЕ

Современные геопозитические исследования отечественных ученых предлагают хорошо разработанные подходы к изучению феномена «Север» в широком литературном и культурном контексте [13], [14], а также к анализу художественных произведений, в частности тех, что относятся к понятию Северного текста русской литературы [10]. Исходя из того, что геопозитический анализ «позволяет рассмотреть проблемную сферу, поэтику, специфику образа героя, хронотопа в контексте исторических, пространственно-культурных связей и моделей мировосприятия», а это в свою очередь «позволяет выявить экзистенциальную природу человека и мира» [1: 227], мы полагаем, что выход

за рамки национальной литературы и выявление типологических схождений в художественном представлении Севера позволит уточнить его универсальные черты.

Настоящая статья посвящена сравнительному изучению поэтики Севера в произведениях Д. Новикова (Россия, Карелия) и Т. Линдгрена (Швеция, Вестерботтен). Актуальность темы обусловлена не только закрепившимся в научных кругах интересом к теме Севера во всем ее многообразии, но и сравнительно малой изученностью творчества двух представленных авторов. В качестве объектов исследования выбраны произведения крупной формы – романы Т. Линдгрена «Шмелиный мед» (швед. *Hummelhonung*, 1995) и Д. Новикова «Голомяное пламя» (2016).

Торгни Линдгрена (1938–2017) – представитель северной шведской губернии Вестерботтен, о котором исследователи отзываются как о классике шведской литературы, отмечая особую «одухотворенность его произведений, их гуманистический пафос, отточенность формы» [12: 121]. Роман «Шмелиный мед» относится к позднему периоду творчества писателя, для которого характерно обращение к философско-религиозной прозе. Творчество Линдгрена освещено в работах отечественных исследователей – А. В. Коровина¹, Е. А. Соловьевой [12], А. А. Мацевича [6], Д. В. Кобленковой [4] и О. П. Плахтиенко [8].

Современный карельский писатель Дмитрий Новиков, лауреат Новой Пушкинской премии, Всероссийской литературной премии имени Федора Абрамова «Чистая книга», идеолог новой северной прозы [7], привлекает внимание читателей и исследователей к теме Русского Севера. Среди работ, посвященных творчеству Новикова, следует отметить публикации И. Н. Ивановой и А. С. Сазоновой [3], Л. И. Мальчукова [5], А. Рудалёва [9], работу Е. В. Зиминной о переводе романа «Голомяное пламя» на английский язык [2] и статью Д. А. Спеллера, раскрывающую значение сюжета о Варлааме Керетском в структуре того же романа [11].

Место действия в романах – Север: у Новикова Русский Север от Петрозаводска до Белого моря, у Линдгрена – вымышленное местечко Эвреберг (шв. *Övreberg*) в Норрланде, северной части Швеции. Моделирование художественного пространства Севера имеет ряд параллелей: от пространственно-временной организации, мотивов и образов до схождений в системах персонажей и включения в повествование рассказа о святом. Мир Севера в романах шведского и карельского авторов – это особое закрытое нелинейное пространство единения с природой, которое живет по своим законам. Человек на Севере должен подчиняться законам природы, тогда он сможет обрести умиротворение (у Новикова), вдохновение и смыслы (у Линдгрена).

Пространство Севера в романах выстраивается на бинарной оппозиции «север – юг» («природа – цивилизация»). Отмечая особенности современной литературы Швеции, И. В. Романовская подчеркивает, что концептуализация мира Севера происходит через столкновение с «чужим», оппозицию «своего – чужого» («севера – юга», «природы – цивилизации»):

«...север представляется неразвитой, вымирающей, традиционной, бедной частью страны; юг же, напротив, – преуспевающий, процветающий, богатый, прогрессивный край» [14: 54].

У Линдгрена цивилизация предстает в негативном ключе. В романе «Шмелиный мед» южная Швеция – это

«пространство цивилизации со скоплением ложных, преходящих ценностей, человеческой суеты и неистинности» [4: 337], а «северная Швеция, напротив, – пространство сакральное, не тронутое техногенной революцией, где среди суровых заснеженных лесов открываются вечные истины» [4: 338].

Через оппозицию «цивилизация – природа» автором проводится схожая с философией Новикова идея о пребывании на Севере как о духовной инициации. Как отмечает О. П. Плахтиенко, в романе «Шмелиный мед»

«пространство начинает формироваться дорогой, которая ведет *вверх* к крошечной деревушке, состоящей всего из двух домов <...>. Отрезанная от большого мира снегопадом, засыпанная “*пенной материализованного света*”, она лишается частных примет, становясь представителем *Севера*, и являет в ослепительной экзистенциальной ясности сущность “*обнаженного бытия*”» [8].

В физическом пространстве с заданными координатами герои Новикова и Линдгрена путешествуют из южных частей стран на север. Антитеза «север – юг» проявляется и в характеристике героев. Главная героиня романа Линдгрена Катарина описана так:

«она выглядела одинокой женщиной на сорок пятом году жизни, чужим человеком с юга, писавшим книги о любви, смерти и святых, которые почти никому не приходило в голову читать <...>. Ее облик производил впечатление худобы, угловатости и безнадежности»² (Линдгрена: 11).

Южанин – другой, он не принадлежит закрытому миру Севера. Когда Катарина из-за непогоды остается в глухой деревушке из двух домов, в замкнутом мире Хадара и Улофа, умирающих – один от рака, второй от болезни сердца, она «кажется вдвойне чужой в этом царстве холода и смерти, так как она – женщина и приехала с Юга» [8].

Повествование в романе Новикова охватывает несколько временных периодов: XVI век, XVII век, 1913–1935 годы, 1973–1980 годы, 2003–2005 годы. На страницах романа разворачивается жизнь нескольких поколений. Фрагменты и детальные описания жизненных историй Гриши, Федора, рассказчика, православного священника, монаха Варлаама Керетского, их окружения и знакомых собираются в общее полотно – о человеке на Севере.

В романе Линдгрена основная сюжетная линия сводится к трагической истории одной семьи, но мы также наблюдаем включение эпизодов из прошлого в повествование о настоящем: Катарина узнает о прошлом братьев, причинах их вражды в беседах с ними. По наблюдениям Д. В. Кобленковой, прошлое

«объясняет тайны настоящего, что придает повествованию отчасти детективный характер. Помимо интриги, которая стимулирует читателя к разгадке психологических проблем героев, идет философское сопряжение разных временных планов, создающее впечатление некой законченной системы жизни, в которой все взаимообусловлено» [4: 340].

О. П. Плахтиенко обращает внимание на природные характеристики времени: роман начинается осенью и завершается с оттепелью, приходом весны:

«Время в романе <...> становится Временем с большой буквы: Временем перед лицом Вечности, с одной стороны, ибо два главных героя романа переходят границу между Жизнью и Смертью; вечным Временем природы, совершающим очередной поворот от умирания к возрождению» [8].

Повествование приобретает нелинейный характер и благодаря включению в сюжетные линии романов рассказов о Святом Кристофере у Линдгрена и Варлааме Керетском у Новикова. Катарина приезжает в Северную Швецию с лекциями о святых, оказавшись в снежном плену, в доме Хадара, она начинает писать книгу о Святом Кристофере и завершает ее с уходом из жизни двух братьев, с приходом весны. Книга о святом, появляясь вкраплениями в «Шмелином меде», выступает не только связующим элементом произведения, но и своеобразным метатекстом к роману.

В романе Новикова история о Варлааме Керетском также является связующим элементом, «трансцендируя коллизии разных персонажей» [11: 78]. Д. А. Спеллер отмечает, что

«символическая, “архаическая” и “архетипическая” стороны сюжета о Варлааме Керетском являются средствами онтологизации в традиционалистской поэтике Новикова: обращаясь к Мифу, соотносясь с ним, герои романа начинают рефлексию своей самости, свое исцеление» [11: 78].

В обоих романах моделирование мира Севера выстраивается на связанных мотивах: пути и поиска, испытания и преображения. Особую роль в этом играют образы моря у Новикова и снега у Линдгрена. Герои Новикова едут к Белому морю «полечить душу»³ (Новиков: 8). Море у Новикова исцеляет от сора городской жизни, от «сомнений», «бреда», «мути в душе» и «томления»:

«Гриша вдруг почувствовал себя чистым и добрым, каким давно не мог себя считать. Белое море за одну ночь вылечило, вымучило, очередной раз спасло, еще невидимое, уже своим недалеким присутствием и обещанием себя» (Новиков: 58).

Море становится местом соединения двух миров – реального и божественного. Как пишет Н. М. Теребихин,

«в мифологическом универсуме восточных славян образ моря (даже этимологически) непосредственно соотношен с областью смерти, – это сакральное простран-

ство, где происходит испытание, поединок, “прение живота и смерти”, в котором испытываются не физические качества человека (плоть), а его духовно-нравственные основания» [13: 8].

Как море в романе Новикова является территорией на границе миров, так снег в романе Линдгрена ограничивает возможность Катаринны выдвинуться в путь с севера на юг страны и заставляет остаться в доме Хадара до прихода весны, пройти испытание Севером. Катарина размышляет: «Снегоочиститель будет посланником цивилизации, звеном, связующим с культурой и обществом» (Линдгрэн: 23). Северная природа наделяется сакральными чертами:

«...это – край для ценителей снега, инея и льда и для почитателей скрипичных елей, березового ёрника (что такое ёрник?), каменных завалов, влажных болот и холодных ключей. И горностаев, которые, впрочем, показываются на глаза человеку, когда тому приходит время умирать» (Линдгрэн: 17).

Оба автора фокусируются на образе ребенка, который характеризуется «неожиданно глубоким и зорким вневозрастным миропостижением» [5]. Л. И. Мальчуков в статье «Немецкая мельница, карельское Сампо» сравнивает творчество Гюнтера Грасса и Дмитрия Новикова и заключает, что у Новикова «детскость – парадигма миропонимания, исходная точка координат», так как «детскость – это и общий знаменатель, общее достояние “коллективных галлюцинаций”, кладёзь архетипов» [5]. В теме детства преломляется история, из мира детства возникает одушевленное царство природы.

Тема имеет особое значение и в романе Линдгрена: от воспоминаний Хадара и Улофа о своем детстве до трагического образа сына, которого каждый из братьев считал своим.

«Мальчик – светлый, красивый, добрый – любил обоих, и он мог бы стать для них спасением от одиночества, но братья не только заставили его копать ров (или возводить вал) между своими домами, но по сути дела погубили его. Когда мальчика захлестнула и подняла в воздух цепь механизма, сооруженного им для поднятия больших камней, они сцепились друг с другом, отстаивая личное право на спасение сына, и он в конце концов задохнулся» [8].

Системы персонажей исследуемых романов выстраиваются вокруг главного героя/героев и героев-антиподов (Катарина, Хадар и Улоф в романе «Шмелиный мед»; рассказчик, Гриша, дед, их окружение в романе «Голомяное пламя»). Особую роль играют культовый герой (Святой Кристофер, Варлаам Керетский) и образ деда.

Для героев обоих романов образ деда как связь времен и поколений имеет большую значимость. Название романа Линдгрена «Шмелиный мед» отсылает к воспоминаниям братьев о деде, который был для них «путеводной нитью и при-

мером» (Линдгрэн: 57): он с любимой собакой собирал шмелиные медки. Образ деда связан с поисками смысла жизни, обретением себя, выбором в жизни. У Новикова это теплые Гришины воспоминания о детстве, времени, проведенном с дедом, его жизненных уроках.

Художественная правда романов пришла из родного писателям реального мира, что авторы стараются подчеркнуть использованием северных языков и диалектов, создающих глубинный уровень текста. В романе Новикова представлены три языковых пласта: старорусский язык, поморская «говорь» и современный русский язык. Встречаются слова, известные в Карелии (*вейче, катиски*). Из поморской культуры автор заимствует крылатые выражения (*ульнуть в няшу* – провалиться в болото). Уже в названии «Голомяное пламя» автор прибегает к языковой загадке для посвященных.

У Линдгрена также наблюдается сочетание разнородных языковых пластов. Диалект отличает северянина Хадара от приехавшей с юга Катарини:

«...он выразился не совсем так. Он говорил на северном диалекте с гротескно растянутыми гласными и глухими печальными дифтонгами, и то, что она воспринимала, было переводом того рода, к которому прибегают туристы в чужеземных странах» (Линдгрэн: 12).

Вестерботтенский диалект в романе Линдгрена призван создать глубинный, эпический фон произведения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поэтика Севера выстраивается в романах Линдгрена и Новикова по схожим принципам, на узнаваемых образах (моря, снега), мотивах (пути, поиска, испытания, преображения), бинарных оппозициях («север – юг», «природа – цивилизация»), с вкраплениями мифологизации, сакрализации природы, элементов культуры северного человека в сравнении с другим, пришедшим с юга. Оба романа отличает особое восприятие времени и пространства Севера, где человека ждут препятствия на пути к постижению себя.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Коровин А. В. Линдгрэн Торгни // Новая Российская энциклопедия: В 12 т. Т. 9 (2). М., 2012. С. 404.
- ² Линдгрэн Т. Шмелиный мед / Пер. со швед. А. Афиногеновой. М.: Инаспресс, 1997. 176 с. Далее цитируется по этому изданию с указанием в круглых скобках фамилии и через двоеточие страницы.
- ³ Новиков Д. Г. Голомяное пламя // Октябрь. 2016. № 7. С. 8–107. Далее цитируется по этому изданию с указанием в круглых скобках фамилии и через двоеточие страницы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова-Осокина О. Н. Вопросы геопоэтики в современном литературоведении // Научный диалог. 2020. № 5. С. 216–241. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-216-241
2. Зими́на Е. В. Утраченные смыслы в переводе романа Д. Новикова «Голомяное пламя» на английский язык // Вестник Костромского государственного университета. 2019. Т. 25, № 4. С. 145–150. DOI: 10.34216/1998-0817-2019-25-4-145-150
3. Иванова И. Н., Сазонова А. С. Геопоэтика «новой северной прозы» в современной отечественной литературе // Гуманитарные и юридические исследования. 2015. № 2. С. 70–73.
4. Кобленкова Д. В. Роман-парабола Торгни Линдгрена «Шмелиный мед». К вопросу о поэтике философско-религиозной шведской прозы // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 2-1. С. 337–342.
5. Мальчуков Л. И. Немецкая мельница, карельское Сампо [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/october/2015/12/nemeczskaya-melnicza-karelskoe-sampo.html> (дата обращения 10.08.2026).
6. Мацевич А. А. Торгни Линдгрэн – рассказчик из Вестерботтена // Линдгрэн Т. Путь змея на скале: Сборник: Пер. со швед. / Сост. Л. Гориной; Предисл. А. Мацевича. М.: Радуга, 1991. С. 5–12.
7. Пере П. С. О новой северной прозе на примере романа «Голомяное пламя» Д. Г. Новикова // Альманах североамериканских и балтийских исследований. 2017. № 2. С. 104–117 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nbsr.petsu.ru/journal/article.php?id=749> (дата обращения 10.08.2026).
8. Плахтиенко О. П. Авторская стратегия Торгни Линдгрена в романе «Шмелиный мед» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-256-2/978-5-88431-256-2_53.pdf (дата обращения 10.08.2026).
9. Рудалев А. «Карта души», начерченная лезвием ножа // Дружба народов. 2013. № 4. С. 240–243.
10. Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера: Монография / Сост., отв. ред. Е. Ш. Галимова, А. Г. Лошаков. Т. 1. Архангельск: ИМИДЖ-ПРЕСС, 2017. 410 с.
11. Спеллер Д. А. Сюжет о Варлааме Керетском в структуре романа Д. Новикова «Голомяное пламя» // StudArctic Forum. 2022. Т. 7, № 3. С. 75–79.
12. Соловьева Е. А. О некоторых особенностях творчества Торгни Линдгрена начала 80-х гг. // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1997. № 1. С. 113–121.
13. Терехин Н. М. Метафизика Севера. Архангельск: Поморский гос. ун-т имени М. В. Ломоносова, 2004. 272 с.
14. Шарапенкова Н. Г., Романовская И. В., Сафрон Е. А. Поэтика Севера в творчестве русских и скандинавских писателей XX–XXI вв. / Отв. ред. Н. Г. Шарапенкова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2025. 129 с.

Поступила в редакцию 29.08.2026; принята к публикации 30.09.2026; дата публикации 30.10.2026

Original article

Oksana G. Abramova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Director, Institute of Philology, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
 ORCID 0000-0001-7307-1131; abramova@petsu.ru

Polina S. Pere, Independent Researcher (Petrozavodsk, Russian Federation)
polina.pere@mail.ru

POETICS OF THE NORTH IN TORGNY LINDGREN'S AND DMITRY NOVIKOV'S NOVELS: TYPOLOGICAL CONVERGENCES

Abstract. The paper analyzes typological parallels in the ways the fictional world of the North is constructed by writers belonging to different national literatures. Specifically, it compares two contemporary novels: *Sweetness* (*Hummelhonung*) by the Swedish author Torgny Lindgren from Västerbotten and *A Flame Out at Sea* (*Golomyanoe Plamya*) by the Karelian writer Dmitry Novikov. The article is written within the framework of contemporary Russian geopoetics, a field that has generated productive methodological approaches to the analysis of literary works, in particular, those referred to as the “Northern” texts of Russian literature. Although Torgny Lindgren and Dmitry Novikov each draw on the traditions of their national literatures, the poetics of the North in the novels under consideration display typologically convergent features, owing both to the narrative strategies adopted by the writers and to the universal content of the concept of the North. The fictional world of the North is constructed in the novels through the opposition of the North and the South; it displays a similar spatio-temporal and motif organization and reflects the language, culture, and mentality of the Northern people. The systems of characters in the novels converge in key compositional elements: the presence of protagonists, antipode characters, legendary figures, and characters who exert a significant influence on the formation of the key figures. The North functions as a liminal chronotope that facilitates the protagonists’ existential testing, hermeneutic discovery, and spiritual transformation.

Key words: North, Swedish literature, Karelian literature, Torgny Lindgren, Dmitry Novikov, typological convergence

For citation: Abramova, O. G., Pere, P. S. Poetics of the North in Torgny Lindgren’s and Dmitry Novikov’s novels: typological convergences. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(7):83–87. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1370

REFERENCES

- Alexandrova-Osokina, O. N. Issues of geopoetics in modern literary criticism. *Nauchnyi dialog*. 2020;5:216–241. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-216-241 (In Russ.)
- Zimina, E. V. Lost meanings in the translation of Dmitry Novikov’s novel *A Flame Out at Sea* into English. *Vestnik of Kostroma State University*. 2019;25(4):145–150. DOI: 10.34216/1998-0817-2019-25-4-145-150 (In Russ.)
- Ivanova, I. N., Sazonova, A. S. Geopoetics of the “new Northern prose” in Russian literature. *Humanities and Law Research*. 2015;2:70–73. (In Russ.)
- Koblenkova, D. V. “Sweetness”, a parable novel by Torgny Lindgren. On the poetics of Swedish philosophical-religious prose. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2012;2-1:337–342. (In Russ.)
- Malchukov, L. I. German mill, Karelian Sampo. *Octyabr*. 2015;12. Available at: <https://magazines.gorky.media/october/2015/12/nemeczskaya-melnicza-karelskoe-sampo.html> (accessed 10.08.2026). (In Russ.)
- Matsevich, A. A. Torgny Lindgren – a storyteller from Västerbotten. *Lindgren, T. The way of a serpent*. Moscow, 1991. P. 5–12. (In Russ.)
- Pere, P. S. On the new Northern prose: a case of Dmitry Novikov’s novel *Golomyanoe Plamya*. *Nordic and Baltic Studies Review*. 2017;2:104–115. Available at: <https://nbsr.petsu.ru/journal/article.php?id=749> (accessed 10.08.2026). (In Russ.)
- Plakhtienko, O. P. Torgny Lindgren’s narrative strategy in the novel *Sweetness*. Available at: http://kunschkamera.ru/files/lib/978-5-88431-256-2/978-5-88431-256-2_53.pdf (accessed 10.08.2026). (In Russ.)
- Rudalev, A. “The map of a soul” drawn with a knife blade. *Druzhba narodov*. 2013;4:240–243. (In Russ.)
- The Northern text as a logos form of being of the Russian North: Monograph. (E. Sh. Galimova, A. G. Loshakov, Eds.). Vol. 1. Arkhangelsk, 2017. 410 p. (In Russ.)
- Speller, D. A. The plot of Varlaam Keretsky in the structure of D. Novikov’s novel “A Flame Out at Sea”. *StudArctic Forum*. 2022;7(3):75–79. (In Russ.)
- Solovyova, E. A. On some features of Torgny Lindgren’s creative work in the early 1980s. *Lomonosov Philology Journal*. 1997;1:113–121. (In Russ.)
- Terebikhin, N. M. Metaphysics of the North: Monograph. Arkhangelsk, 2004. 272 p. (In Russ.)
- Sharapenkova, N. G., Romanovskaya, I. V., Safron, E. A. Poetics of the North in the works of Russian and Scandinavian writers of the XX and XXI centuries. (N. G. Sharapenkova, Ed.). Petrozavodsk, 2025. 129 p. (In Russ.)

Received: 29 August 2026; accepted: 30 September 2026; published: 30 October 2026

КИРА ПАВЛОВНА ОСМАНОВА

ассистент кафедры зарубежной литературы
Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-2960-4513; osmanovakira@gmail.com

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ТОЛПЫ В «ПРИЗНАНИИ» АРТЮРА АДАМОВА

А н н о т а ц и я. В фокусе внимания статьи – не переведенная на русский язык автобиографическая книга «Признание» французского писателя Артюра Адамова. Предпринята попытка подойти к «Признанию» не только как к исповедальному, но и как к философскому и художественному тексту, что составляет новизну данного исследования. Цель – выявить этапы изменений художественного образа толпы, реализуемых по принципу «тезис – антитезис – синтез». С помощью образа толпы Адамов транслирует свой взгляд на индивидуальное человеческое существование как на категорию, сопряженную с существованием универсальным. Уделяется внимание вопросам сопоставления с русской философской традицией, взглядами С. Л. Франка, в основе которых лежит принцип всеединства. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что трансформация образа толпы свидетельствует о приверженности раннего Адамова идее возвращения первоизданного мира, понимаемого им как средоточие человеческого единства, которое образовано по принципу повторения, циклического воспроизведения форм жизни. К написанию «Признания» Адамов подходит с представлением о человечестве как о сумме учитываемых, отличающихся друг от друга, но сущностно не сопряженных между собой частных. Характер действительности, связанный со Второй мировой войной и лагерным заключением самого Адамова, вносит коррективы в это представление. Тезис сменяется антитезисом: в человеческой массе частности уничтожаются, и сама она инерционно соскальзывает в бездну бессмыслицы. Однако в «Признании» Адамов не довольствуется абсурдистской картиной мира – он ее фиксирует, но в финале делает попытку синтеза, опираясь на доминантные темы: неподчинение духа материи, сопротивление повседневности, приоритет вертикали бытия. На исходе 1943 года Адамов конструирует дихотомию индивидуального («*existence particulière*») и универсального («*vie universelle*») и артикулирует идею их возможного непротиворечия, в контексте которой они состоят не во взаимоисключающих, а взаимодополняющих отношениях.

Ключевые слова: Артюр Адамов, дихотомия «индивидуальное – универсальное», образ толпы, Семен Франк, симулякр Адамова

Для цитирования: Османова К. П. Трансформация образа толпы в «Признании» Артюра Адамова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 7. С. 88–94. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1371

ВВЕДЕНИЕ

Автобиографическая книга Артюра Адамова (Arthur Adamov, 1908–1970) «Признание» («*L' Aveu*», 1946) в настоящее время находится на периферии исследовательского внимания в сегменте русскоязычных, и без того весьма немногочисленных, научных работ, посвященных французскому писателю. Однако в «Признании» могут быть распознаны все истоки авторского мировоззрения, претерпевающего трансформации на разных этапах творчества художника и мыслителя.

Под заглавием «Признание» объединены автобиографические сочинения периода с 1938 по 1943 год: «Что существует» («*Ce Qu'Il Y A*», 1938);

«Бесконечное унижение» («*L' Humiliation Sans Fin*», 1939); «Время позора» («*Le Temps de l' Ignominie*», 1939–1940); «Кошмарный дневник» («*Journal Terrible*», 1939–1943); а также «Предисловие» («*Introduction*», 1943). В статье речь пойдет о финальной части «Признания» – «Кошмарном дневнике», написание которого прерывалось (шестой фрагмент «Кошмарного дневника» создавался с августа по декабрь 1940 года, седьмой – в ноябре 1941 года) в связи с заключением Адамова в концентрационный лагерь Аржелес-сюр-Мер (Argelès-sur-Mer). Адамов подвергся аресту и последующему интернированию за высказывания, критикующие действия кол-

лаборационистского режима Виши («враждебно отзывался о правительстве Виши»¹). В лагере Адамов пробыл чуть менее полугода, с 16 мая по 10 ноября 1941 года. Этот опыт заточения не мог не отразиться на страницах «Признания». Письмо Адамова являет собой территорию, где «раскрывается драматический разрыв» [3: 118] между внутренней жизнью человека и реальностью, обнажается контрверсивность человеческого существования. В «Кошмарном дневнике» транслируется образ, исключительно важный для понимания мировоззрения Адамова, – образ толпы.

* * *

В третьей части «Кошмарного дневника» (май – июнь 1940 года, Париж) Адамов описывает любопытную сцену. Действие происходит в темное время суток, причем для Адамова это не просто вечер или ночь, а «ночь войны» («la nuit de guerre»), то есть мрак, в который погрузилось человечество («мрачный период французской истории» [12: 21]² – в июне 1940 года Париж был оккупирован войсками нацистской Германии; оккупация продолжалась до 25 августа 1944 года). На парижской улице, возле внушительных размеров здания, герой «Признания» – alter-ego Адамова (вопрос «Кто этот “я”, имя которому – Артюр Адамов?» [11: 287] не теряет актуальности) – видит странное скопление народа, и эта картина его беспокоит. Герой подходит ближе и пытается осуществить важное, в каком-то смысле программное для мировидения раннего Адамова, действие – разобрать в густоте толпы отдельные лица, то есть сделать общее – суммой учитываемых частных, а не признать его результатом стирания этих частных, уничтожения индивидуальных особенностей. Попытка героя терпит крах. Людей на мгlistой улице Адамов называет «masse anonyme» – безымянная масса, и обязательно добавляет – «hommes sans visages», то есть люди без лиц. Нет больше ни имен, ни индивидуальных черт – только медленно движущийся темный поток. Адамов понимает, что эти люди соединены общим ожиданием, и хочет понять, чего именно они ждут. Впоследствии подобным ожиданием будут связаны персонажи театра абсурда Адамова – театра «конкретной метафоры вселенной отсутствия» [13: 155], где «мир теряет отчетливые формы, наступает хаос, музыка непременно превращается в шум, люди и машины – в неразличимую массу» [1: 78]. Разгадка странного ночного столпотворения обнаруживается скоро: оказывается,

что безликие существа стоят в очереди в кино-театр; стоят, по словам Адамова, «в надежде обменять ночь под открытым небом на обманную ночь зрелища»³. Адамов догадывается, что существа не просто безликие – они «неживые» («ce ne sont pas des êtres vivants»), это лживые симулякры («des simulacres menteurs»), которые перешептываются и жестикулируют, «охваченные мучительной пустотой». Термин «симулякр» (фр. simulacre, от лат. simulacrum), актуализированный в философии XX века Жоржем Батаем (Georges Bataille, 1897–1962), определяет явление, образующее «знак мгновенного состояния» [4: 81] и пробуждающее «в том, кто испытывает его, особое движение» [4: 82]; симулякр – сконструированная единица, выражающая то, что не поддается рациональному познанию, а впоследствии – репрезентация того, чего на самом деле не существует. Мысль о том, что созерцаемые копии не имеют оригинала, инспирирует Адамова на продолжение его излюбленной темы – инерционности человеческого существования и поиска способа спасения от пустоты («pour échapper au vide»), возможности ускользнуть от ощущения тотальной бессмысленности.

Очевидно, когда Адамов рассуждает здесь о глухоте людей к голосу совести и вообще – к сознанию (французское слово «conscience» означает и совесть, и сознание, и самосознание), он все равно так или иначе говорит о вине: и о той, первородной, которая лежит на всяком смертном, но теперь уже и об этой, коллективной, – за происходящее в мире, где идет война. Внутренний зов – «appel de conscience» – человек, живущий механически, предпочтет не слышать. Современный человек, по Адамову, прикладывает много усилий для того, чтобы любыми способами отвлечь себя от процесса мышления. Готовность избегать подлинного в угоду сиюминутному как имманентная черта человеческой природы интересовала Адамова на протяжении всей жизни. Любопытно, что в 1941 году (первоначально в формате газетных публикаций) выйдут «Письма Баламута» («The Screwtape Letters») английского писателя, философа и богослова Клайва Стейплза Льюиса (Clive Staples Lewis, 1898–1963), где уже в «Первом письме» автор реализует близкий ход мысли, – и когда Баламут Льюиса советует ученику «Набивай до отказа своего пациента *обычностью вещей*»⁴, речь идет о каждом, кто в «Признании» Адамова стоял в той очереди за билетами в кино, прельстившись «обманной ночью зрелища» («la nuit trompeuse du spectacle») (129).

Возвращаясь к вопросу, заданному в начале третьей части «Кошмарного дневника», – «В чем смысл этой войны?» (127), Адамов приходит к выводу о том, что война, которая по сути своей является «уникальной возможностью подвергнуть все сомнению» (129), стала для современного человека еще большим позором, «провалом», поскольку во времена трагедии мы наблюдаем теперь «единодушное успокоение совести» («l'assoupissement unanime des consciences»), слово «assoupissement» имеет также значение 'оцепенение', и это антоним к тому самому «пробуждению» («réveil»), которое так важно для философии Адамова (129). Кино в данном случае оказывается лишь одним из средств подобного успокоения.

В седьмой части «Кошмарного дневника» (ноябрь 1941 года, Марсель) Адамов возвращается к образу толпы, способствующему возможности более объемного раскрытия проблемы тщетности человеческих мучений. Теперь толпа – это не просто люди в оккупированном городе, но заключенные концлагеря. Адамов вспоминает свои дни в Аржелес-сюр-Мер, тех, кто находился вместе с ним там («mes compagnons»), и задается вопросом – а был ли какой-то смысл в страданиях заключенных? Приблизился ли человек благодаря опыту подобных страданий к «тайне высшего сознания» («secret de la plus haute conscience»)? (146) Ответы однозначны – нет, не было, нет, не приблизился. Герой «Признания» находится во власти «ужасной уверенности» («l'affreuse certitude») в том, что все испытания, пришедшиеся на долю несчастных, напрасны, а самих этих людей называет «однородной сероватой массой, безнадежно соскальзывающей в пропасть» («une seule masse grisâtre qui glisse sans espoir vers l'abîme») (146). Этот образ весьма интересен, особенно в сопоставлении с «безымянной» и «безликой» «массой» («masse anonyme <...> sans visages») из фрагмента об очереди в кинотеатр. Идея Адамова такова: люди, образующие общность, должны образовывать ее для того, чтобы противостоять злу, чтобы создавать злу препятствие в виде, по выражению Адамова, «твердой сверкающей поверхности» («dure surface miroitante»), способной отражать удары зла посредством «тысяч искр сознания» («en mille étincelles de conscience»), суммарного, высшего сознания. Здесь уже звучит мысль о некоем абсолюте – идеале, которому должно соответствовать соединение людей друг с другом. Возникает образ металлического сплава, коим должно стать совершенное человеческое

единство. Идеалу (жесткости, но одновременно – проницаемости, сверкающим переливам, ярким вспышкам сопротивления) противопоставлена данность современной реальности (вязкость, герметичность, серость, отсутствие огня). Так, сила и стойкость людей прошлого противопоставляются Адамовым слабости и малодушию людей настоящего. Люди – это просто «непроницаемая человеческая материя, пористая от боли» («opaque matière humaine poreuse à la douleur»). Одним из непоправимых следствий долгого страдания Адамов полагает потерю «вещества души» («la substance d'âme»). Человек, претерпевший муки на земле, как и всякий другой, сползает в пропасть – ничего не изменив в ходе своего существования. Таков закон мироздания, и единственной возможностью для человека сохранить достоинство Адамов считает неподчинение духа закону инерции.

Одна из главных идей философии и художественного творчества Адамова, заявленная в начале книги, в главе «Что существует», – идея инерционности человеческого существования и трагической необходимости (и невозможности) эту инерционность преодолеть – кульминационно звучит в одном из самых ярких фрагментов «Признания», в восьмой части «Кошмарного дневника», написанной снова в Париже, после более чем годового перерыва, в декабре 1942 года.

Адамов артикулирует проблему, это – «чудовищный механизм привычки» («l'effroyable mécanisme de l'habitude») (148), который подчиняет себе людей и освободиться от власти которого не представляется возможным. Люди находятся во власти «оцепенения» («la torpeur»), в состоянии «угасания сознания» («l'ավիսsement des consciences») и «абсолютной незаинтересованности перед огромной картиной ужаса» («le désintérêt absolu devant l'immense tableau d'épouvante») (149). Адамов фокусирует авторское внимание на состоянии телесной скованности, подобной той, что случается в кошмарах (впоследствии это будет важно для его «пьес снов»). Таким образом, вновь звучит тема инерционности человеческого существования: война не только не стала «уникальной возможностью подвергнуть все сомнению», но и, как это ни парадоксально, выработала в человеке привычку воспринимать зло как обыденность. В системе координат повседневности каждый день совершаются чудовищные преступления – и этот факт не просто не становится отправной точкой для пересмотра глобальных человеческих ценно-

стей, но даже не является препятствием для похода в кино, на фильм о чьих-то выдуманных преступлениях.

Необходимо подчеркнуть, что вопрос «чувовищного механизма привычки», в частности – привычки к тому, к чему человек как будто бы привыкнуть не может и не должен, остается актуальным и для современных философов, продолжающих осмыслять концепт катастрофы. Так, Александр Погребняк, размышляя о беньяминовской (Walter Benjamin, 1892–1940) трактовке Ангела («Angelus Novus») Пауля Клее (Paul Klee, 1879–1940), замечает:

«Теперь мы, кажется, понимаем, почему у Клее буря как будто бы стихла: мы давно привыкли жить в состоянии перманентного чрезвычайного положения, повседневность шока привела к тому, что нас все труднее удастся чем-то шокировать» [8: 11].

«Повседневность шока» век двадцать первый наследует у века двадцатого. «Повседневность шока» – характерная черта современности, и долг писателя Адамов видит в сопротивлении подобной повседневности. Так, писатель, полагает Адамов, с одной стороны, не должен терять хладнокровия для того, чтобы без искажений фиксировать то, свидетелем чего он оказывается, но при этом, с другой стороны, обязан как можно глубже «проникнуться отчаянием, в котором пребывает его эпоха» (149). Самое важное, по мысли Адамова, – осознать, что «сила забвения» («la puissance d'oubli») более жестока и более непостижима, чем «сила преступления» («la puissance de crime») (149). Преступление страшно само по себе, однако еще страшнее – забыть о том, что преступление было совершено. Не будет неуместным предположить, что – несмотря на то, что в «Признании» нет собственно «лагерных» страниц (скупые зарисовки о жизни в заключении появятся в книге «Человек и дитя» («L'Homme et l'enfant», 1968)) – Адамов пишет «Признание», чтобы противостоять беспощадной «силе забвения» и преодолеть инерционное существование, или хотя бы совершить попытку его преодоления.

В одиннадцатой, финальной, части «Кошмарного дневника» (декабрь 1943 года, Париж) Адамов описывает еще одну сцену с участием толпы – и на этот раз упреждает описание замечанием о том, что ныне он обладает «новым взглядом» («un regard neuf»), который преобразует привычные картины:

«Толпа теперь открывается мне в первозданной истине. Лица внезапно теряют свою самобытность, свое индивидуальное уродство. Передо мной – только

огромная арабеска человеческого лица, где в бесчисленных вариациях постоянно воспроизводятся одни и те же неизменные мотивы. Я постиг принцип повторения. У человека больше нет его личной судьбы, люди появляются, подобно листьям – ни один из которых не похож на другой, но одновременно и – удивительно похож, все они бесконечно повторяются, и в итоге глаза наши видят не каждый листок отдельно – но всю крону. И я понимаю: каждый человек верит, что свободно движется к определенной цели, но люди вместе – все они, колеблясь на ветру судьбы, подчиняются одному и тому же циклическому ритму, который приводит в движение кроны лесов» (157–158).

Этот фрагмент требует отдельного комментария. Следует отметить, что Адамов, в третьей части «Кошмарного дневника» говорящий о толпе «без лиц», отличается от Адамова в части финальной, где он сперва повторяет свой изначальный (сформированный до написания «Признания») тезис и не только распознает отдельные лица в толпе, но и признает их своеобразие («*caractère singulier*»), и даже подчеркивает их специфическую некрасивость («*laideur individuelle*»), частных случаев красоты Адамов либо не видит, либо не считает нужным о них сообщить. Общее есть сумма учитываемых и непохожих друг на друга частных – этот тезис Адамова, звучащий еще в его ранних лирических опытах (например, в поэтическом цикле «К Мерет» («*Des poèmes pour Meret*», 1933), где Адамов «следует принципу деления целого, вследствие чего реципиент имеет дело с феноменом “разъятой возлюбленной”» [7: 149]), – сменяется в начале «Кошмарного дневника» антитезисом, суть которого в том, что общее (толпа, человечество) есть бесформенная масса, где частности стираются; масса безликая, обреченная на бессмысленное существование и бессмысленное же окончание оно; – чтобы в финале стать синтезом, воплощенным в образе «огромной арабески человеческого лица», которое состоит из частных, но при этом частных сходных; лица, которое постоянно меняется, но при этом остается неизменным. Поэтому свой взгляд Адамов называет «новым» – подобная оптика позволяет осуществить возможность синтеза, основанного, как полагает Адамов, на усвоении «принципа повторения» («*le principe de la répétition*»). Симюлякры из ночной очереди в кинотеатр, заключенные концлагеря – все они в итоге обретают свое место в гигантской арабеске. Все невидимые черты проявляются и соединяются, становясь частью масштабного причудливого узора судьбы.

Подлинность на территории «Признания» Адамова часто маркируется словом «primitive» –

первозданный, первобытный, исходный. Литературовед, исследователь феномена абсурда в искусстве М. Эсслин (Martin Esslin, 1918–2002) полагает, что в «Признании» «прокладываются пути к спасению и полному осознанию тупика» [10: 99], безысходности в поисках смысла человеческого существования, однако это осознание парадоксальным образом не отрицает надежду, в определенной степени романтическое чаяние идеала – мечты об обретении утраченного «золотого века». К выражению идеи подлинности Адамов безошибочно приходит через образ дерева – достаточно вспомнить, как в «Предисловии» к «Признанию» Адамов, рассуждая о проблемах современного языка, создает образ перевернутого дерева: язык представляется как огромное дерево, корни которого пущены не в землю, а в небо, то есть как «гигантский перевернутый организм» (*un gigantesque organisme inversé*) (16). Тем самым Адамов обозначает, что для него

«поиск источников происхождения слов есть процесс восхождения, конструирования внутренней вертикали, вырабатывания способов объяснения законов этой Вселенной, а значит, построения пути к смыслу» [6: 39–40]

(позже способ внимания к языку у самого Адамова будет определен как тот, «который позволяет проявиться одновременно регистрам повседневности, клинического анализа, поэтики, философии и экзистенциального измерения» [2: 87]).

Нельзя не отметить созвучие размышлений Адамова с идеями русского философа С. Л. Франка (1877–1950), утверждавшего, что «универсализм и индивидуализм друг друга не исключают и не ограничивают, но внутренне совпадают и взаимно поддерживают» [9: 180]. В статье (первоначально – докладе) «Русское мировоззрение» Франк пишет:

«Если воспользоваться сравнением, идущим от Платона и часто используемым русскими философами, “я” подобно листу на дереве, который внешне не соприкасается с другими листьями или соприкасается лишь случайно, но внутренне, через соединение ветвей и сучьев с общим корнем, связан, следовательно, со всеми остальными листьями и ведет с ними общую жизнь» [9: 179].

Очевидно, что Франк актуализирует здесь платоновскую «аллегория мира как гигантского древа, единого растения, отростками, ветвями и листьями которого является все сущее» [5: 20]. Очевидно и то, что Адамов с удивительной точностью воспроизводит данный образ, улавливая интонацию соборности. Текст «Русского мировоззрения» был написан Франком в эмиграции

в 1925 году. Документальными подтверждениями, читал ли Адамов Франка, автор настоящей статьи не располагает, однако, если учитывать интерес Адамова к русской культуре, такое предположение кажется более чем вероятным. Тем не менее и в случае, если речь идет не о цитировании, не о сознательной интерпретации заимствованного образа, а о мировидении, выступающем в качестве интертекста, подчеркнуть подобное сопряжение идей представляется крайне важным. Интересно, что русский поэт Борис Поплавский (1903–1935) в парижской эмиграции в своих дневниках (запись от 21 декабря 1928 года), размышляя о пути художника, замечает, что для художника современного как будто бы определен путь «индивидуального и личного», тогда как в прошлом были эпохи, когда художник должен был «как бы слиться и раствориться в некоем надличном стиле»⁵. В ключе этих компаративистских этюдов Адамов, родившийся на территории Российской империи, покинувший ее в детском возрасте и ставший впоследствии одним из лучших переводчиков русской литературы на французский язык, оказывается действительно философом и художником, разделяющим «русское мировоззрение», – быть может, более русским, чем сам он мог о себе вообразить.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В исповедальном тексте «Признание» реализована трансформация образа толпы по принципу «тезис – антитезис – синтез». Для театра абсурда, одним из основателей которого вскоре после написания «Признания» станет Артюр Адамов, окажется важным вторая часть триады – антитезис, связанный с философией утраты смысла на всех уровнях человеческого существования. Однако в финале «Признания» Адамов концентрирует внимание на идее синтеза, который обещает если не спасение и обретение нового смысла, то, по крайней мере, надежду на них. Адамов формулирует вывод: человек, который должен являться не только частью горизонтали, но частью вертикали (мощного дерева), ошибается, делая ставку на индивидуализацию в крайней степени, – освободиться от власти «циклического ритма», управляющего «всеобщей жизнью», не под силу никому.

Констатируя «Я не смог вписать свое частное существование во всеобщую жизнь» (159), Адамов тем самым еще раз закрепляет дихотомию индивидуального (*«existence particulière»*) и универсального (*«vie universelle»*) и рассматривает осуществимость подобной интеграции как идеал.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Адамов А. Человек и дитя / Пер. с фр. А. Захаревич. СПб.: Jaromír Hladík press, 2022. С. 56.
- ² Здесь и далее все цитаты из иноязычных источников представлены в переводе автора статьи.
- ³ Adamov A. L'Aveu. Paris: Sagittaire, 1946. P. 129. Далее цитируется по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.
- ⁴ Льюис К. С. Письма Баламута. Расторжение брака / Пер. с англ. Т. О. Шапошниковой, Н. Л. Трауберг. М.: АСТ, 2022. С. 24.
- ⁵ Поплавский Б. Из дневников 1928–1935. Париж: Imprimerie VAL, 1938. С. 5–6.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анищенко М. Г. Драма абсурда. М.: ГИТИС, 2011. 312 с.
2. Груба Н. В. «Нам бросают намек»: пьеса А. Адамова «В фиакре» и III Семинар Ж. Лакана // Южный полюс. Исследования по истории современной западной философии. 2024. № 11 (1). С. 77–88. DOI: 10.18522/2415-8682-2024-11-77-88
3. Демьяненко Д. В. Роль литературных аллюзий в дневнике Элен Берр // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 3 (81). С. 113–118. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-81-3-113-118
4. Клоссовски П. Симюлякры Жоржа Батая // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб.: Мифрил, 1994. С. 79–89.
5. Мардер М., Кулагина-Ярцева В., Кротовская Н. Растения философов: интеллектуальный гербарий (Безымянное «Гигантское дерево» Плотина (глава 3), Яблоня Хайдеггера (глава 10)) // Философская антропология. 2024. Т. 10, № 1. С. 19–58. DOI: 10.21146/2414-3715-2024-10-1-19-58
6. Османова К. П. Проблема кризиса языка в «Признании» Артюра Адамова // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2021. № 4. С. 38–45. DOI: 10.46726/H.2021.4.4
7. Османова К. П. Цикл Артюра Адамова «К Мерет»: особенности поэтики // Ученые записки Орловского государственного университета. 2022. № 4 (97). С. 148–151.
8. Погребняк А. А. Ангел истории: отчет для Академии // Лаканалия. 2025. № 48. С. 6–15.
9. Франк С. Л. Русское мировоззрение // Франк С. Л. Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996. С. 161–195.
10. Эсслин М. Театр абсурда / Пер. с англ. Г. Коваленко. СПб.: Балтийские сезоны, 2010. 528 с.
11. Bertrand M. Dramaturgie de la confession: de “L'Aveu” à “L'Homme et l'enfant” et “Ils” // Onirisme et engagement chez Arthur Adamov. Aix-en-Provence: Publications de l'Université de Provence, 2009. P. 287–300.
12. Gaudy R. Arthur Adamov (Essai et document). Paris: Stock, 1971. 187 p.
13. McCann J. J. The theater of Arthur Adamov. Chapel Hill: University of North Carolina, 1975. 168 p.

Поступила в редакцию 12.01.2026; принята к публикации 16.06.2026; дата публикации 30.10.2026

Original article

Kira P. Osmanova, Teaching Assistant, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-2960-4513; osmanovakira@gmail.com

TRANSFORMATION OF THE CROWD IMAGE IN THE CONFESSION BY ARTHUR ADAMOV

Abstract. The article focuses on *The Confession*, an autobiographical book written by the French writer Arthur Adamov and untranslated into Russian. The author attempts to approach *The Confession* not only as a confessional but also as a philosophical and literary text, which determines the novelty of this research. The article aims to identify the change stages for the crowd image which are unfolding according to the “thesis – antithesis – synthesis” principle. Through the image of the crowd, Adamov conveys his view of individual human existence as a category intertwined with universal existence. Attention is paid to the issues of comparison with the Russian philosophical tradition and the views of S. L. Frank, which are based on the principle of total unity. The conducted analysis leads to the conclusion that the transformation of the crowd image testifies to the early Adamov's commitment to the idea of returning to the primitive world, understood by him as the territory of human unity, which is formed according to the principle of repetition or cyclical reproduction of life forms. Adamov approaches the writing of *The Confession* with the idea of humanity as a sum of individualities that are taken into account, differ from each other, but are not essentially interconnected. The specificity of reality, connected with World War II and Adamov's own camp imprisonment, introduces adjustments to this idea. Thesis is replaced by antithesis: individualities are effaced by the human mass, and the mass itself inertially slides into the abyss of meaninglessness. In *The Confession*, however, Adamov is not satisfied with an absurdist world-

view – he records it, but in the end makes an attempt at synthesis based on priority themes, such as the spirit's refusal to submit to matter, resistance to the commonness, and the primacy of the existence's vertical dimension. In late 1943, Adamov generates the dichotomy of individuality ("existence particulière") and universality ("vie universelle") and articulates the idea of their possible non-contradiction, where they are not in mutually exclusive, but rather complementary relationships.

Key words: Arthur Adamov, "individual – universal" dichotomy, crowd image, Semyon Frank, Adamov's simulacrum

For citation: Osmanova, K. P. Transformation of the crowd image in *The Confession* by Arthur Adamov. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(7):88–94. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1371

REFERENCES

1. Anishchenko, M. G. The drama of the absurd. Moscow, 2011. 312 p. (In Russ.)
2. Gruba, N. V. "We are thrown a hint": A. Adamov's play "In Fiacre" and J. Lacan's III Seminar. *The South Pole. Studies on the History of Modern Western Philosophy*. 2024;11(1):77–88. DOI: 10.18522/2415-8682-2024-11-77-88 (In Russ.)
3. Demianenkova, D. V. The role of literary allusions in Hélène Berr's journal. *Philology and Culture*. 2025;3(81):113–118. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-81-3-113-118 (In Russ.)
4. Klossowski, P. Of the simulacrum in Georges Bataille's communication. *Thanatography of Eros: Georges Bataille and French thought of the mid-twentieth century*. St. Petersburg, 1994. P. 79–89. (In Russ.)
5. Marder, M., Kulagina-Yartseva, V., Krotovskaya, N. The philosopher's plant: an intellectual herbarium (Plotinus' anonymous "Great Plant" (Chapter 3), Heidegger's apple tree (Chapter 10)). *Philosophical Anthropology*. 2024;10(1):19–58. DOI: 10.21146/2414-3715-2024-10-1-19-58 (In Russ.)
6. Osmanova, K. P. The problem of the language crisis in "The Confession" by Arthur Adamov. *Ivanovo State University Bulletin. Series "The Humanities"*. 2021;4:38–45. DOI: 10.46726/H.2021.4.4 (In Russ.)
7. Osmanova, K. P. "To Meret" by Arthur Adamov: features of poetics. *Scientific Notes of Orel State University*. 2022;4(97):148–151. (In Russ.)
8. Pogrebnyak, A. A. The Angel of History: A Report for an Academy. *Lacanalía. A Psychoanalytic Journal*. 2025;48:6–15. (In Russ.)
9. Frank, S. L. Russian worldview. *Frank, S. L. Russian worldview*. St. Petersburg, 1996. P. 161–195. (In Russ.)
10. Esslin, M. The theatre of the absurd. St. Petersburg, 2010. 528 p. (In Russ.)
11. Bertrand, M. Dramaturgie de la confession: de "L' Aveu" à "L' Homme et l' enfant" et "Ils". *Onirisme et engagement chez Arthur Adamov*. Aix-en-Provence, 2009. P. 287–300.
12. Gaudy, R. Arthur Adamov (Essai et document). Paris, 1971. 187 p.
13. McCann, J. J. The theater of Arthur Adamov. Chapel Hill, 1975. 168 p.

Received: 12 January 2026; accepted: 16 June 2026; published: 30 October 2026

ТАТЬЯНА ГРИГОРЬЕВНА ИВАНОВА

доктор филологических наук, главный научный сотрудник
отдела русского фольклора
Федеральное государственное бюджетное учреждение нау-
ки Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Рос-
сийской академии наук
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
tgivanova@inbox.ru

Г. А. ГЛИНКА И ЕГО МИФОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ (из истории фольклористики начала XIX века)

А н н о т а ц и я . В ракурсе феномена «кабинетной мифологии», сформировавшегося в русской фольклористике XVIII века, рассматривается книга «Древняя религия славян» Г. А. Глинки, профессора русской словесности в Дерптском (ныне Тартуский, Эстония) университете. Указывается на сформулированный Г. А. Глинкой тезис о праве исследователя, описывая славянские божества, прибегать к фантазии, достраивать образ того или иного языческого персонажа. Говорится о предложенной им классификации славянских языческих божеств. В труде Г. А. Глинки явственно прочитывается желание осознать славянскую мифологию сквозь призму античности, что было характерно для XVIII века в эпоху классицизма. В то же время обращает внимание сопоставление славянского пантеона богов со скандинавской мифологией. Последний аспект обусловлен новым периодом в развитии европейской литературы – сентиментализмом и преромантизмом с их интересом к культуре древних германцев и скандинавов. При всей несостоятельности разысканий в области славянской мифологии Г. А. Глинка оказался среди тех литераторов, которые закладывали в отечественной фольклористике определенные основы для формирования сравнительного аспекта в фольклористических исследованиях.

К л ю ч е в ы е с л о в а : «кабинетная мифология», «Древняя религия славян» Г. А. Глинки, сопоставление славянского пантеона богов со скандинавской мифологией, сентиментализм и преромантизм

Д л я ц и т и р о в а н и я : Иванова Т. Г. Г. А. Глинка и его мифологический словарь (из истории фольклористики начала XIX века) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 7. С. 95–102. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1372

ВВЕДЕНИЕ

В истории отечественной фольклористики имеется одна интересная и по-своему плодотворная страница – формирование и развитие «кабинетной мифологии». Современное определение этого явления, данное во втором издании энциклопедического словаря «Славянская мифология», выглядит следующим образом:

«Кабинетная мифология – совокупность персонажей, без должных оснований относимых к славянским языческим богам и фигурирующих в ученых сочинениях по славянской мифологии с XVIII в. по наши дни» [3].

«Кабинетная мифология» сформировалась в XVIII веке в ученых трудах историков (В. Н. Татищев, М. В. Ломоносов, И. Ф. Богданович) и литераторов (М. Д. Чулков, М. И. Попов). Тогда сложился корпус языческих богов, привлекавших внимание историков и составителей мифологических словарей. Корпус этот состоял из нескольких кластеров: 1) подлинные древнерусские персонажи, существование которых подтвержде-

но древними летописями; 2) подлинные персонажи низшей русской мифологии; 3) польские языческие божества; 4) боги полабских и балтийских славян, ассимилированных немцами (их имена зафиксированы в средневековых европейских памятниках письменности).

Понимание мифологии поначалу ограничивалось исключительно системой персонажей. При этом следует заметить, что в XVIII столетии в эпоху классицизма с ее установкой почитать практически все виды искусства античными образцами, и в западноевропейской, и в русской фольклористике сложилась практика сопоставления славянских языческих богов с героями античного (в основном древнеримского) пантеона.

К началу XIX века русская фольклористика пришла с достаточно солидным багажом мифологических словарей: «Краткий мифологический лексикон» М. Д. Чулкова (СПб., 1767), «Описание древнего славянского языческого баснословия, собранного из разных писателей и снабженного примечаниями» М. И. Попова (СПб.,

1768; переизд.: Краткое описание древнего славянского языческого баснословия, собранного из разных писателей // Досуги, или Собрание сочинений и переводов М. И. Попова. СПб., 1772. Ч. 1. С. 175–208), «Словарь русских суеверий» М. Д. Чулкова (СПб., 1782) и его же второе издание этой книги под заглавием «АБЕВЕГА русских суеверий» (СПб., 1786).

М. Д. Чулков в «Словаре русских суеверий» совершает настоящий прорыв в понимании русской мифологии. Поле мифологического в этом издании, по сути дела, расширяется чуть ли не до современного понимания этого сегмента народной культуры. Впервые русская фольклористическая мысль обращается к календарной обрядности (статьи «Аграфенин день», «Ильин день», «Масляница» и пр.); складывается понимание того, что мифологическому осмыслению в народной культуре подвергаются реалии времени («Понедельник», «Пятница» и пр.), локусов («Передний угол», «Пловучее озеро» и пр.), фауны («Ворон», «Змеи», «Лягушка» и пр.), растительного («Адамова голова», «Осина» и пр.), предметного («Булавка», «Замки», «Зеркало» и пр.) миров. В определенном смысле «Словарь русских суеверий» М. Д. Чулкова является зерном, из которого впоследствии прорастает отечественная фольклористика.

Казалось бы, после «Словаря русских суеверий» М. Д. Чулкова фольклористика уже не должна была возвращаться на позиции сугубо «кабинетной мифологии». Однако вышедшие в самом начале XIX века труды Григория Глинки и Андрея Кайсарова это опровергают. Впрочем, эти издания раскрывают дополнительные грани «кабинетной мифологии» и требуют отдельного специального рассмотрения.

Наша статья посвящена Г. А. Глинке и его словарю. Григорий Андреевич Глинка (1776–1818) [1], [2], выходец из польского шляхетского рода, получивший образование в Пажеском корпусе, служивший в лейб-гвардии Семеновском полку, а затем в Коллегии иностранных дел (с 1799 года), бывший цензором иностранных изданий (с 1800 года), с 1803 по 1810 год являлся профессором русского языка и словесности в Дерптском (ныне Тартуский, Эстония), немецком по своей сути, университете. Для дворянства Эстляндии, Лифляндии и Курляндии он составил изданную в Митава в 1805 году учебную книгу по изучению русского языка.

Будучи профессором Дерптского университета, Г. А. Глинка издал очередную версию мифологического словаря – книгу «Древняя рели-

гия славян» (Митава, 1804)¹. Он возвращается к исключительно персонажному построению, явленному в книге М. Д. Чулкова 1767 года «Краткий мифологический лексикон» и в издании М. И. Попова 1768 года «Описание древнего славянского языческого баснословия», игнорируя опыт М. Д. Чулкова в «Словаре русских суеверий» 1782 года. Автор «Древней религии славян» в основном повторяет тот корпус славянских языческих божеств, который сложился в словарях его предшественников. В книге имеются статьи о древнерусских божествах из пантеона князя Владимира 980 года: Перун, Дажбог, Волос, Могош (так!), Корс (Хорс), Стрибог. Как и у предшественников, словарь включает в себя богов, пришедших в круг представлений о мифологии из польских источников (Ян Длugoш, Матей Стрыйковский): Знич, Живот, Лед, Дидилия, Мерцана, Сева, Зевана, Ясса, Позвизд, Догода, Ний. Заметное место у Глинки занимают боги полабо-балтийских славян: Световид, Белбог, Сильный бог, Триглава, Родомысл, Прове, Радегаст, Чернобог. К этой же группе относится статья об озере Студенец (на острове Рюген – одном из центров балтийского язычества). Однако в труде Г. А. Глинки по сравнению с предшественниками проявляются новые грани. Словарь составлен не по алфавитному принципу, а по «систематическому описанию богов». Автор предлагает систематизацию из четырех групп:

1) «выспренные» божества, в число которых включены «обоженные» (обожевленные) «существа вне земли находящиеся, а на оную только показывающие свои действия, ощутительные человеку» (с. 11)². Далее следует список богов с их краткой дефиницией:

Перун, движение эфира, гром; Златая Баба, тишина, покой; Световид, солнце, жизненная теплота; Знич, начальный огонь, эфир; Белбог, благо и доброе начало; Сильный бог, крепкий бог; Дажбог, благополучие; Живот, сохранение жизни; Лед, война; Коляда, мир; Услад, удовольствие; Лада, красота; Дети ее: Леля, любовь; Полея, брак; Дид, супружество; Дидилия, деторождение; Мерцана, заря, богиня жатвы;

2) «земные», то есть покровители жизненных человеческих потребностей:

Тригла, земля; Волос, Могош, боги, покровительствующие скоту; Купало, земные плоды; Родомысл, податель благих советов; Сева, богиня плодов; Зевана, богиня звероловства; Чур, бог межей; Проне, или Прове, бог прорекания; Радегаст, бог странноприимства и городов; Корс, бог пьянства; Ясса; Позвизд, бог бурь и ветров; Догода, зефир; Зимцерла, или Зимстерла, весна; Зимерзла, зима;

3) «преисподние», то есть боги, «кои изображают собою месть и казнь, наследующую за беззаконием и пороком» (с. 14): Ний, владычеству-

ющий над преисподними странами; Стрибог, бог истребитель; Чернобог, бог отмщения; Яга баба; Кикимора, бог сна;

4) «водные»: Царь морской; Русалки; Чудо морское; Водовики, водяные черти.

Помимо этих четырех классификационных позиций Г. А. Глинка выделяет еще Духов (Лешие; Домовые; Стени; Лизуны; Куды; Черти; Бесы), Полубогов или богатырей (Полканы; Волоты; Славян; Волхв; Волховец; Рудоток), Озера «обожженные» (Ильмер; Студенец) и Реки (Буг; Дон).

Во вступительной статье Г. А. Глинка заявляет о своем праве, описывая славянские божества, прибегать к фантазии – «наполнять собственную под древнюю статью фантазиею» (с. 9), при этом он риторически восклицает:

«И не лучше ли Фидиасова Венера³ с подделанными во вкусе сего знаменитого древнего мастера руками и ногами, нежели, когда б осталось одно только ее туловище, и то может быть местами еще выбитое?» (с. 9).

Фантазийная составляющая в конце концов подавляет всяческое сугубо научное начало в книге Г. А. Глинки. Автор (правда, не первый в русской фольклористике) позволяет себе давать пышные портреты богов, описывает их киевские храмы и пр. Он расцветчивает свои словарные статьи цитатами из поэмы М. М. Хераскова «Владимир», в которой даются соответствующие, вполне приемлемые в литературных поэтических произведениях описания⁴, но явно неуместные в научных трудах.

Статья о Позвизде, который в русскую «кабинетную мифологию» попал из польских письменных источников, в большой степени отражает литературную манеру Г. А. Глинки в подаче материала в книге, которая, казалось бы, претендует на научный статус:

«Свирепый бог непогод и бурь. Русской эпической поэт о нем так говорит: И Посвист, бурями, как ризою одетой... И вот старинное о нем понятие:

С брады дожди льют проливные,
Из уст валят туманы злые.
Тряхнет ли Позвизд волосами?
Валит на землю полосами,
Нив истребитель, крупный град.
Махнет ли хладною полою?
Звездчат снег хлопьями валит.
Летит ли облачной строною?
Пред ним предидет шум и свист;
Полк ветров, бурь за ним несется,
Взвывая к небу прах и лист;
Столетний дуб трещит и гнется;
Бор клонится к земле травой,
Трепещут реки в берегах.
Крутится в голых он скалах?

Свистит, ревет, гулит, ярится.

Ударит ли в утес крылом?

Вздрогнет гора; утес валится:

И в пропасть катится гром.

Итак, Позвизд имеет вид свирепый, волосы и бороду всклокоченные, епанчу долгую и с крыльями нарасташку. Ему, как и виргилиеву Эолу, местопребывание должно быть на высоких горах. Он имел близ Киева храм на поле: потому что суеверие думало, что этот вымышленный и образованный с деяний природы бог мог залетать в сей построенной ему постоянной дом. Киевляне распространяли власть его; они почитали его не только богом бурь, но еще и всяких воздушных перемен, как добрых, так и худых, полезных и вредных. Почему и просили о даровании красных дней, и об отвращении непогод, который почитались находящимися под его властью и управлением. А и того еще вероятнее кажется, что они молили его не столько о подавании им блага, сколько чтоб не причинял им зла, по которой самой причине и всем вредоносным богам воздавалось почитание. В Владимиряде Позвизд таким образом похваляется своею силою:

Я двину облака и воды возмущу,

Реками дождь и град на землю низпущу.

Мне в бурях к свойственной свирепости прибегну;

Я грады низложу, двор царской опровергну...» (с. 102–105).

В этой словарной статье мы находим в концентрированном виде все приметы «кабинетной мифологии»: русскому язычеству приписывается польское божество Позвизд (Похвист); говорится о его храме в Киеве, сведения о котором отсутствуют в древних летописях; божество сопоставляется с древнегреческим Эолом, богом ветра, причем со ссылкой на древнеримского поэта Виргилия; божество получает развернутое фантазийное описание; наконец, статья украшается стихами М. М. Хераскова. Все эти черты мы находим и в других словарных статьях.

О Догоде, еще одном польском божестве, в словаре Г. А. Глинки читаем:

«Вот милое божество, противоположное свирепому Позвизду! Младый, румяный, русокудрый, в васильковом венке с голубыми по краям позолоченными крыльями бабочек, в среброблестящей голубоватой одежде, держащий в руке шипок, и улыбающийся на цветы, летя над оными и помахивая им, есть Славянский бог приятного весеннего времени; тихий, прохладный ветерок, *Догода*. Он имел свои храмы, и ему жертвовали песнями и плясками» (с. 105–106).

Фантазийно у Г. А. Глинки описывается Лада и ее семейные отношения:

«Богиня красоты и любви всего более чтила была в Киеве. Владимир до крещения своего будучи влюбчив и повсюду собирая красавиц, весьма чтил сию Царицу любви. Он ей воздвигнул великолепный и преукрашенный на Горе храм» (с. 65).

Далее следует очередная обширная цитата из М. М. Хераскова с описанием Ладиного храма:

«Лада изображалась в виде молодой прекрасной женщины, в розовом венке; волосы у нее были золоточерные; одетая в Русскую одежду, опоясанная золотым поясом и убранный жемчугами. Она держала за руку младенца, который есть бог любви или Леля» (с. 66–67).

Г. А. Глинка разграничивает функции Леля («Сила его состояла в воспламенении любви», с. 70–71) и Полеля – сыновей Лады. Полеля в трактовке Г. А. Глинки был божеством, покровительствующим браку:

«Второй сын богини любви. Всякая чистая и на добродетели основанная любовь влечет за собой брак. Почему Славяне вымыслили, или лучше, истину прикрыли покровом сего вымысла. Сие божество улыбающееся в шипковом венке, подает рукою простертою шипковый же венок, а в другой держит рог пития верности. Он не есть нагой, как брат его, но одет в тонкую ризу или рубаху. Сие божество также имело свои божицы в Киеве, хотя и в других местах было чтимо» (с. 72–73).

Дид –

«третье чадо матери любви, жизнь супружия; сей так же как и братья его всегда молод. Потому что супружия связь, натурою установленная для размножения человеческого рода, не должна ослабевать или стареться. Супруги перестают быть супругами только тогда, когда жар любви мало по малу угасает: тогда они становятся друзьями. Сию последнюю связь разрывает одна только смерть. Он одет в полную Славянскую одежду; венок на нем из васильков; он ласкает держа в руках двух горлиц. Сей бог имел свой в Киеве храм, и ему молились замужние и женатые о благополучном супружестве и деторождении» (с. 73–74).

Четвертым ребенком Лады, по мысли Г. А. Глинки (а вернее, в его фантазийных построениях), была Дидилия:

«Так же из семейства Лады. Она почиталась не только покровительницею благополучных родов, но и разрешительницею неплодных женщин. Почему и прибегали к ней для моления как чреватые, так и бесплодные. Истукан ее представлял молодую прекрасную женщину, имеющую на голове наподобие венца украшенную жемчугами и камнями повязку; одна рука у ней была разжата, а другая сжата тылеснею или кулаком. Наизнатнейший, сверх других, храм ее был в Киеве. Сею богинею оканчивается ладино семейство, изобретение коего весьма натурально, полно, верно и прекрасно» (с. 75).

В труде Г. А. Глинки явственно прочитывается желание не только осознать славянскую мифологию сквозь призму античности, что было характерно для XVIII века, но, скорее, противопоставить ее античности, показать в славянской мифологии нравственные преимущества. Статья о Дидилии заканчивается следующим образом:

«Греки дали Венере одного Эроса или Любовь: Гимен и Гименей были ей чуждые; а над родами начальствовала Юнона. Но славянское воображение будучи вернее, хотя и не столько живо и летуче, составило из всех сих одну семью совершеннейшую» (с. 75–76).

В словаре Г. А. Глинки мы находим Хорса – божество из Владимирова пантеона 980 года. В XVIII веке в словарях М. И. Попова и М. Д. Чулкова это божество трактуется как врачеватель (античный Эскулап), укрощающий, излечивающий болезни. Г. А. Глинка предлагает другое толкование, связанное с пьянством. В сноске к словарной статье о Корсе он пишет:

«Так же Хорс, Корша и Корш. Начально ковш, кажется, назывался корш, ибо и доньне в Малороссии уменьшительно говорят корчик и корец, инде же и коршик. Почему сему богу и дано имя от орудия, всего чаще им употребляемого в пьянствованиях своих» (с. 99).

Непосредственно в словарной статье читаем:

«Вот и покровитель охотников до пива и меду. Нагой, одутловатый, венок на нем сплетен из хмельных плетней с листьями; перевязь на нем хмелевая же. В правой руке держит ковш, из которого хочет пить; вокруг него лежат груды черепьев от разбитых кувшинов; сам же сидит на утлой, вверх опрокинутой дном бочке. Славяне молились ему, вступая на пьянственные поединки...» (с. 99).

Хорс как Бахус заявлен у одного из предшественников Г. А. Глинки – В. Н. Татищева в книге «История российская с самых древнейших времен»⁵.

Фантазийно у Г. А. Глинки осмысление Мокоши, которую он, как и его предшественники, воспринимает в качестве мужского божества (с. 83–84). В сноске к статье об этом боге автор словаря пытается выстроить этимологию, связывая Мокош (Макош, Мокосл, Могош) со словом *могуш*. В самой же статье Г. А. Глинка заявляет, что Велес – это покровитель крупного рогатого скота, а Могош – мелкого (овцы, козы). Изображает он божество так:

«...с мохнатой козлиной бородой, с бараньими рогами, в шубе бараньей на выворот, в руках палка или пастуший посох, а в ногах у него может положен быть барашек» (с. 83).

Г. А. Глинка не обошелся без Услада и Зимцерлы, попавших в словари его предшественников, – может быть, самых «кабинетных» богов «кабинетной мифологии». Услад описывается им следующим образом:

«Радость на челе, румянец на щеках, уста улыбающиеся, увенчанный цветами, одетый нерадиво в легкую ризу, играющий в кобзу и пляшущий на голос онья, есть бог веселия и жизненных наслаждений, спутник Лады, богини приятностей и любви.

– Услад, прельщающий воззрением одним
 “Владим<ир>” (то есть ссылка на поэму
 М. М. Хераскова. – *Т. II*).

Он был почитаем покровителем всяких удовольствий и увеселений. Кажется, что сие божество начально изображало душевные и телесные удовольствия; но как все отвлеченное между народом преобразуется в чувственное и грубое, умственное же в вещественное, то и Услад почитаем был богом роскоши, пиров, утех, увеселений, забав и особенно столовых, явственных услаждений, как Корс пьянства. Человек чувственный все любит приносить к своим страстям кои обратно приписывает всему извлеченному чувственности и страстей. Наконец, скажу, при всяких пиршествах (в коих точно как и в питье полагалось в древности все человеческое блаженство) сие божество было призываемо и умоляемо» (с. 63–64).

Фантазийность Услава была доказана в 1833 году известным прозаиком и поэтом XIX века А. Ф. Вельтманом. Истоки этого «кабинетного» божества находятся в книге «Записки о Московии» Сгизмунда (Зигмунда) Герберштейна (1486–1566; Sigmund von Herberstein) – дипломата Священной Римской империи, писателя и историка. Герберштейн дважды посетил Русское государство (в 1517 и 1526 годах), когда там правил Василий III (отец Ивана Грозного). Девятимесячное пребывание в Москве в 1526 году и знание русского языка (у С. Герберштейна были хорошие языковые способности) помогли ему собрать богатый материал для книги, написанной на латинском языке, – «*Reum Moscoviticarum Commentarii*» (1549). Для изложения русской истории С. Герберштейн ознакомился с летописями и другими памятниками письменности. Он сумел создать первое всестороннее описание России, заключающее в себе сведения о ее истории, религии, географии, политическом устройстве, торговле, этнографии, обычаях и пр. В течение долгого времени «Записки о Московии» С. Герберштейна оставались основным источником знаний европейцев о России. Сочинение пользовалось большой популярностью: в XVI столетии оно выдержало тринадцать изданий (шесть латинских, пять немецких и два итальянских), причем на немецкий язык книга была переведена в 1557 году самим автором.

С. Герберштейн, работавший, как мы уже указывали, с древнерусскими летописями, по известной летописной статье о реформе князя Владимира 980 года перечисляет языческих идолов. В переводе на русский язык 1866 года, выполненном по базельскому изданию 1556 года, этот фрагмент у С. Герберштейна выглядит так:

«Этот Владимир поставил много идолов в Киеве: первый идол, называвшийся Перуном (Perum), был с се-

ребряной головой, а остальные члены были у него из дерева; другие идолы назывались: Услад, Корса, Дасва, Стриба, Симергла, Макош; им приносил он жертвы»⁶.

См. также современное издание в переводе А. И. Малеина и А. В. Назаренко, позволяющее наглядно увидеть, как С. Герберштейн передавал на латыни имена древнерусских богов:

«В Киеве Владимир воздвиг множество идолов. Первый, по имени Перун (Perum, Pegun), был деревянный, но с серебряной головой; остальные назывались Услад (Uslad), Хорс (Corsa), Дажьбог (Daswa), Стрибог (Striba), Симаргл (Simaergla) и Мокошь (Macosch)»⁷.

В русской летописи в описании Перуна после «серебряной главой» следует «а ус злат». С. Герберштейн принимает «ус злат» за имя самостоятельного бога Услад, который прочно войдет в письменные памятники Западной Европы и в русскую литературу XVIII–XIX веков.

В конце XVII века Услад попадает в русскую книгу «Синописис, или краткое собрание от разных летописцев о начале славяно-российского народа и первоначальных князьях богоспасаемого града Киева» (Киев, 1674), изданную в типографии Киево-Печерской лавры. Исследователи считают, что автором ее был архимандрит лавры Иннокентий Гизель. «Синописис» построен как компиляция из нескольких летописей и предлагает краткое, сжатое изложение истории Руси. Этот труд на протяжении XVII–XIX веков переиздавался неоднократно и был известен каждому образованному человеку своего времени. Одно из изданий (3-е «тиснение») было осуществлено в 1735 году⁸. В XVIII столетии переиздания были осуществлены в 1746, 1762, 1768, 1777, 1785, 1798 годах. В перечне языческих богов, известных по древним летописям, в главе «О обліяніи водою в Велик день» читаем:

«Кромѣ тѣхъ бѣсовскихъ кумирѣ еще и инѣи їдоли мнзи бяху именами, *Усладь или Осладь* (курсив наш. – *Т. II*), Корша или Хорсь, Дашуба или Дажбѣ, Стриба или Стрибовѣ, Семаргля или Семарглѣ, и Макошь или Мокошь, им же бѣсом помраченнѣи людие, аки богу жертвы, и хваления воздаваху» (с. 64).

Однако А. Ф. Вельтман, по-видимому, вполне справедливо непосредственный источник для Услава (и Зимцерлы) на русской почве усматривает в итальяноязычной книге далматинского историка Мавро Орбини «*Il Regno degli Slavi*» [«Царство славян»] (Pesaro, 1601)⁹. Русский перевод был издан по приказу самого Петра I в 1722 году¹⁰. Переводчики – дипломат Савва Владиславич и Феофан Прокопович. Мавро Орбин (итальянская версия имени – Мавро Орбини), гуманист из Дубровницкой (Рагузской) республики, католик, бенедиктинский монах.

В разделе I в главе «О славянех Российских, или Москвитянех», говоря о князе Владимире, который ввел в Киеве «идолослужение и болванопочитание», Мавро Орбини называет имена богов: «Перун с главою серебряною, *Услад*, Корса, Дазва, Стриба, *Зимцерла* (курсив наш. — Т. И.), Махош; и Кумиры учинены деревянные»¹¹. Зимцерла, скорее всего, родилась в результате неправильно понятого русским переводчиком 1722 года имени древнерусского бога Семаргла (в итальянском варианте *Simaergla*). Литера «а» переводчиком ошибочно была прочитана как «с» и одновременно потеряна буква «g». В результате в русском переводе появилась Зимцерла. А. Ф. Вельтман в коротенькой заметке доказал нелепость этих прочтений. В статье «О лжеидолах Усладе и Зимцерле» он писал:

«Таким образом, Ус-Злат Перунов и Семаргла, побывши по милости исступленного славянофила Мавроурбина в Италии, возвращаются прямо с карнавала в свое отечество под именем Услада и Зимцерлы, в личинах славянских богов, в маскарадном платье. Услад, как юный бог пиров, услаждающий людей, веселый и опьяненный, в хмелевом венке, с ковшом в руке, приплясывает; а Зимцерла, во всей красоте майского утра и весны, в легком белом русском платье, и цветами перепоясана»¹².

Фантазийная Зимцерла, зарегистрированная у предшественников Г. А. Глинки (М. Д. Чулков, М. И. Попов), под его пером раздваивается. Он описывает *Зимстерлу* и *Зимерзлу*. К имени Зимстерла составитель делает сноску: «Зимцерла так же. Но справедливее Зимстерла, прогонительница зимы, занявшая место зимы, изгладившая зиму» (с. 106). В словарной статье читаем:

«Под сим именем предки наши почитали богиню весны и цветов. Она имела свои божницы, и праздники ее были в месяце Цветене (Апреле): потому что в южных странах России с этого месяца начинается весна <...> Изображается она прекрасною девицею, одетою в легкое белое Русское платье, подпоясанною поясом розовым, переплетенным золотом <...> В богинию сию, равно как и в дары ее, всегда влюблен Догода» (с. 106–107).

Зимерзлу Г. А. Глинка изобретает из Симаерглы. В сноске к имени автор пишет: «Симаергла, Зимаерзла, Симаргла, Зимарзла, Зимерзла — слова, означающие всё одно и то же, т. е. зиму и мёрзлость» (с. 108). В самой словарной статье читаем:

«Богиня суровая. Дышущая (так! — Т. И.) холодом и морозами. Одежда на ней наподобие шубы из сотканых вместе инеев. А как она царица зимы, то порфира на ней из снега, истканная ей морозами, чадами ея.

На голове ледяной венец, униженный градами. Богине сей молились о умерении ее жестокости» (с. 108).

Зимерзла полностью рождена фантазией Г. А. Глинки и в дальнейшем не вошла в корпус «кабинетной мифологии».

Литературные представления Г. А. Глинки, подчеркнем, складываются не в эпоху классицизма с ее проекцией на античную культуру, а во времена, когда начинает господствовать сентиментализм и преромантизм. Сентиментализм формирует культ любви и семейного счастья, что проявилось в описанной выше трактовке Г. А. Глинкой Лады и ее детей. Преромантизм направляет эстетические интересы Западной Европы (и России) на художественные феномены северных народов. Все это так или иначе отражается в книге Г. А. Глинки. Помимо античного пантеона читатель находит здесь отсылки к «цельтским» (кельтским) богам. Следует сказать, что «скандинавский текст» в русской литературе начинается складываться лишь в 1790-е–1820-е годы [4]. «Эдда», которую называет Г. А. Глинка (Едда), на русский язык будет полностью переведена лишь в 1917 году, но он, несомненно, знал содержание этой книги из немецкоязычных источников, а возможно, и из английских (перевод Старшей Эдды на английский язык был сделан в 1797 году).

Описывая западнославянского (польского) хозяина мира мертвых Нию, Г. А. Глинка называет скандинаво-германскую Валгаллу:

«Цельтский рай богатырей или Валгалла услаждал рыцарской дух угодников своих воинскими играми или битвами, на коих убитые при наступлении обеденного времени опять пробуждались от смертного усыпления, и шли с победителями без всякой вражды за один стол, где угощали их вкуснейшими из кабаньего мяса приготовленными яствами, и подчивали (так! — Т. И.) до избытка пивом; по окончании же всегда возвращались снова к рыцарским своим упражнениям. Но нечестивые все были во власти Мидгара и Ферниса, или самое существование их исчезало» (с. 112–113).

Нечестивые — это умершие не в битве, а своей смертью; Мидгард, согласно скандинавской мифологии, — центральный мир, населенный людьми и другими существами; Фернис (Фернир) — огромный волк, сын Локи и Ангрбоды, закованный богами в цепи до Судного дня.

В связи с божеством «варяжских славян» Родо-мыслом, «покровителем законов, подателем благих советов, мудрости, красных и умных речей», Г. А. Глинка вспоминает скандинавского Биддера: «Сие божество кажется быть то же, что у цельтов Биддер, бог мудрости и красноречия» (с. 88).

Златая мать (Золотая баба)¹³ сопоставляется у Г. А. Глинки со скандинаво-германским женским божеством Фриггой (Фреей), женой Одина. Он пишет о Златой матери:

«Сия богиня кажется была то же, что цельтийская Фригга или Фрея, которой одной приписывается пророчество: “Единая Фригга весть будущая, но никому сего не открывает”, – слова Одина, приведенные в “Едде”» (с. 30).

Русская литература в начале XIX века начинает осмысливать и культуру Индии – естественно, через западноевропейские (английские) источники. Соответственно Г. А. Глинка в своем словаре делает отсылки к культуре этой страны. Стрибога, запечатленного во Владимировом пантеоне, он соотносит с индийским Сибой, а славянское божество Живот – с Вишну. В статье о Стрибоге читаем:

«Божество, наказующее беззаконников в преисподней, и бич злодеяний в сем мире. Он так же истребитель всего видимого, подобно индийскому Сибю, или разрушителю, точно как бог Живот сохранитель сходствует с индийским божеством Вишну. Его мести предавались заслужившие проклятия» (с. 115).

В статье о божестве Живот говорится: «Это был другой Вишну» (с. 49).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Древняя религия славян» Г. А. Глинки в настоящее время, естественно, не может восприниматься как научный источник. Уже современники автора высказывались о словаре весьма негативно. Анонимный рецензент «Северного вестника»¹⁴, сравнивая издание Г. А. Глинки со словарем А. С. Кайсарова «*Versuch einer slavischen Mythologie, in alphabetischer Ordnung entworfen*» (Göttingen, 1804), отдает полное предпочтение исследованию последнего. Книга Г. А. Глинки, по словам рецензента, «основана на воздухе» и родилась «из воображения сочинителя». Тем не менее «Древняя религия славян» внесла и позитивные начала в русскую фольклористику. Это первая в русской науке попытка представить классификацию славянских языческих богов. Автор, отражая литературные предпочтения своего времени, предлагает сопоставление персонажей русского язычества с героями скандинаво-германской мифологии и богами Индии. Тем самым издание Г. А. Глинки вносит определенный вклад в отечественную фольклористику, способствуя развитию сравнительного аспекта фольклористических исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. современное издание в кн.: Мифы древних славян / Сост. И. А. Баженова, В. И. Вардугин. Саратов, 1993. С. 89–142.
- ² Глинка Г. А. Древняя религия славян. Митава, 1804. 150 с. Далее ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием страницы.
- ³ Имеется в виду, вероятно, мраморное изображение богини радуги Ириды (школа древнегреческого скульптора Фидия (ок. 490–430 до н. э.)) с фриза Парфенона в Афинах; хранится ныне в Британском музее.
- ⁴ Первое издание под заглавием «Владимир возрожденный» вышло в свет в 1785 году; 2-е (1787) и 3-е (1797) издания – под заглавием «Владимир».
- ⁵ Татищев В. Н. История российская с самых древнейших времен. М., 1768. Кн. 1, ч. 1; Кн. 1, ч. 2. 1769; Кн. 2. 1773; Кн. 4. СПб., 1784; Кн. 5. М., 1848. См. современное издание: Татищев В. Н. Собрание сочинений: В 8 т. М., 1994. Т. 1: История Российская. С. 101.
- ⁶ Записки о Московии (*Rerum Moscoviticarum Commentarii*) барона Герберштейна, с латинского базельского издания 1556 года / Пер. И. Анонимов. СПб., 1866. С. 15.
- ⁷ Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. А. И. Малеина и А. В. Назаренко; Вступ. ст. А. Л. Хорошевич. М., 1988. С. 63.
- ⁸ Синопись или краткое описание начала славянского народа. СПб., 1735. См. современное издание: Синописи, или краткое собрание от разных летописцев о начале славяно-русского народа и первоначальных князьях богоспасаемого града Киева. М., 2023.
- ⁹ См. переиздания: Orbini Mauro. Il regno degli Slavi. München, 1985.
- ¹⁰ Историография початия имене, славы, и расширения народа славянского и их Царей и Владетелей под многими именами и со многими Царствиями, Королевствами, и Провинциями. Собрана из многих книг исторических, чрез Господина Мавроурбина Архимандрита Рагужского. СПб., 1722.
- ¹¹ См. современное издание: Орбини Мавро. Царство древних славян. М., 2025. С. 72.
- ¹² Вельтман А. Ф. О лжеидолах Усладе и Зимцерле // Телескоп. М., 1833. Ч. 16, № 16, Смес. С. 569–570.
- ¹³ Золотая баба – легендарный идол народов северо-западной Сибири. В европейских источниках упоминание его попало еще в XIII веке (скандинавские саги). Персонаж в качестве славянского божества популярен в мифологических словарях XVIII века.
- ¹⁴ Рец. на кн.: 1) Глинка Г. Древняя религия славян. Митава, 1804; 2) Kayssaroff Andrey. Versuch einer slavischen Mythologie, in alphabetischer Ordnung entworfen. Göttingen, 1804 // Северный вестник. 1805. Ч. 7, № 8. С. 159–172; Ч. 8, № 10. С. 12–33; Ч. 8, № 11. С. 123–141.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гумеров Ш. А. Глинка Григорий Андреевич // Русские писатели. 1800–1917: Биограф. словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. Т. 1. С. 574–575.
2. Иванова Т. Г. Глинка Григорий Андреевич // Русские фольклористы: Биобиблиогр. словарь. XVIII–XIX вв.: В 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. Т. 1. С. 805–807.
3. Топорков А. Л. Кабинетная мифология // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. 2-е изд., испр. и доп. / Отв. ред. С. М. Толстая. М.: Международные отношения, 2011. С. 212.
4. Туманова О. С. «Скандинавский текст» русской литературы XVIII–XXI веков: опыт филологического анализа. Пермь: Пермский гос. нац. исслед. ин-т, 2024 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://elis.psu.ru/node/643531?language=en> (дата обращения 12.12.2025).

Поступила в редакцию 22.12.2025; принята к публикации 16.06.2026; дата публикации 30.10.2026

Original article

Tatiana G. Ivanova, Dr. Sc. (Philology), Chief Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom), Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)
tgivanova@inbox.ru

G. A. GLINKA AND HIS MYTHOLOGICAL DICTIONARY (from the history of folklore studies in the early XIX century)

Abstract. The article examines the book *Ancient Religion of the Slavs* by G. A. Glinka, a professor of Russian literature at the University of Dorpat (now Tartu, Estonia), from the perspective of the phenomenon of “cabinet mythology” that emerged in Russian folklore studies in the XVIII century. The article highlights Glinka’s thesis of the researcher’s right to use imagination and add to the image of a pagan character when describing Slavic deities. It also discusses Glinka’s proposed classification of Slavic pagan deities. Glinka’s work clearly demonstrates his desire to understand Slavic mythology through the lens of antiquity, which was characteristic of the XVIII century during the era of classicism. Additionally, the article highlights the comparison of the Slavic pantheon of gods with the Scandinavian mythology. The last aspect is due to a new period in the development of European literature – sentimentalism and pre-romanticism, which drew attention to the culture of the ancient Germans and Scandinavians. Despite all the inadequacies of his research into Slavic mythology, G. A. Glinka was among those writers who laid the foundation for comparative folklore studies in Russian literature.

Key words: “cabinet mythology”, Glinka’s *Ancient Religion of the Slavs*, comparison of the Slavic pantheon with Scandinavian mythology, sentimentalism and pre-romanticism

For citation: Ivanova, T. G. G. A. Glinka and his mythological dictionary (from the history of folklore studies in the early XIX century). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(7):95–102. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1372

REFERENCES

1. Gumerov, Sh. A. Glinka Grigory Andreevich. *Russian Writers. 1800–1917: Biographical dictionary*. Moscow, 1989. Vol. 1. P. 574–575. (In Russ.)
2. Ivanova, T. G. Glinka Grigory Andreevich. *Russian folklorists: Biobibliographic dictionary. XVIII–XIX centuries: In 5 vols.* St. Petersburg, 2016. Vol. 1. P. 805–807. (In Russ.)
3. Toporkov, A. L. Cabinet mythology. *Slavic mythology: Encyclopedic dictionary*. (S. M. Tolstaya, Ed.). Moscow, 2011. P. 212. (In Russ.)
4. Tumanova, O. S. The “Scandinavian text” of Russian literature during the XVIII–XXI centuries: A philological analysis. Perm, 2024. Available at: <https://elis.psu.ru/node/643531?language=en> (accessed 12.12.2025). (In Russ.)

Received: 22 December 2025; accepted: 16 June 2026; published: 30 October 2026

СВЕТЛАНА ЮРЬЕВНА ХАРЬКОВА

младший научный сотрудник отдела русского фольклора
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Рос-
сийской академии наук
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0009-0000-0905-8952; kharkovas@mail.ru

ХРИСТИАНСКИЕ ХРОНОНИМЫ В БЫЛИНАХ: ПРАЗДНИКИ И ДНИ НЕДЕЛИ

А н н о т а ц и я . Рассматриваются дни христианского календаря, которые упоминаются в былинах (Рождество, Благовещение, Великий четверг, Страстная суббота, Пасха, Светлая неделя, Радоница, Троица, Петров день, Иванов день, Ильин день, Успение, Крестовоздвижение, Никола Зимний; среда, пятница, суббота и воскресенье). Материал для анализа – былины Русского Севера, Урала и Сибири. В статье определено, в каких сюжетах, мотивах, контекстах, былинных устойчивых выражениях (формулах) могут использоваться эти хрононимы, какова их вариативность. Установлено, что единой общерусской традиции использования подобных хрононимов в былинах не сложилось, соответственно, они вошли в былины не на раннем этапе их существования. Единственное исключение – упоминание жаркой погоды на Петров день в былине «Добрыня и Змей», что может восприниматься как одно из подтверждений древности ее сложения. Исследуемые хрононимы частотны прежде всего в севернорусской былинной традиции, самостоятельную семантику в ней обрели Пасха и Петров день. Остальные рассмотренные хрононимы имеют узкорегиональную распространенность. Семантика анализируемых христианских хрононимов связана не столько с духовной сферой, сколько с практической (торжественным пасхальным богослужением, кулинарным кодом праздника, природными приметами). В целом же довольно активное, хотя и ограниченное использование христианских хрононимов в севернорусских старинах свидетельствует об их позднем, но органичном вхождении в художественный мир русской быliny.

К л ю ч е в ы е с л о в а : былины, христианские праздники, Пасха, Петров день, хрононимы

Д л я ц и т и р о в а н и я : Харькова С. Ю. Христианские хрононимы в былинах: праздники и дни недели // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 7. С. 103–112. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1373

ВВЕДЕНИЕ

Художественное время былин уже неоднократно становилось объектом изучения: к нему обращались Д. С. Лихачев [5: 228–238], [6], С. Ю. Неклюдов [9], [10: 35–92], Ф. М. Селиванов [16], [17: 152–208], Б. Н. Путилов [14: 33–44], Н. В. Петров [12], [13: 202–210]. По теме «христианство в былинах» существуют основополагающие статьи Ю. А. Новикова [11] и А. Н. Розова [15]. Однако специальных исследований влияния христианства на категории времени в былинах нет; отдельные замечания по теме высказывали разные исследователи, но единственный пример комплексного обзора категорий времени, связанных с православным календарем, встречаем у Н. В. Петрова [13: 209–210]. Я уже предпринимала попытку рассмотреть в качестве былинных хрононимов – маркеров времени – такие христианские понятия, как заутреня и вечерня [19].

В настоящей статье предлагаю обратить внимание на более крупные обозначения времени в былинах, отразившие на себе христианские представления. Это даст материал для изучения значения христианства в процессе формирования быliny как жанра. Кроме того, приводимые ниже наблюдения могут быть полезны для лингвокультурологии, в рамках которой исследуются хрононимы в контексте праздников (см., например, [3]), а также эортологии – вспомогательной исторической дисциплины, изучающей историю и значение праздников.

Предмет настоящего исследования – церковные праздники и дни недели, осмысленные в христианском ключе, по материалам былин. Объектом изучения стали тексты из наиболее представительных собраний былин Русского Севера, Урала и Сибири – тома былинной серии Свода русского фольклора¹, а также еще не во-

шедшие в нее записи из сборников П. Н. Рыбникова², А. Ф. Гильфердинга³, Ю. М. Соколова – В. И. Чичерова⁴, А. М. Астаховой⁵ и некоторых других севернорусских собраний⁶, былины из сборника Кириши Данилова⁷ и академического издания «Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока»⁸. Всего было обследовано 2558 былинных записей, и только в 198 из них (то есть примерно в 7,8 % текстов) есть упоминания христианских праздников и дней недели в христианском контексте.

В рассмотренных мной былинах встретились следующие праздники христианского календаря: *Рождество Христово* – в одном тексте, *Благовещение Пресвятой Богородицы* – в 15 текстах, *Великий четверг* – в одном тексте, *Страстная суббота* – в девяти текстах, *Пасха* – не менее чем в 46 текстах, *Светлая неделя* – в четырех текстах, *Радоница* – в одном тексте, *Троица* – в шести текстах, *Петров день* – в 52 текстах, *Иванов день* – в четырех текстах, *Ильин день* – в шести текстах, *Успение Пресвятой Богородицы* – в одном тексте, *Воздвижение Креста Господня* – в одном тексте, *День Николая Чудотворца* – в четырех текстах. В христианский контекст былин включаются такие дни недели, как *среда* – в десяти текстах, *четверг* – в одном тексте, *пятница* – в десяти текстах, *суббота* – в девяти текстах, *воскресенье* – в 82 текстах.

Главный праздник православного календаря – **Пасха** – встречается в былинах часто, и точно подсчитать количество ее упоминаний затруднительно, поскольку провести грань между лексическими обозначениями в былинной Светлого Христова Воскресения (Пасхи) и воскресенья как обычного дня недели бывает сложно. Сказители могли приурочивать действие былин к Пасхе прямо, через лексемы *Христов день*, *Христово воскресенье* / *воскресеньице*, *Велик день*, *Пасха*, или же опосредованно, через упоминание *Христо(в)ских* / *воскресенских* заутрен, обеден, изредка вечерен⁹. Помимо собственно пасхального дня, в былинах иногда называются и предшествующие ему суббота (*Христо(в)ская*, *Великоденная*, *Страстная*), четверг (*Великий*), а также Пасхальная (*Светлая*) неделя. Есть старины, в которых служба называется «воскресной», а не «воскресенской», однако контекст остается тем же, что и при упоминании Пасхи (Пуд. 193, 203, 209, 306, 339; Рыбн. 191, 197); распространены и противоположные примеры, в которых под «воскресенской» службой можно видеть устойчивое именование богослужения вообще, возможно, службы в воскресный день

недели. Эти факты усложняют поиск именно пасхального воскресенья в былинах.

Наиболее часто встречаемый пасхальный былинный мотив – быстрая поездка героя из одного города в другой, происходящая между двумя праздничными богослужениями. Его можно встретить в былинах о первом подвиге Ильи Муромца в следующей форме:

«Ён заутренну, тую Христовскую,
Ен заутренну служил во Муромли,
На обеденку хотел поспеть да в стольней Киёв-град»

(Ляцкий 3, ст. 7–9, от И. Т. Рябинина; сходно – Мез. 68, 72, 107; ЗБ 34; Пуд. 174, 192, 193, 198, 202, 208, 214; Рыбн. 4; Гильф. 112; СЧ 96; Аст. 131).

Совершение первого подвига главного русско-го богатыря и приезд его в столичный Киев-град именно в главный и центральный праздник христианского календаря подчеркивают особенное значение происходящего.

Сказители могут варьировать этот мотив. В варианте Н. Прохорова (Пуд. 191) и в зависимых от него текстах (Пуд. 200, 268; Печ. 62) герой выезжает в **субботу Христовскую**, чтобы успеть в Киев к праздничной заутрене. Зафиксированы также единичные тексты, в которых богатырь хотел успеть в Киев к заутрене Христовской, а в Чернигов – к обеденке Петровской (Пуд. 205) или выехал из Муромы, когда начиналась заутреня, приехал в Чернигов, когда она заканчивалась, и после всех дорожных приключений к окончанию обедни оказался в Киеве (Рыбн. 191). В кулойской версии поется о выезде Ильи Муромца из Муромы после заутрени воскресенской, о киевском же богослужении в ней не сообщается (Кул. 16–18, 20). Известны и тексты, в которых имеется только сообщение об обедне, на которой был князь Владимир и к которой прибывает в Киев Илья Муромец (Печ. 60, прил. 2.1, 2.2; ЗБ 36; Пуд. 197, 203).

Христовская / воскресенская церковная служба частотна и в старинах о Дюке Степановиче, который, в отличие от Ильи Муромца, подвигов не совершает, но также приезжает в Киев из другого города. Иногда он выезжает в Киев после праздничной службы в своем родном городе (Пуд. 339, 340, 342, 344, 360, 363, 368; Рыбн. 107; Гильф. 225, 230; СЧ 207, 216; Аст. 175), в том числе в субботу Христовскую (Пуд. 348; Рыбн. 181; Гильф. 225; Рыбн. 202); значительно чаще в момент его приезда в Киев князь оказывается на праздничной обедне и Дюк отправляется туда же (Печ. 138, 139, 141, 145, 146, 150; Кул. 60–62, 65; ЗБ 82, 85; Пуд. 337–340, 344, 347, 348, 353, 360, 361, 370; Рыбн. 64, 197, 202; Гильф. 230; СЧ 207, 216; Аст. 175, 182; БННЗ 56; ММБ 37).

К пасхальной службе в старинах этого сюжета могут приурочиваться еще два эпизода – «щাপление» (то есть щегольство напоказ) одеждами Дюка с киевским щапом Чурилой в церкви (Пуд. 338, 340, 366; Рыбн. 16; Гильф. 85, 230; СЧ 163), а также торжественный выход Дюковой матушки из церкви после службы (Пуд. 344; Рыбн. 181, 197; Гильф. 225).

Поездку между заутреней и обедней воскресенской совершает и Иван Гостиный сын на спор в печорской версии сюжета об этом герое (Печ. 190–193). Модификация данного мотива может включаться в характеристику поленицы Настасьи в заонежских записях («Промежу обедней меж заутреней, / Промежу Христовыми молебными, / От Киева проедет до Чернигова» – Аст. 164, от Т. В. Поповой; сходно – СЧ 119), однако в этом контексте нет оснований видеть какую-либо связь с Пасхой.

Помимо князя Владимира и матушки Дюка, еще одним благочестивым персонажем, служащим Христовскую / воскресенскую службу, изображается обманутый женой-изменницей муж из былины «Чурила и Катерина» (Мез. 147, 148; Кул. 68; Рыбн. 201; Гильф. 110; Аст. 170). В некоторых текстах события происходят на Петров день, но обедня тем не менее называется воскресенской (Печ. 153, 155, 156, 158, 159; Мез. 150) – это дает основание для вывода о превращении «обедни воскресенской» (то есть пасхальной обедни) в формульное, устойчивое былинное выражение, которое может обозначать церковную службу вообще, а не только пасхальную. Подтверждением этого мнения может служить включение «обедни воскресенской» в некоторые варианты сюжетов и контексты, для которых нехарактерно приурочение к Пасхе: «Добрыня и Змей» (Пуд. 47), «Добрыня и Алеша» (ММБ 25), «Илья Муромец и Калин-царь» (Мез. 95), «Михайло Потык» (Пуд. 306), «Данило Ловчанин» (МО 45), «Сорок калик» (Печ. 174), «Поездка Василия Буслаевича в Иерусалим» (Мез. 188), «Садко» (Печ. 252, 257), «Царь Соломан и Василий Окулович» (Мез. 208). Иногда такие переносы можно объяснить личным предпочтением этой формулы сказителями: так, уже упомянутый пудожанин Н. Прохоров включил субботу Христовскую и заутреню в нехарактерный для них контекст былины «Михайло Потык» (Пуд. 309); книжная по происхождению старина этого же сюжета А. М. Пашковой тоже содержит упоминание заутрени Христовской (Пуд. 317); кенозёр И. А. Сивцев (Волхонов), в соответствии с семейной традицией и фольклорной логикой, внес «вечерню Христовую»

в былинку о Добрыне и Маринке (СЧ 210) (см. об этом: [19: 71]).

Четко именно Пасху сказители называют в сюжете «Чурила и Катерина», когда действие происходит в Благовещение, «супротив праздника велика дни», то есть Пасхи (Гильф. 309; сходно – Рыбн. 180, 203; Гильф. 224, 268; СЧ 205; Пуд. 385). В большинстве этих текстов (кроме Рыбн. 203) сообщается еще и о том, что новая свадьба обманутого женой героя состоялась после Христова воскресенья и/или **Светлой недели**, а в одном из вариантов сказительница добавляет, что еще и после «святых **Радониц**» (Пуд. 385).

В некоторых записях именно на день Пасхи произошло чудесное исцеление сидня Ильи Муромца (Пуд. 287; МО 18; Аст. 157). На Печоре сложилась былина-новообразование «Лука, змея и Настасья», в которой действие начинается в «воскресенье Христово» и говорится о воскресенской службе (Печ. 178, 280, 281). В ряде кенозерских текстов события сюжета «Добрыня и Алеша» происходят в «светло Христово воскресенье» (Рыбн. 178; Гильф. 222; СЧ 242). Выделяется на фоне прочих один из вариантов старины Западного Поморья «Туры», который завершается плачем Богородицы:

«Не бывать тебе, вера, на Съвятой Руси,
Не видать тебе, вера, съвету белого,
Зори утреней, зори не вечерняя,
Шчо не съветлого Христова воскресения!»

(ММБ 34, ст. 26–29, от С. И. Клешово́й).

Светло Христово Воскресенье может включаться и в мотив сравнения «русской» и ордынской религий; в этом мотиве обычно называются постные дни недели – **среда** и **пятница**. В просмотренных мной сборниках он встретился в десяти текстах (Печ. 270, 275; Мез. 196; ЗБ 106; Рыбн. 183; СЧ 208, 218, 235; Кастров 1; БННЗ 76), упоминание же Пасхи возникает в двух из них:

«Как у вас, у-й Орды-земли неверное,
Как не требуют не среды, не пятницы
Да не светла Христова да Воскрисеньица –
Да едят-то мясо да кобылятину,
Кобылятину-мясо да жеребятину!»

(Мез. 196, ст. 90–94, от А. В. Потрухово́й).

Вместо Пасхи может быть назван **Великий четверг** (Печ. 270).

Еще один контекст рифмует Христов день с Петровым днем, к нему и переходим. **Петров день** (день святых апостолов Петра и Павла) (12 июля / 29 июня по ст. ст.) оказывается не менее частотным в былинах, чем Пасха. В рассмотренном материале он был обнаружен в текстах сюжетов «Василий Буслаевич и новгородцы»

(в 20 текстах), «Чурила и Катерина» (в 14 текстах), «Добрыня и Змей» (в 11 текстах), «Исцеление Ильи Муромца» (в 4 текстах), «Добрыня и Алеша» (в 1 тексте), «Илья Муромец и Соловей-разбойник» (в 1 тексте), «Дюк Степанович и Чурила Пленкович» (в 1 тексте).

Упоминания Петрова дня попали в формульный язык былин, что и обеспечило им такую большую частотность. Во-первых, широкое распространение получила формула из былины «Василий Буслаевич и новгородцы»: когда бой Василия Буслаевича с новгородцами пытается остановить его крестный, он получает от своего крестника удар по голове, сопровождаемый словами: «Не дано тебе яичко о христовском дне, / Так дам тебе яичко о Петровом дне» (Рыбн. 65, ст. 188–189 – от Г. Федотова (Н. Ф. Дутикова), сходно: Печ. 242; Пуд. 507, 508, 510, 511, 513–515, 518–521; Рыбн. 17, 73; Гильф. 44, 103, 259). Ф. М. Селиванов характеризует это выражение как пример сарказма в былине и относит к числу устойчивых и символических [17: 219, 230].

Эта формула была распространена у севернорусских сказителей обонежско-каропольской традиции (единственный текст не из этого региона, Печ. 242, – книжного происхождения). Формула показала способность к трансформациям: 1) переходу в сюжет «Добрыня и Алеша» – в контекст разборок Добрыни с Алешей на свадебном пиру (Гильф. 33), в котором обычно подчеркивается, что герои являются друг другу крестовыми братьями; 2) смене акцентов – «Ты не дал мне яичка в Христова дни, а я дам тебе яичка в Петрова дни» (Пуд. 517, от И. Ф. Мишкина); 3) изменениям в деталях – «Не дал ты мне яичка христовского, так дам я тебе кабушку петровскую!» (Пуд. 636, от М. А. Халаимовой).

Кстати, крашение яиц к Петрову дню действительно практиковалось в некоторых местностях, например в Сибири (есть сведения и о Центральной России) [8: 67], но о том регионе, где была известна рассматриваемая былинная формула, таких фактов нет. Тем не менее можно предположить, что на формирование былинной формулы могли повлиять народные традиции празднования через посредство пословиц – «Дорога милостыня во время скудости. Дорого яичко к Велику дню»¹⁰, «Яичко дорого о Христов день, а сыр да масло – о Петров день»¹¹, «Дороги-те яички ко Христову дню, дорог и сырчик к Петрову дню»¹². Потому неудивительно, что М. А. Халаимова, припоминая былинку в 1959 году, заменила яйцо на Петров день петровской кабушкой (по ее пояснению, «творог отпрессуют, песку накладывают на тарелке»¹³) – известным в некоторых регионах элементом кули-

нарного кода Петрова дня (например, в Заонежье [7: 196]).

Зафиксированы и тексты с сокращенным вариантом традиционной формулы, где отсутствует упоминание Петрова дня и остается лишь атрибут Пасхи:

«Колько я тебя хрестным не назывывал,
На веку ты мне яичка не даывал;
Теперь мы с тобой похристосуемся:
Вот тебе красно яичко – Христос воскрес!»

(«Василий Буслаевич и новгородцы», МО 16, ст. 174–177 – Шенкурский у., имя сказителя неизвестно; также – МО 17);

«Ай же ты, стар казак Илья Муромец,
Если бы ты заехал спереду,
Получил бы ты яйцё христовское,
От меня, от Добрынюшки Никитича.
А хорошо, что ты сзади заехал-то!»

(«Добрыня и Алеша», Пуд. 94, ст. 62–66, от С. А. Башкирова).

Корреляция *петровского* и *христовского* обнаруживается и в контексте повествования об обеднях – в двух пудожских былинах. Один текст мы уже вспоминали, говоря о Пасхе (Пуд. 205), в другом же Дюк Степанович перед отъездом в Киев стоит в своем родном городе «петровскую обиденку Христовскую» (Пуд. 363). Эти мотивы содержат упоминания Петрова дня лишь в указанных единичных примерах, «петровская обеденка» не стала традиционной былинной формулой.

Вторая традиционная формула, связанная с Петровым днем, обнаруживается в былинах сюжета «Добрыня и Змей». Добрыню вынуждают искупаться в реке и тем самым способствуют его встрече со Змеем *жары / упеценки / зори петровские*. Эта формула обнаруживается преимущественно в былинах Сибири, причем записанных в разных ее областях – Енисейской губернии, Иркутской области, на Индигирке и на Колыме (РЭПС 10, 11, 13–15, 17–19, 128), а также единожды в сборнике Кириши Данилова (КД 48) и в старине Кулоя (Кул. 3). Она отражает народные наблюдения об обычной погоде в этот день: выражения «петровские жары», «петровское ведро» неоднократно фиксировались исследователями народной речи¹⁴.

Третий контекст, в котором традиционно обнаруживается Петров день, – это зачин былины «Чурила и Катерина», повествующей об измене жены мужу:

«Ай выпадала пороха снегу белого,
И не во пору порошица, не вовремя,
Ай да среди лета – о Петрова дни»

(Печ. 153, ст. 1–3, от П. Р. Поздеева; также – Печ. 154–164, Мез. 149–150).

Кстати, именно в этом сюжете чаще всего встречается упоминание какого-либо календарного праздника вообще. Известные науке варианты былины показывают, что действие может происходить в Петров день (в десяти печорских и двух мезенских текстах), на Воздвижение (в одном пинежском тексте), на Троицу (в пяти текстах Зимнего берега Белого моря), на Благовещение (в одном пудожском, семи кенозерских и трех каргопольских текстах). В. Ф. Миллер, ориентируясь на фактическую сторону мотива, делал вывод о его северном происхождении:

«Нужно думать, что северный слагатель, говоря о Киеве, имел перед глазами картины родной северной природы. Южанин едва ли представил бы санный путь в Киеве накануне Благовещения (следоват<ельно> 24 марта). Известно, что Днепр вскрывается около Киева 16 марта»¹⁵.

Составители былинной серии Свода русского фольклора отметили художественное значение зачина:

«В северно-русских текстах “Чурилы и Катерины” неизменно подчеркивается, что снег выпал не вовремя – либо слишком рано (на Воздвижение, т. е. 14 сентября по ст. стилю – Пинега, Григ., I, 45), либо слишком поздно (на Благовещение, 25 марта по ст. стилю, – в кенозерско-каргопольской редакции). Дальше других пошли печорские сказители, у них действие происходит в середине лета <...> (Петров день – 29 июня по ст. стилю). Обильный снегопад ранней осенью, поздней весной, а тем более летом – явление исключительное; пейзажная зарисовка словно предваряет драматическое развитие событий и трагическую развязку былины. Примечательно, что такого вступления нет в тех редакциях сюжета, в которых Чурила и Катерина изображаются в сниженном плане»¹⁶.

Любопытно отметить, что зачины со сходными мотивами можно встретить и в других песенных жанрах русского фольклора: например, в орловском варианте исторической песни «Поп Емеля» («После Покрова на первой неделе / Выпала пороша на талу землю. / По той по пороше ехала свадьба»¹⁷), в зафиксированной на Ангаре песне «На Петров день выпал белóй снежок»¹⁸.

Четвертый контекст упоминания Петрова дня связан с таким природным явлением, как роса (в четырех текстах). После своего исцеления Илья Муромец готовит себе богатырского коня:

«Он водил ево да по ночам в луга,
Он катал ево да всё во трех росах:
Во перьвой-то во росы катал Иваньскою,
Во второй-то во росы да во Петроською,
Во третей-то во росы да во Ильиньскою»

(ЗБ 27, ст. 252–256, от А. М. Крюковой; также у ее потомков – ЗБ 31–32).

Росы упомянуты и в космозерском тексте П. Г. Горшкова – самом большом из былинных текстов-сводов, восходящем к печатному источнику, но в нем названы не три праздничных дня, а два: «Тут Ильишенька выкатал жеребчика по трем росам, / Меж Петрова дня и Ивана дня» (Аст. 157, ст. 70–71). Вероятно, этот мотив сложился на основе народных представлений о волшебных свойствах росы (см. о них: [2]). Могли также повлиять и народные представления, соединяющие эти три летних праздника, – например, «если во время ледохода по берегам будет оставаться лед, значит, будет три поводи – ивановская, петровская, ильинская»¹⁹.

Исключительно в мотиве катания богатырского коня в росах в перечисленных былинах появляется **Иванов день** (7 июля / 24 июня по ст. ст.).

Следующий по числу упоминаний в былинах праздник – это **Благовещение** (7 апреля / 25 марта по ст. ст.). Оно встретилось в сюжетах «Чурила и Катерина» (ЗБ 94; Пуд. 385; Рыбн. 180, 203; Гильф. 224, 242, 268, 309; СЧ 205, 217, 234; [1: 96]), «Иван Гостиный сын» (СЧ 270, 275), «Туры» (РЭПС 66). Обращает на себя внимание особенная распространенность этого хрононима в Кенозерско-Каргопольском крае (12 текстов): возможно, она связана с популярностью многодневных Благовещенского торжка в Мошинском погосте и особенно Благовещенской ярмарки в Кенозерском погосте, собиравших значительное количество людей и тем самым способных закрепить в сознании местных жителей представление об особой значимости праздника Благовещения²⁰. Мотив «ехать от заутрени к обедне» является сюжетообразующим для былины «Иван Гостиный сын», но включение в него детализации в виде прикрепления поездки к Благовещению встречается только на Кенозере. Интересно отметить, что на Кенозере не записано других вариантов этого сюжета, помимо указанных, и их исполнители – это не те, кто исполнял былинку о Чуриле и Катерине.

Упоминание благовещенской заутрени в одном из нижнезолотичских вариантов былины «Чурила и Катерина» производит впечатление случайного: для местной традиции характерна Троица, названная в запеве и этого текста (ЗБ 94). В Сибири, в Нижнеколымске, был зафиксирован текст о турах, видевших оплакивавшую Киев Богородицу «На той же заре ранной, заре утренней, / И в ту же заутрэню благовещенску» (РЭПС 66, ст. 13–14, от М. Егоровой), но единичность записи не дает возможности судить о традиционности упоминания Благовещения в былинах Колымы.

Все другие праздники в былинах крайне редки. Говорить о сложившейся традиции практически невозможно, кроме, похоже, ситуации в былинах Зимнего берега Белого моря с **Троицей** (День Святой Троицы, 50-й день после Пасхи, выпадает не ранее 20-х чисел мая и не позднее 20-х чисел июня по новому стилю). В зимнебережных текстах именно «на вёшной на празньичёк на Троицю» разворачивается драматическая история о Чуриле и Катерине (в записях от пяти сказителей – ЗБ 91–94, 96). Троица попадает и в один из текстов об исцелении Ильи Муромца, записанный, кстати, от исполнителя, не певшего о Чуриле и Катерине:

«Он лежал-то на постели да ровно тридцать лет,
А отец-то его да все и с матерью
Они готовилис<ь> ко дню на праз<д>ник Троицы,
Наварено-то было да пива пьяного»

(ЗБ 29, ст. 7–10, от Т. Е. Точилова).

В другом зимнебережном тексте об исцелении главного русского богатыря вместо Троицы назван обобщенный «праз<д>ник-то Владысьней-от» (ЗБ 30), которым является и Троица.

Идея исцеления Ильи Муромца именно в праздник отразилась и в текстах других регионов: это могут быть уже упомянутая **Пасха** (Аст. 157) или **Ильин день** (День памяти пророка Илии, 2 августа / 20 июля по ст. ст.) (Пин. 148, 158). Непостоянство наличия и именования праздника в этом сюжете можно связать с распространением среди былиноведов мнением о том, что «рассказ об исцелении Ильи Муромца оформился в былинку сравнительно поздно»²¹.

Помимо мотива исцеления, Ильин день, как мы уже вспоминали, встречается в мотиве катания Ильей Муромцем своего богатырского коня в росах (ЗБ 27, 31, 32). Кроме того, Ильин день назван в одном из текстов сюжета «Святогор и Микула» в эпизоде рассказа Микулы о себе: «А как Ильин день придет, рожь нажну, пива наварю да мужиков напою, так зовут меня Микулой Селяниновичем» (СЧ 159, от В. В. Амосова).

Варка пива, согласно былинам, является принадлежностью еще одного праздника – **Дня святого Николая, Николина дня**, празднование которого именуется Никольщиной (Никола Зимний, 19 декабря / 6 декабря по ст. ст.). Никольщина встречается в некоторых ранних записях былин новгородского цикла – вариантах из Сборника Кириши Данилова (КД 10 – «Василий Буслаевич и новгородцы», КД 28 – «Садко») и шенкурских текстах, записанных не позднее 1840-х годов (МО 16, 17 – оба «Василий Буслаевич и новгородцы»):

«Засмекали они собирать братовщицы Никольщицы:
Насобирали они хлеба семнадцать мер,
Накурили они зелена вина»

(МО 17, ст. 24–26, имя сказителя неизвестно).

Братчина – «сельская общинная, религиозно-общинная или городская ремесленная (цеховая) корпорация, имевшая своего святого-патрона и годовой праздник. Словом братчина назывались также праздник и праздничный ритуал, совершаемый членами братчины. <...> Русская братчина нередко сочеталась с храмовыми, установленными по обету, отдельными годовыми, наиболее чтимыми праздниками (“Никольщина”, “Михайловщина”, “Кузминки”, “Покровщина” и т. п.). Иногда братчины связывались с окончанием уборки урожая, с Ильиным днем» [18: 256].

Известны и другие старины, где говорится о братчине, но в рассмотренных мной сборниках она названа Никольщиной только в перечисленных четырех текстах.

Единично упомянуты в былинах, не получив никакой самостоятельной семантики, такие праздники, как **Рождество Христово** (7 января / 25 декабря по ст. ст.), **Успение Пресвятой Богородицы** (28 / 15 августа по ст. ст.), **Воздвижение Креста Господня** (27 / 14 сентября по ст. ст.). Дюк и Чурила соревнуются одеждами на *рождественской обеденке* (Пуд. 370), а не на Христовской, как должно быть согласно традиции и даже более ранней записи от этой же исполнительницы (Пуд. 361). Похвальба Садко звучит после того, как «Отходила *заутреня Успенская*, / Отходила обедня воскресенская» (Печ. 257): две церковные службы «слипаются» в былинном тексте, формируя представление об обобщенном праздничном богослужении. Известна другая печорская запись сюжета о Дюке Степановиче, в которой действие происходит по завершении обедни воскресенской (Печ. 252). «В *осённом празднички в Оздвиженьи*» происходит действие единственной пинежской былины о Чуриле и Катерине (Пин. 63).

ВЫВОДЫ

Единой общерусской традиции упоминания христианских праздников в былинах не сложилось – соответственно, они вошли в былины не на раннем этапе их возникновения. Единственный контекст, который можно назвать общерусским, – упоминание жаркой погоды на Петров день (*жары / упеценки / зори петровские*) в сюжете «Добрыня и Змей». Этот факт может служить дополнительным аргументом в пользу древности возникновения этой былины.

Можно считать сложившейся традицию упоминания христианских праздников в севернорусских былинах – это касается Пасхи и Петрова

дня. Оба праздника прочно вошли в формульный язык былин. Их семантика в былинах связана не столько с духовной сферой, сколько с практической. Приметы Пасхи, отразившиеся в былинах, – торжественное богослужение и обмен крашеными яйцами. Приметы былинного Петрова дня – особенности погоды (жара, росы). Свою семантику можно увидеть и у былинного Дня святого Николая (время для братчины), однако частотность его упоминаний низка.

Благовещение и Троица встречаются в былинах чаще, чем Никола Зимний, однако своей собственной устойчивой семантики не сформировали. Они характерны для конкретных регионов (Благовещение – для Кенозерско-Каргопольского края, Троица – для Зимнего берега Белого моря) в контекстах, в которых в других «былинных очагах» упоминаются иные праздники. То же можно сказать и о Рождестве, Успении и Воздвижении, встреченных в единичных текстах. О традиции же упоминания Ильина дня можно говорить только применительно к «микрореалам» – отдельной деревне и отдельной сказительской семье (день исцеления Ильи Муромца – у двух сказителей пинежской деревни Лохново; один из дней катания богатырского коня

в росах – у трех сказителей из поморской семьи Крюковых).

Контекст, в котором в былинах осмысляются в христианском ключе дни недели, – мотив с упоминанием постных дней (среда и пятница). Четверг и суббота названы разово, только в связи с Пасхой. Воскресенье, по былинам, – это день торжественного богослужения. Сложность разграничения в былинах собственно пасхального богослужения и просто воскресного в некоторой степени напоминает христианское отношение к любому воскресному дню как к «малой Пасхе».

Довольно активное, хотя и ограниченное использование рассмотренных хрононимов в севернорусских былинах свидетельствует об их хотя и позднем, но органичном вхождении в художественный мир русской быliny.

Представленные выводы планирую уточнить, обратившись к не включенным в настоящее исследование былинам (Центральной России, казачьих регионов, в записях и пересказах XVII–XVIII веков), а также рассмотрев отражение христианства в других «компонентах» былинного «художественного мира» (персонажи, предметный код и т. д.).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Былины Печоры / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Корпус текстов подгот. В. И. Еремина, В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, А. Ф. Некрылова. СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. 773+784 с. (Свод русского фольклора: Былины: В 25 т.; Т. 1–2) (*далее – Печ.*); Былины Мезени / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Корпус текстов и коммент. подгот. А. А. Горелов, Т. Г. Иванова, А. Н. Мартынова, Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков, Л. И. Петрова, А. Н. Розов, Ф. М. Селиванов. СПб.: Наука; М.: Классика, 2003–2006. 531+714+600 с. (Свод русского фольклора: Былины: В 25 т.; Т. 3–5) (*далее – Мез.*); Былины Кулоя / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Изд. подгот. Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков, Л. И. Петрова, А. Н. Розов. СПб.: Наука; М.: Классика, 2011. 924 с. (Свод русского фольклора: Былины: В 25 т.; Т. 6) (*далее – Кул.*); Былины Пинеги / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Изд. подгот. Т. Г. Иванова, А. Ю. Кастров, М. В. Рейли. СПб.: Наука; М.: Классика, 2012. 974 с. (Свод русского фольклора: Былины: В 25 т.; Т. 7) (*далее – Пин.*); Былины Зимнего берега Белого моря / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Изд. подгот. А. Н. Власов, С. А. Жадовская, Н. Г. Комелина, Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков. СПб.: Наука; М.: Классика, 2018. 995 с. (Свод русского фольклора: Былины: В 25 т.; Т. 8) (*далее – ЗБ.*); Былины Пудоги / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Изд. подгот. М. Н. Власова, В. И. Еремина, В. И. Жекулина, А. Ю. Кастров, Ю. А. Новиков, Т. А. Новичкова, Е. И. Якубовская. СПб.: Наука; М.: Классика, 2013–2016. 1063+952+1296+882 с. (Свод русского фольклора: Былины: В 25 т.; Т. 16–18) (*далее – Пуд.*).
- ² Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3 т. / Карельский филиал АН СССР. Ин-т языка, литературы и истории; Под ред. Б. Н. Путилова. Петрозаводск: Карелия, 1989–1990. Т. 1–2 / Подгот. А. П. Разумова, И. А. Разумова, Т. С. Курец. 527+640 с. (*далее – Рыбн.*).
- ³ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г.: В 3 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Сектор фольклора; Отв. ред. А. М. Астахова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 1–3. 735+812+670 с. (*далее – Гильф.*).
- ⁴ Онежские былины / Гос. лит. музей; Подбор былин и науч. ред. текстов Ю. М. Соколова; Подгот. текстов к печати, примеч. и словарь В. И. Чичерова. М., 1948. 938 с. (Летописи Государственного Литературного музея; Кн. 13) (*далее – СЧ.*).
- ⁵ Былины Севера / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Подгот. текстов и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 2: Прионежье, Пинега и Поморье. 847 с. (Материалы Рукописного хранилища Сектора фольклора / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц) (*далее – Астм.*).
- ⁶ Былины новой и недавней записи из разных местностей России / Мос. Высш. женские курсы; Под ред. В. Ф. Миллера при ближайшем участии Е. Н. Елеонской и А. В. Маркова. М.: Синодальная тип., 1908. 312 с.

- (далее – БННЗ); Иванова Т. Г. «Малые» очаги севернорусской былинной традиции: Исслед. и тексты / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 454 с. (далее – МО); Кастров А. Ю. Кенозерские эпические напевы. Материалы и комментарии // Русский фольклор / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). СПб., 1995. Т. 28: Эпические традиции. С. 349–382 (далее – Кастров); Ляцкий Е. Сказитель Иван Трофимович Рябинин и его былины. М.: Т-во Скороп. А. А. Левенсон, 1895. 47 с. (далее – Ляцкий); Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 г. А. В. Марковым, А. А. Масловым и Б. А. Богословским. Ч. 2: Терский берег Белого моря // Труды Музыкально-этнографической комиссии, состоящей при Этнографическом отделе имп. Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии. М., 1911. С. 1–116 (Известия имп. Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии, состоящего при имп. Московском ун-те. Т. 114; Труды Этнографического отдела. Т. 16) (далее – ММБ).
- ⁷ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / АН СССР; Подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М.: Наука, 1977. 488 с. (Литературные памятники) (далее – КД).
- ⁸ Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / АН СССР. Сиб. отд-ние. Ин-т ист., филол. и филос.; Сост. Ю. И. Смирнов. Новосибирск: Наука, 1991. 499 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока) (далее – РЭПС).
- ⁹ По наблюдению П. Н. Рыбникова, «заутреня в первый день Пасхи у заонежан называется христосскою, а у пудожан – воскресенскою» (Рыбников П. Н. Заметка собирателя // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3 т. / Подгот. А. П. Разумова, И. А. Разумова, Т. С. Курец. Петрозаводск, 1989. Т. 1. С. 164).
- ¹⁰ Даль В. И. Пословицы русского народа: Сб. пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. М., 1862. С. 752.
- ¹¹ Колпакова Н. П. У золотых родников: Записки фольклориста. Л., 1975. С. 38.
- ¹² Атрошенко О. В., Кривошапова Ю. А., Осипова К. В. Русский народный календарь: Этнолингвистический словарь / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. Уральский федер. ун-т. М., 2015. С. 316.
- ¹³ Былины Пудогги. СПб.; М., 2016. Т. 18 (2). С. 137.
- ¹⁴ Атрошенко О. В., Кривошапова Ю. А., Осипова К. В. Русский народный календарь... С. 319.
- ¹⁵ Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. М., 1897. [Т. 1.] С. 193.
- ¹⁶ Былины Печоры. СПб.; М., 2001. Т. 2. С. 752.
- ¹⁷ Исторические песни XVII века / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Изд. подгот. О. Б. Алексеева, Б. М. Добровольский, Л. И. Емельянов, В. В. Коргузалов, А. Н. Лозанова, Б. Н. Путилов, Л. С. Шептаев. М.; Л., 1966. С. 92.
- ¹⁸ Макаренко А. А. Сибирский народный календарь / Под ред. А. С. Ермолова. Новосибирск, 1993. С. 66.
- ¹⁹ Некрылова А. Ф. Русский традиционный календарь. СПб., 2017. С. 194.
- ²⁰ Об этом см.: исследование Н. В. Ижиковой [4: 108] и сведения в дореволюционной прессе (Кенозер. С. Кенозеро, Пудожского уезда [Сообщения из уездов]. Кенозерские ярмарки. Кенозерские праздники // Вестник Олонецкого губернского земства. 1910. № 22, 30 нояб. С. 22).
- ²¹ Былины Печоры. СПб.; М., 2001. Т. 1. С. 680.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Васкул А. И., Жадовская С. А. Как живут былины: Из истории одного сказительского рода на р. Моше // Словесность и история. 2023. № 3. С. 76–98. DOI: 10.31860/2712-7591-2023-3-76-98
- Виноградова Л. Н., Толстая С. М. Роса // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / РАН. Ин-т славяноведения; Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 2009. Т. 4. С. 470–474.
- Гао М. Паремии с компонентами-хрононимами в контексте традиционных русских праздников: лингвокультурологический анализ // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 7. С. 83–89. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1237
- Ижикова Н. В. Православные праздники как основа экономической культуры Кенозерья // Кенозерские чтения: Материалы Первой Всерос. науч. конф. «Кенозерские чтения» / Ред.-сост. А. А. Куратов. Архангельск: Правда Севера, 2003. С. 99–114.
- Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 360 с.
- Лихачев Д. С. Эпическое время русских былин // Сборник в честь акад. Б. Д. Грекова / [Ред. коллегия: В. П. Волгин и др.]. М.; Л., 1952. С. 55–63.
- Логинов К. К. Специфика молодежных гаданий Заонежья в контексте русского народного календаря // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы IV Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения – 2003») / Гос. ист.-архитектурный и этнографич. музей-заповедник «Кижи»; Отв. ред. Т. Г. Иванова. Петрозаводск, 2003. С. 195–197.
- Макаренко А. А. Сибирский народный календарь / Под ред. А. С. Ермолова. Новосибирск: Наука, 1993. 164 с.
- Неклюдов С. Ю. Время и пространство в былинах // Славянский фольклор / Отв. ред. Б. Н. Путилов и В. К. Соколова. М., 1972. С. 18–45.
- Неклюдов С. Ю. Поэтика эпического повествования: пространство и время / Рос. гос. гуманитарный ун-т. Центр типологии и семиотики фольклора. М.: Форум, 2015. 212 с. (Традиция – текст – фольклор: типология и семиотика).

11. Новиков Ю. А. Христианская вера, монастыри и храмы в былинах // Церковь Преображения Господня на острове Кижи: 300 лет на Заонежской земле: Сб. ст. / Сост. и подгот. И. В. Мельников. Петрозаводск, 2014. С. 311–326.
12. Петров Н. В. «Когда было добру молодцу время... а стало добру молодцу безвременье...» (некоторые наблюдения над временем в былинах) // Живая старина. 2008. № 1 (57). С. 23–26.
13. Петров Н. В. Русский эпос: герои и сюжеты / Рос. гос. гуманитарный ун-т. Центр типологии и семиотики фольклора. М.: Неолит: Редкая птица, 2017. 280 с. (Традиция – текст – фольклор: типология и семиотика).
14. Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность / АН СССР. Ин-т этногр. им Н. Н. Миклухо-Маклая. Л.: Наука, 1988. 224 с.
15. Розов А. Н. Православные мотивы в севернорусских былинах // Розов А. Н. Русская народная культура (Избранные труды: 1974–2017 гг.). СПб., 2017. С. 265–285.
16. Селиванов Ф. М. К вопросу об изображении времени в былинах // Русский фольклор. Л., 1976. Т. 16. С. 68–81.
17. Селиванов Ф. М. Поэтика былин в историко-филологическом освещении (композиция, художественный мир, особенности языка). М.: Кругъ, 2009. 312 с.
18. Терновская О. А., Толстой Н. И. Братчина // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / РАН. Ин-т славяноведения; Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 1995. Т. 1. С. 256–257.
19. Харьковская С. Ю. Христианские хрононимы в былинах: вечерня и заутреня // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 5. С. 70–76. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1201

Поступила в редакцию 14.01.2026; принята к публикации 16.06.2026; дата публикации 30.10.2026

Original article

Svetlana Yu. Kharkova, Junior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom), Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0009-0000-0905-8952; kharkovas@mail.ru

CHRISTIAN CHRONONYMS IN HEROIC EPICS: HOLIDAYS AND DAYS OF THE WEEK

Abstract. This article examines the days of the Christian calendar (Christmas, Annunciation, Maundy Thursday, Holy Saturday, Easter, Easter Week, Day of Rejoicing, Trinity Sunday, St. Peter's Day, St. John's Day, St. Elijah's Day, Dormition of the Mother of God, Feast of the Exaltation of the Holy Cross, St. Nicholas Day, Wednesday, Friday, Saturday, and Sunday) mentioned in Russian heroic epics or bylinas. The material for the analysis comprised bylinas from the Russian North, the Urals, and Siberia. The article outlines the plots, motifs, contexts, and bylina set expressions (formulas) in which these chrononyms can be used, as well as examines their variability. The findings suggest that no unified pan-Russian tradition of using such chrononyms in bylinas developed; accordingly, they were incorporated into bylinas at a late stage of their evolution. The only exception is the mention of hot weather on St. Peter's Day in the bylina "Dobrynya and the Serpent", which can be seen as evidence of its ancient origin. The analyzed chrononyms are primarily common in the northern Russian bylina tradition, where Easter and St. Peter's Day acquired distinct semantic meanings. The rest of the analyzed chrononyms have a narrow regional distribution. The semantics of the studied Christian chrononyms is associated not so much with the spiritual sphere as with the practical one (the Grand Easter liturgy, the culinary code of the holiday, and weather lore). Overall, the active, albeit limited, use of Christian chrononyms in the northern Russian bylina tradition testifies to their organic, albeit late, entry into Russian heroic epics.

Keywords: bylinas, Christian holidays, Easter, St. Peter's Day, chrononyms

For citation: Kharkova, S. Yu. Christian chrononyms in heroic epics: holidays and days of the week. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(7):103–112. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1373

REFERENCES

1. Vaskul, A. I., Zhadovskaya, S. A. How epics live: The history of a family of epics performers from the Mosha River area. *Texts and History*. 2023;3:76–98. DOI: 10.31860/2712-7591-2023-3-76-98 (In Russ.)
2. Vinogradova, L. N., Tolstaya, S. M. Dew. *Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary*. (N. I. Tolstoy, Ed.). Moscow, 2009. Vol. 4. P. 470–474. (In Russ.)
3. Gao, M. Paremiology with chrononym components in the context of traditional Russian festivals: a linguocultural analysis. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(7):83–89. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1237 (In Russ.)

4. Izhi k o v a, N. V. Orthodox holidays as the basis of the economic culture of the Kenozero Region. *Kenozero Readings: Proceedings of the First All-Russian Research Conference "Kenozero Readings"*. (A. A. Kuratov, Ed.). Arkhangelsk, 2003. P. 99–114. (In Russ.)
5. L i k h a c h e v, D. S. The poetics of early Russian literature. Moscow, 1979. 360 p. (In Russ.)
6. L i k h a c h e v, D. S. The epic time of Russian bylinas. *Collection in honor of Academician B. D. Grekov*. (V. P. Volgin, et al., Eds.). Moscow; Leningrad, 1952. P. 55–63. (In Russ.)
7. L o g i n o v, K. K. Specifics of youth fortune telling in Zaonezhye in the context of the Russian folk calendar. *Local traditions in the folk culture of the Russian North. (Proceedings of the IV International Research Conference "Ryabinin Readings – 2003")*. (T. G. Ivanova, Ed.). Petrozavodsk, 2003. P. 195–197. (In Russ.)
8. M a k a r e n k o, A. A. Siberian folk calendar. Novosibirsk, 1993. 164 p. (In Russ.)
9. N e k l y u d o v, S. Yu. Time and space in epics. *Slavic folklore*. (B. N. Putilov, V. K. Sokolova, Eds.). Moscow, 1972. P. 18–45. (In Russ.)
10. N e k l y u d o v, S. Yu. Poetics of epic narrative: space and time. Moscow, 2015. 212 p. (In Russ.)
11. N o v i k o v, Yu. A. Christian faith, monasteries, and churches in Russian bylinas. *Church of the Transfiguration on Kizhi Island: 300 years on the land of Zaonezhye: Collection of articles*. (I. V. Melnikov, Ed.). Petrozavodsk, 2014. P. 311–326. (In Russ.)
12. P e t r o v, N. V. "There once was a time for the good young lad... but here came timelessness for the good young lad..." (some observations on time in epics). *Zhivaya starina*. 2008;1(57):23–26. (In Russ.)
13. P e t r o v, N. V. Russian epics: heroes and plots. Moscow, 2017. 280 p. (In Russ.)
14. P u t i l o v, B. N. Heroic epics and reality. Leningrad, 1988. 224 p. (In Russ.)
15. R o z o v, A. N. Orthodox motifs in northern Russian epics. *Rozov, A. N. Russian folk culture (Selected works: 1974–2017)*. St. Petersburg, 2017. P. 265–285. (In Russ.)
16. S e l i v a n o v, F. M. On depicting time in epics. *Russian folklore*. Leningrad, 1976. Vol. 16. P. 68–81. (In Russ.)
17. S e l i v a n o v, F. M. Poetics of epics in historical and philological light (composition, artistic world, features of language). Moscow, 2009. 312 p. (In Russ.)
18. T e r n o v s k a y a, O. A., T o l s t o y, N. I. Bratchina. *Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary*. (N. I. Tolstoy, Ed.). Moscow, 1995. Vol. 1. P. 256–257. (In Russ.)
19. K h a r k o v a, S. Yu. Christian chrononyms in heroic epics: vespers and matins. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(5):70–76. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1201 (In Russ.)

Received: 14 January 2026; accepted: 16 June 2026; published: 30 October 2026

ТАТЬЯНА ГРИГОРЬЕВНА ИВАНОВА

доктор филологических наук, главный научный сотрудник
отдела русского фольклора
Федеральное государственное бюджетное учреждение нау-
ки Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Рос-
сийской академии наук
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
tgivanova@inbox.ru

Рец. на кн.: Как по Толшме по реке... : собрание толшменских частушек / Тотемское музейное объединение, Мемориальный дом-музей Н. М. Рубцова ; составитель Г. А. Мартюкова ; редколлегия : Алексей Новосёлов (ответственный редактор и др.). – Вологда : Полиграф-Периодика, 2023. – 156 с.

Для цитирования: Иванова Т. Г. Рец. на кн.: Как по Толшме по реке... : собрание толшменских частушек / Тотемское музейное объединение, Мемориальный дом-музей Н. М. Рубцова ; составитель Г. А. Мартюкова ; редколлегия : Алексей Новосёлов (ответственный редактор и др.). – Вологда : Полиграф-Периодика, 2023. – 156 с. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 7. С. 113–116. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1374

Местность, называемая Толшмой, находится на юге современного Тотемского района Вологодской области. Толшма стоит на одноименной речке (157 км), впадающей в Сухону. Толшма – это духовная родина большого русского поэта с нелегким характером и трагической судьбой Николая Рубцова (1936–1971). Здесь в селе Никола (Никольское) он воспитывался с 1943 по 1950 год в детском доме («Люблю я деревню Николу, где кончил начальную школу!», стих. «Родная деревня»). Здесь у него появилась семья и родилась дочь. Сюда он неоднократно приезжал в 1962–1968 годах и подолгу жил. Здесь им были написаны десятки лирических стихов.

Никола – село, стоящее на старинном Солигаличском тракте. В XV веке Иван III пожаловал игумену Иеву с братией земли на Толшме. Вскоре здесь была поставлена деревянная церковь во имя Николая Чудотворца; в 1791 году вырос каменный храм, на месте которого в 1913 году была возведена новая церковь. В советское время она успела побывать и маслозаводом, и хлебопекарней, а сейчас стоит в полуразрушенном состоянии, но никольчане возродили в ней богослужение. В 1990 году в Николе был создан мемориальный музей Н. М. Рубцова. Заведующий музеем Г. А. Мартюкова и является составителем книги «Как по Толшме по реке...». Материал собирался с 2010 по 2022 год. Это представительное собрание частушек одной

округи (помимо Николы – соседние деревни Верхняя Толшма, Манылова (Нижняя Толшма), поселки Карица и Гремячий) было создано благодаря усилиям многих местных жительниц: А. Н. Путиловой, Н. В. Солдатовой, В. И. Чудиновой и др. Труд получился поистине коллективным и очень современным по технологиям. Г. А. Мартюкова выложила информацию о сборе частушек в группе дома-музея в социальной сети «ВКонтакте», и люди откликнулись. Так, Т. В. Шуина записала частушки от своей матери – Н. М. Шестаковой, которая когда-то училась в одном классе с Николаем Рубцовым.

Составитель распределил частушки по темам, обозначенным частушечными стихами: «На проклятого-то Гитлера надеть верёвочку...», «Пятилетку выполняют девушки, стараются...», «Маменька родимая...», «Милый мой, хороший мой...», «Я любила Петеньку...» и т. д. В каждой из рубрик называются сборительницы (они же – исполнительницы) частушек. Отдельно выделена рубрика «Как живу, так и пишу...» – это авторские частушки М. А. Антуфьевой, Л. А. Забродиной, Ю. Н. Ждановой, К. И. Лапиной. Особым разделом также представлены частушки из репертуара Домов культуры Толшмы – Никольского Дома культуры и Гремячевского сельского клуба. Таким образом, сборник отражает различные грани жизни и бытования частушек: фольклорная стихия, авторские песенки, клубная самодеятельность.

Толшменские частушки интересны большим количеством текстов, в которых упоминаются местные села и деревни и катайконимы. Этот пласт лексики, как известно, обозначает освоенное пространство того или иного края – края, внутри которого деревни связывались брачными узами.

В частушках мы находим топоним *Никола*:

«По Николе я иду,
С поворотом улица.
У кого какая дроля,
У меня так умница» (с. 120).

В нескольких километрах от Николы ниже по течению Толшмы находится село Манылово:

«А Манылово – деревня,
А Манылово – село.
А маныловские девушки
Гуляют весело!» (с. 128)

По законам фольклорной традиции нередко в частушках от имени девушек хулятся парни той или иной деревни:

«Задушевная товарочка,
Кого бы завлекчи.
На Ермолице бахвалы,
В Синякове трепачи» (с. 73).

В контексте хуления называются деревни Родионово, Френиха, Воротишна, «дураки ребята-хреновцы», «сафонеские ребята», «левинские плуты».

В разделе «Я мальчишка разудалый...» парни с маленькой речки Юрманги (14 км, приток Толшмы) в одной из частушек проявляют свой задиристый характер:

«Юрмаки ребята смелые,
Идут по бережку.
Они идут и нагибаются,
Берут по камешку» (с. 119).

Столкновения парней, приходивших на беседы из «чужих» деревень, с местной молодежью, как известно, нередко заканчивались дракой.

Жаль, что в книге «Как по Толшме по реке...» нет карты-схемы Толшменского края с обозначением деревень – жилых до сих пор и уже исчезнувших. (В скобках заметим, что определенные сведения о местных деревнях и селах можно найти в альбоме-путеводителе М. Н. и А. В. Кошелевых «Толшма: от устья к истокам» (Вологда: Древности Севера, 2019). Авторы несколько лет тому назад поселились в Никольском и раз-

вернули здесь интересную и плодотворную культурную деятельность.)

Естественно, местная частушка включает и образ Толшмы:

«Ой, на Толшме на реке
Приглянулся парень мне.
На работе тракторист,
А на гулянке гармонист» (с. 60).

Гармонь и гармонист – это одна из популярных тем в частушечном репертуаре Толшмы (раздел «Гармонист у нас хороший...»). Гармонист пользовался особым уважением в молодежной среде:

«Девяносто песен знаю,
А все интересные.
Гармонисты из Успенья –
Ангелы небесные» (с. 97).

Самый популярный образ гармони – тальяночка:

«Хорошо косить у речки,
Покосишь, да и попьёшь.
Хорошо любить с тальяночкой,
Хоть песен попоёшь» (с. 90).

Частушечные тексты отражают особый, повсеместно известный деревенский ритуал «спасибо говорить» – благодарить гармониста за игру:

«Не пора ли, задушевная,
Спасибо говорить.
Игрока бы не примучить
И народ не удивить» (с. 91).

В толшменских частушках упоминаются гармошка, хромка, балаговка, полубаян, баян. Заметим, кстати, что книга богато иллюстрирована фотографиями местных жителей, причем многие мужчины сфотографированы с гармониями.

Толшменская частушка, как и тексты из других регионов, завораживает словотворением, игрой со словом:

«Если женишься, разженишься,
Разжена буду звать.
Все равно тебе, разженюшка,
Меня не миловать» (с. 46).

«Я любила, ты отбила,
Так люби облюбочки,
И целуй после меня
Целованные губочки» (с. 68).

В книге имеется маленький раздел (всего восемь текстов) «Частушки из личного архива поэта Рубцова Николая Михайловича (1936–1971)». Частушки уже печатались в «Собрании сочинений» Н. М. Рубцова (М.: Терра, 2000. Т. 2), но в книге «Как по Толшме по реке...» эти случайные записи поэта звучат по-иному. Они сокликаются с основным корпусом текстов, например, вошедших в раздел «Задуманная подруга...»:

«Задуманная подружка,
Постараемся давай,
Я одну спою частушку,
Ты другую запевай» (с. 142).

Частушка

«До свиданья, до свиданья,
Всем душевно говорим.
Гармониста на прощанье
За игру благодарим» (с. 142)

отражает отмеченные выше правила завершения беседы и гуляний.

Николай Рубцов играл на гармошке, плясал и пел частушки. Одна из николецанок, Нина Алексеевна Шамахова, вспоминала:

«Коля Рубцов с Гетой (гражданская жена поэта. – Т. И.) были у меня на свадьбе. Мы с ним тогда еще соревнование устроили. Я его перепляшу, или он меня переиграет. Он знал много частушек, мог и сам сочинить прямо на ходу. Помню, пел такую: На мне белая рубаха, / На Урале вязана. / Не бывала и не будет / Голова обвязана». (Из заметки «От составителя» Г. А. Мартюковой. С. 3).

Частушка для Рубцова была жанром, связывавшим его с маленькой родной Толшмой и с огромной Россией:

«И тогда в притихшем сельсовете,
Где баян бахвалится и врет,
Первый раз за множество столетий
Все пойдут старательно, как дети,
Танцевать невиданный фокстрот.
Что-то девки стали заноситься!
Что-то кудри стали завивать!
Но когда погода прояснится,
Все увидят: поле колосится!
И начнут частушки запевать...»
(стих. «На гуляние»)

Частушечные ритмы не свойственны поэзии Николая Рубцова, но образы народной культуры нередко пронизывают его стихи:

«Как звонко, терзая гармошку,
Гуляли под топот и свист,

Какую чудесную брошку
На кепке носил гармонист...»
(стих. «Что вспомню я?»)

В книге «Как по Толшме по реке...» рядом с разделом частушек, записанных Н. Рубцовым, соседствует столь же небольшой раздел (девять текстов) «Частушки, сочиненные Поповым Георгием Ивановичем (1939–2018)». Г. Попов, самодеятельный художник, не имевший профессионального художественного образования, на своих полотнах создал мир идеальной деревни («ладный мир», который описал в своем знаменитом «Ладе» Василий Белов): красота северного пейзажа со стоящими вдали храмами, красота и щедрость плодов земли, красота пахоты запряженных в плуг красных и белых лошадей, красота деревенских многолюдных праздников. Художник родом был из села Красное Маныловского сельского совета. Проживая в Вологде, он с 1977 по 2017 год приезжал в деревню Слобода, где подолгу жил (куст деревень Усть-Толшма). Полотна Г. И. Попова хранятся в собрании Вологодского музея-заповедника. После кончины художника была издана книга-альбом «Георгий Попов: размышления, воспоминания, живопись / сост. С. С. Остроумова» (СПб.: Т. Ю. Келлер, 2020). Среди частушек Г. И. Попова опять-таки находим текст, запечатлевший призывную игру гармонии:

«Заиграли больно весело
За Сухоной-рекой.
Вызывает на свидание
Меня мой дорогой» (с. 143).

Георгий Попов и Николай Рубцов были знакомы, пути их пересекались в Вологде, но они не были друзьями. Тем не менее поэзия Рубцова и художественные полотна Попова оказываются необыкновенно созвучны друг другу. Одна из работ Г. И. Попова называется «Частушки» (1999): вечер, дорога, на которой стоят, как бы позируя, деревенские парни и девушки, в центре – гармонист. В 2008 году Г. И. Попов создал полотно «Сборщик брусники, поэт Н. Рубцов»: герой картины лежит в лесу на мягком сухом мху, рядом корзина с брусникой, а на земле грибы. И вспоминается рубцовское:

«Сапоги мои – скрип да скрип
Под березою,
Сапоги мои – скрип да скрип
Под осиною,

И под каждой березой – гриб,
Подберезовик,
И под каждой осиной – гриб,
Подосиновик»
(стих. «Сапоги мои – скрип да скрип»).

Частушки, стихи Николая Рубцова и картины Георгия Попова оказываются прочно спаяны друг с другом. Недаром другая небольшая книжка частушек из собрания Тотемского музея-заповедника, подготовленная в 2021 году заведующим Отделом искусства и традиционной народной культуры В. Н. Галушкиной (включает тексты из Вожбальской, Калининской, Кожуховской, Тиксененской волостей, из с. Брусенец, Биряковской, Шуйской, Шенбеньгской волостей, из Матвеевского и Мосеев-

ского сельских советов), иллюстрирована фрагментами картин и рисунков Г. И. Попова. Он, кстати, записывал частушки и на р. Тиксне (небольшая речка длиной 51 км протекает по современному Сокольскому и Тотемскому районам, впадает по левому берегу в Сухону), где в деревне Фоминское он жил в детстве. Тиксененские частушки были изданы в книге: Кузнецов А. В. Волость Тиксна: Топонимы и фамилии. Г. И. Попов. Собрание тиксенских частушек (Вологда: МДК, 2012).

Так, словно вологодское кружево, переплетаются творчество большого русского поэта Николая Рубцова, самобытного вологодского художника Георгия Попова и народная песенка-частушка.

Поступила в редакцию 11.03.2026; принята к публикации 28.09.2026; дата публикации 30.10.2026

Review

Tatyana G. Ivanova, Dr. Sc. (Philology), Chief Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom), Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)
tgivanova@inbox.ru

The book review: As along the Tolshma River... : collection of Tolshma ditties. (G. A. Martyukova, A. Novosyolov, Eds.). Vologda, 2023. 156 p.

For citation: Ivanova, T. G. The book review: As along the Tolshma River... : collection of Tolshma ditties. (G. A. Martyukova, A. Novosyolov, Eds.). Vologda, 2023. 156 p. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(7):113–116. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1374

Received: 11 March 2026; accepted: 28 September 2026; published: 30 October 2026

ЗАМИР КУРБАНОВИЧ ТАРЛАНОВ

доктор филологических наук, профессор, независимый
исследователь
(Петрозаводск, Российская Федерация)
savtar@sampo.ru

ЕВГЕНИЙ ЗАМИРОВИЧ ТАРЛАНОВ

доктор филологических наук, профессор, независимый
исследователь
(Петрозаводск, Российская Федерация)
savtar@sampo.ru

Рец. на кн.: Власов С. В., Демидов Д. Г. Очерки по языку «Слова о полку Игореве». – СПб. : Нестор-История, 2025. – 448 с.

Для цитирования: Тарланов З. К., Тарланов Е. З. Рец. на кн.: Власов С. В., Демидов Д. Г. Очерки по языку «Слова о полку Игореве». – СПб. : Нестор-История, 2025. – 448 с. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 7. С. 117–118. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1375

Рецензируемая книга представляет собой сборник статей двух авторов – кандидата филологических наук, доцента СПбГУ Сергея Васильевича Власова и доктора филологических наук, профессора кафедры русского языка СПбГУ Дмитрия Григорьевича Демидова, посвященных не только и не столько языку «Слова о полку Игореве» – проблеме, обозначенной в ее названии, сколько проблемам русского языка и русской культуры в целом, так или иначе связанным с историей изучения этого знаменитого памятника русской письменности. Очерки написаны живо, с привлечением значительного количества новых остроумных и удачно подобранных аргументов в подтверждение позиции авторов книги, согласно которой «Слово о полку Игореве» имеет позднее происхождение. По их мнению, это памятник не конца XII века, как считается традиционно, а конца XVIII века, созданный с подачи Екатерины II талантливым русским поэтом конца XVIII века В. П. Петровым под редакцией Н. М. Карамзина по образцу «Задонщины».

Книга включает в себя 23 разнообъемных очерка, из которых один принципиально важный – «Некоторые материалы к опыту сравнительного анализа военных образов в “Слове о полку Игореве” и в оде В. П. Петрова “На взятие Измаила”» (с. 21–36) принадлежит С. В. Власову, два очерка (с. 37–97) написаны в соавторстве, все остальные (20) принадлежат Д. Г. Демидову. Все очерки написаны замечательным литературным языком, с подчеркнутым уважением к оппонентам и сторонникам других решений обсуждаемых проблем.

Большой интерес для читателя представляют целенаправленные поиски авторами книги тем, художественных мотивов и образов, типологически общих для русской истории конца

XII и XVIII веков, для которых вместе с тем одинаково созвучны были бы идеи «Слова о полку Игореве».

В результате тщательного сопоставительного анализа языка «Слова о полку Игореве» и военных, а также других од В. П. Петрова С. В. Власов выявляет множество существенных, с его точки зрения, перекличек, позволяющих думать о том, что талантливый поэт конца XVIII века мог «быть каким-то образом причастен к работе над “Словом о полку Игореве” в конце XVIII века, еще до публикации этой “Исторической поэмы” в 1800 г.» (с. 32). Общий вывод С. В. Власова звучит следующим образом:

«Если считать, что “Слово о полку Игореве” было написано не в XII в., а в конце XVIII в. (а у нас есть на это некоторые основания), то у В. Петрова были все данные, чтобы составить древнерусский текст “Слова...” или участвовать в его составлении (редактировании), используя летописи и какой-то, видимо, погибший при пожаре Москвы в войну 1812 г. список “Задонщины”» (с. 33).

Это положение последовательно развивается Д. Г. Демидовым далее.

Аналогичные наблюдения содержатся и в других очерках книги. Так, в соответствии с исторической ситуацией в России XVIII века с ее проекцией на историческую ситуацию конца XII века утверждается, что

«призыв князя Святослава к единению русских князей в “Слове...” звучал особенно актуально во времена Екатерины II. К тому же этот призыв более походил на действия в Малороссии Румянцева и самой Екатерины II, чем на поведение в действительности реального слабого князя Святослава Киевского» (с. 85).

Основной пафос книги состоит в том, что «Слово о полку Игореве» авторами хронологически приурочивается к концу XVIII века. При всех со-

державшихся в ней противоречивых суждениях (ср., например, с. 9, 65 и др.) книга С. В. Власова и Д. Г. Демидова мобилизует мысль, заставляя профессионально заинтересованного читателя обращаться к соответствующим исторически локализованным языковым процессам в качестве средств установления относительной хронологии изучения внеязыковых событий. В этом отношении весьма показательна полемика авторов с А. А. Зализняком, по справедливому мнению которого, «капитальный факт, не оспариваемый никем, состоит в том, что язык СПИ намного архаичнее языка “Задонщины”».

Как бы ни относиться к мнению авторов книги о хронологической приуроченности «Слова о полку Игореве» к концу XVIII века, совершенно очевидно, однако, что она безусловно полезна уже потому, что в ней подробно и разносторонне освещается одна из спорных проблем, относящихся к исчерпывающему осмыслению крупнейшего памятника древнерусской письменности.

В завершение очень кратко остановимся на некоторых общих замечаниях:

1. Наиболее убедительным материально-языковым аргументом отнесенности «Слова о полку Игореве» к концу XII века является обилие в нем тюркизмов, введенных автором того времени, который, как считают, свободно владел и тюркским языком, о чем в свое время писали многие, в том числе и поэт О. Сулейменов. Их авторы книги вообще не касаются. В XVIII веке русские люди не могли свободно владеть тюркским языком, ибо не было прежних близких контактов и изменились ориентиры: зачем в XVIII веке увлекаться языком

дикарей-половцев, когда в двери образованных слов русского общества стучался французский язык?

2. Что касается предполагаемого непосредственного участия Екатерины II в поэтическом воссоздании события XII века, то возникает закономерный вопрос: с какой стати Екатерина II должна была заказать своему образованному библиотекарю поэтическое воспроизведение события XII века, в котором русские терпят поражение от тюркских племен, в то время как в екатерининские времена русско-тюркские отношения были, как известно, откровенно враждебными. Не для возвеличивания же Турции?

3. Те, кто считает, что «Слово о полку Игореве» сочинено по образцу «Задонщины», не учитывают того, что последняя уступает «Слову о полку Игореве» по многим параметрам: по архаичности языка, по его образности, по образцам синтаксического выражения модальности, по архаичной фонетике (например, формы третьей палатализации, имеющиеся в «Слове...», отсутствуют в «Задонщине»). В плане синтаксического выражения модальности в «Задонщине» и в «Слове о полку Игореве» показательно функционирование в них инфинитивных предложений (в первом случае они реализуют субъективную модальность, во втором – объективную)¹. Это важно для установления относительной хронологии исторической приуроченности памятников. С. П. Обнорский совершенно справедливо писал, что «Задонщина» «целиком подражает “Слову”, повторяя многие его сравнения и метафоры, может быть, не всегда их понимая, но зато полностью разделяя основные идеи своего великого памятника-образца»².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Тарланов З. К. Гетерохронная содержательная и формально-языковая перекличка как фактор стилистики // Язык и культура: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию профессора Л. В. Савельевой. Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2007. С. 26–31.

² Обнорский С. П. Слово о полку Игореве // Обнорский С. П. Избранные работы по русскому языку. М.: Госучпедгиз Министерства просвещения РСФСР, 1960. С. 33.

Поступила в редакцию 08.06.2026; принята к публикации 28.09.2026; дата публикации 30.10.2026

Review

Zamir K. Tarlanov, Dr. Sc. (Philology), Professor, Independent Researcher (Petrozavodsk, Russian Federation)

savtar@sampo.ru

Evgeniy Z. Tarlanov, Dr. Sc. (Philology), Professor, Independent Researcher (Petrozavodsk, Russian Federation)

savtar@sampo.ru

The book review: Vlasov, S. V., Demidov, D. G. Essays on the language of The Tale of Igor's Campaign. St. Petersburg, 2025. 448 p.

For citation: Tarlanov, Z. K., Tarlanov, E. Z. The book review: Vlasov, S. V., Demidov, D. G. Essays on the language of *The Tale of Igor's Campaign*. St. Petersburg, 2025. 448 p. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(7):117–118. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1375

Received: 8 June 2026; accepted: 28 September 2026; published: 30 October 2026

ИРИНА СЕРГЕЕВНА МАТАШИНА

кандидат филологических наук, младший научный сотрудник сектора фольклористики и литературоведения (с фонограммархивом) Института языка, литературы и истории Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0009-0000-2106-831X; irinadesh@mail.ru

Рец. на кн.: Сойни Е. Г. Поэзия Финляндии от неоромантизма до рэп-лирики / Е. Г. Сойни ; Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук», Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН. – Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2025. – 365 с.

Благодарности. Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (№ 124022000077-1).

Для цитирования: Маташина И. С. Рец. на кн.: Сойни Е. Г. Поэзия Финляндии от неоромантизма до рэп-лирики / Е. Г. Сойни ; Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук», Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН. – Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2025. – 365 с. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 7. С. 119–120. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1376

Монография Е. Г. Сойни представляет собой объемное исследование поэзии Финляндии XX века, полного противоречий, направлений и течений. После работ Э. Г. Карху это первая и пока единственная в отечественном литературоведении монография, в которой анализируются важнейшие аспекты творчества известных поэтов Финляндии ушедшего века с выходом на литературную проблематику века XXI.

Основной принцип выстраивания материала – хронологический, от финского неоромантизма рубежа веков до тенденций поэтического слова 2000-х годов, с единичным, но оправданным исключением, а именно главой, посвященной мотиву пути в поэзии Финляндии. В работе применены историко-культурный, компаративистский и мифопоэтический подходы, выстроена убедительная система аргументов с опорой на разнообразные источники, в том числе эпистолярный.

В главах, касающихся поэзии 1920-х годов, хронологически перекликающихся с работами предшественников, исследование Е. Г. Сойни привлекает внимание прежде всего новой постановкой проблемы, в частности – пересечением финской и китайской культур, казалось бы, несовместимых друг с другом. Исследовательница доказывает, что во многом образный ряд Катри Вала унаследован из традиции китайской поэзии эпохи Тан (Ли Бо, Ду Фу, Ван Вэй), что поэтессе становится тесно в рамках собственной культурно-исторической традиции и она обращается

к культуре Востока. Е. Г. Сойни находит соответствия, обусловленные типологической близостью исторических реалий эпохи Тан и современных К. Вала событий.

Обращаясь к послевоенной поэзии Финляндии (главы IV–VI), автор помещает финский модернизм в более широкий контекст мировой поэзии. Интересными представляются наблюдения в компаративистском ключе, касающиеся поэзии Т. С. Элиота. Е. Г. Сойни находит творчество Элиота во многом созвучным финским поэтам-модернистам послевоенного периода, проводит оригинальные аналогии, однако уделяет основное внимание творчеству финских поэтов-модернистов (Айла Мерилуото, Ральф Нурдгрэн, Эва-Лиза Маннер, Бу Карпелан) с точки зрения архетипической поэтики, обращается к традиционным для финской литературы истокам.

Включение поэзии Финляндии в более широкий контекст – поэзии Севера, общеевропейской поэзии, мировой поэзии – позволяет по-новому осмыслить исследуемый материал. Так, глава V «Мотив пути» ценна не только с точки зрения изучения лирики Финляндии, но и тем, что дополняет наше понимание поэзии северных народов. Постановка задачи, форма изложения материала, примеры поэтических текстов, к которым прибегает автор, даже отсылки к творчеству недооцененного в России Харри Мартинсона – все это открывает дополнительные исследовательские перспективы.

Актуальность и ценность рецензируемой работы состоят и в том, что финская поэзия, особенно второй половины XX века, чрезвычайно многообразное явление, мало представленное в российском литературоведении. Интерес вызывает использование автором мифологем – базовых образов коллективного бессознательного. Одним из существенных достоинств монографии видится баланс между обращением к семантическому слою мифологем и вниманием к культурно-историческому контексту, общественно-политическому развитию, а также финской литературной традиции. Автор последовательно показывает развитие объемного символического пласта лирики Финляндии разных периодов и направлений, демонстрируя умение интегрировать большие объемы материала.

В главе VII «Своеобразие рок-поэзии Финляндии» анализируется образная система рок-лирики, выявляются основные литературные и фольклорные традиции, характерные для поэзии Финляндии. Несомненным достоинством главы является последовательное представление мифологических образов, традиционных для финского и карельского фольклора, нашедших отражение в произведениях финских рок-исполнителей (курочка, луноглазка, тролль и др.).

В параграфе о поэзии Исмо Аланко стоит отметить кросс-культурный, в некоторой степени интермедиаальный подход, в рамках которого автор рассматривает обращение И. Аланко к образу Финляндии как царству серого цвета, возникшему в русском общественном сознании благодаря И. Левитану, и полемику как с Левитаном, так

и с соотечественниками, например с лидером экспрессионизма Ууно Кайласом (ему посвящена глава III), а также Владимиром Брендовым, писавшим на карельском языке. По мнению И. Аланко, серый цвет выступает цветом надежды и жизни, и эта позиция завоевала признание в современной культуре.

Глава VIII «Рэп-лирика: поэзия как битва» представляет интерес злободневностью материала и его теоретической интерпретацией. Автор соглашается со взглядами С. Ю. Неклюдова и П. Цумтора, что письменная поэзия, увлекаясь визуальностью, сдает свои позиции. В этой ситуации устная поэзия одерживает победу над письменной, популярность рэп-исполнителей растет, что становится предметом исследований и пристального интереса идеологов. Приведенные в приложении переводы стихотворений современных финских авторов позволяют читателю познакомиться с материалом, на который опирается исследователь.

Отдельного упоминания заслуживают проведенные литературные параллели со шведоязычной литературой Финляндии, выражающиеся в родстве поднимаемых тем. В частности, Е. Г. Сойни сравнивает творчество Ласси Нумми и Ральфа Нурдгрена, И. Аланко и известного шведоязычного писателя Бу Карпелана, создавая более комплексное представление о развитии литературы Финляндии XX века.

В представленной монографии автор демонстрирует высокий уровень владения как теоретическим материалом, так и различными методами литературоведческого анализа.

Поступила в редакцию 13.02.2026; принята к публикации 16.06.2026; дата публикации 30.10.2026

Review

Irina S. Matashina, Cand. Sc. (Philology), Junior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0009-0000-2106-831X; irinadesh@mail.ru

The book review: Soini, E. G. Finnish poetry from neo-romanticism to rap lyrics. Petrozavodsk, 2025. 365 p.

Acknowledgements. The study was funded from the federal budget as part of the state research task No 124022000077-1 assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Matashina, I. S. The book review: Soini, E. G. Finnish poetry from neo-romanticism to rap lyrics. Petrozavodsk, 2025. 365 p. *Proceedings of Petrozavodsk State University.* 2026;48(7):119–120. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1376

Received: 13 February 2026; accepted: 16 June 2026; published: 30 October 2026

**ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПЕРВОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ЖЕНЫ-ПОМОЩНИЦЫ ПИСАТЕЛЕЙ И ПОЭТОВ:
К 180-ЛЕТИЮ А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ»**

11–12 сентября 2026 года состоялась первая Международная научная конференция «Жены-помощницы писателей и поэтов», приуроченная к 180-летию Анны Григорьевны Достоевской (11 сентября 1846 – 9 июня 1918) – жены писателя, стенографистки и хранительницы наследия. Организаторами выступили Петрозаводский государственный университет и Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге (мероприятие проведено при поддержке РФФ: проект № 26-18-00186 «Новые архивные и печатные источники научной биографии А. Г. Достоевской»).

Ключевую идею конференции сформулировал И. Л. Волгин (Москва), открывший конференцию докладом-лекцией «Жена в России больше, чем жена» (парафраза знаменитой строки Евгения Евтушенко «Поэт в России – больше, чем поэт»). Выступления участников подтвердили эту мысль и представили женщин, чье служение мужьям-литераторам не прекращалось: при жизни – поддержка и соработничество, после смерти – сохранение памяти и наследия.

Первый день форума был посвящен центральной фигуре – А. Г. Достоевской. Исследователи раскрыли ее как хранительницу архива «незабвенного мужа», проанализировали переписку с супругом и другими корреспондентами, изучили преломление ее образа в книгах Достоевского, развенчали мифы о ней в литературе и кино.

В. Н. Захаров (Москва, Петрозаводск) показал, что настоящей женой для Достоевского могла стать только Анна Григорьевна (а не М. Д. Исаева или А. П. Суслова) – она разделила с ним и писательское предназначение, и семейный быт. С. А. Кибальник (Санкт-Петербург) обнаружил черты ее характера в образах Веры Лебедевой из «Идиота» и Софьи Андреевны из «Подростка». К. А. Баритт (Санкт-Петербург) проанализировал пунктуацию в стенографической системе, которой пользовалась помощница Достоевского. Т. О. Горегляд (Санкт-Петербург) исследовала «аффектонимы» – ласкательные обращения в переписке супругов. Коллектив авторов из Брянской области (Я. О. Резаков, И. Л. Старцева, А. В. Шаравин) показал, что Анна Григорьевна, не будучи профессиональным журнальным критиком, беспристрастно оценивала героев и интерпретировала произведения Достоевского. В. П. Принева (Санкт-Петербург) описала ру-

кописи и вещи Анны Григорьевны в собрании петербургского музея писателя. Ю. Д. Зирка и Д. А. Спеллер (Петрозаводск) проанализировали ее переписку с К. К. Случевским и О. Ф. Миллером, показав Анну Григорьевну ответственным организатором и учредителем церковно-приходской школы им. Ф. М. Достоевского. Е. М. Кудрявцева (Санкт-Петербург, Петрозаводск) затронула вопрос соблюдения авторского права в переписке Анны Григорьевны с франкоязычными издателями после смерти писателя. Ю. В. Юхнович (Старая Русса) посвятила доклад истории первого мемориального музея писателя в Старой Руссе. Крымские исследователи М. А. Шалина (Евпатория) и С. В. Капустина (Симферополь) раскрыли ялтинские страницы биографии Достоевской и параллели с судьбой М. П. Чеховой. Е. А. Федорова (Ярославль, Петрозаводск) рассказала об отношениях семьи Достоевских с родственниками Рыкачевыми, которых писатель назвал «лучшими людьми». Т. В. Панюкова (Петрозаводск) изучила историю знакомства Достоевских с М. Н. Стоюниной, основательницей Первой петербургской частной гимназии.

На секции, посвященной образу А. Г. Достоевской в культуре, И. С. Андрианова (Санкт-Петербург, Петрозаводск) представила критический анализ книги Э. Кауфмана «Жена игрока» (2021), отделив факты от вымысла; А. Н. Першкина (Москва) усомнилась в авторстве приписываемой Льву Толстому и принижающей его супругу фразы: будто многим русским писателям жилось бы лучше с такими женами, как А. Г. Достоевская; С. А. Мартыанова (Владимир) рассмотрела образ Достоевской в кино («Двадцать шесть дней из жизни Достоевского», «Демоны Санкт-Петербурга», «Три женщины Достоевского», «Анна Достоевская. Письмо мужу», телесериале «Достоевский»).

Второй день конференции был посвящен женам-помощницам в русской и мировой литературе. Ю. Н. Сытина (Москва) рассказала об Ольге Одоевской, супруге князя В. Ф. Одоевского; Я. А. Макарова (Москва) и Н. Г. Михновец (Санкт-Петербург) – о титанической работе С. А. Толстой по изданию собраний сочинений мужа; М. В. Михновец и А. Н. Соловьева (Санкт-Петербург) проанализировали биографические источники об Е. А. Салтыковой; Е. Ю. Шестакова (Северодвинск) – об О. А. Шмелевой, спутнице жизни

писателя русского зарубежья И. С. Шмелева; А. Ю. Нилова (Петрозаводск) – о М. С. Заболоцкой-Волошиной, продолжившей после смерти мужа развивать образ Коктебеля-Киммерии.

Феномен жены-помощницы в XX – начале XXI века раскрыли несколько докладов. А. В. Вольвач и В. А. Хомченко (Мелитополь) проанализировали подвиг Н. Я. Мандельштам, спасшей архив поэта. В. Я. Иванова (Иркутск) рассказала о Марии Вишняковой, объединившей три поколения Тарковских, а также о подвижнической деятельности С. И. Распутиной и М. С. Астафьевой-Корякиной. М. А. Жиркова (Санкт-Петербург) и О. В. Капустина (Владимир) ввели в научный оборот архивные данные о Клавдии Бугаевой, вдове Андрея Белого. М. И. Харева (Петрозаводск) провела параллели между Анной Достоевской и Людмилой Крутиковой-Абрамовой.

Важной частью программы стал диалог культур: Г. Р. Гайнуллина (Казань) рассказала о Гульсум Дивеевой-Еникеевой, жене классика татарской литературы Амирхана Еники; П. А. Яковлев (Ярославль) посвятил доклад истории любви Тахи Хусейна, слепого студента из Египта, и Сюзанны, которая, вопреки трудностям, связала с ним свою судьбу. Садеги Сахлабад Зейнаб и Салех Атефе (Тегеран) рассмотрели роль Фарзана Мансури в творческой судьбе иранского прозаика Надера Эбрахими, испытавшего влияние Достоевского: супруга была его редактором, вдохновительницей и хранительницей архива, а ее поддержка помогла

ему преодолеть творческий кризис и возобновить диалог с русским классиком.

Особенно значимыми стали выступления исследователей, чьи судьбы связаны с теми, о ком они говорили. А. Г. Гачева (Москва) рассказала о творческом и семейном союзе своих родителей – Г. Д. Гачева и С. Г. Семенов. Л. И. Сараскина (Москва), лично общавшаяся с А. И. Солженицыным и его супругой, поделилась, как это знакомство повлияло на ее понимание творчества писателя, а также рассказала о биографической книге в серии «Жизнь замечательных людей», которую она написала по итогам общения с ними. П. Е. Фокин (Москва) изучил феномен О. М. Зиновьевой, вдовы философа А. А. Зиновьева: после его смерти она уже более 20 лет сохраняет и издает его наследие, остается заметной фигурой в культурном пространстве.

Участники и слушатели высоко оценили значимость мероприятия, отметив, что впервые так масштабно прозвучали имена тех, кто оставался в тени гениев, но неизменно разделял с ними не только семейный быт, но и творческое предназначение. Эти женщины – самостоятельные творцы, чей ежедневный, кропотливый труд сделал возможным само существование большой литературы. Тем самым конференция обратилась к осмыслению традиционных ценностей – семейного служения, верности и сохранения культурной памяти. Прозвучали предложения по ее продолжению и расширению: рассмотреть не только жен писателей и поэтов, а сам феномен «женщины» (мать, бабушка, сестра, дочь и др.), которая была рядом с великим мужчиной.

И. С. Андрианова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Управления научных исследований, директор Международного центра изучения Достоевского Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
yarysheva@yandex.ru

М. И. Харева, аналитик Управления научных исследований Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
margarita.khareva@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.10.2026; принята к публикации 05.10.2026; дата публикации 30.10.2026

Scientific information

Irina S. Andrianova, Cand. Sc. (Philology), Senior Researcher, Department of Scientific Research, Director, International Center for the Study of Dostoevsky, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
yarysheva@yandex.ru

Margarita I. Khareva, Research Analyst, Department of Scientific Research, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
margarita.khareva@yandex.ru

RESULTS AND PROSPECTS OF THE FIRST INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE “ASSISTING WIVES OF WRITERS AND POETS: CELEBRATING THE 180TH ANNIVERSARY OF ANNA DOSTOEVSKAYA”

Received: 1 October 2026; accepted: 5 October 2026; published: 30 October 2026

16 октября 2026 года исполнилось 80 лет профессору, доктору филологических наук *Петру Мефодьевичу Зайкову*.

Celebrating the 80th anniversary of *Pyotr M. Zaikov*.

ПЕТР МЕФОДЬЕВИЧ ЗАЙКОВ

К 80-летию со дня рождения

В начале 1990-х годов карельский язык получает свою письменность, преподается в школах и вузах как отдельный предмет. Выходят буквари, книги для чтения и сборники образцов карельской речи, составляются словари; наиболее значимые проблемы карельской грамматики, лексикологии и ономастики становятся темами кандидатских и докторских диссертаций. Все это связано с именем Петра Мефодьевича Зайкова – одного из столпов отечественного прибалтийско-финского языкознания и талантливого педагога.

П. М. Зайков родился в карельской семье в селе Кестеньга Лоухского района Карело-Финской ССР. До поступления в школу он не знал русского языка. Окончив школу, три года служил в армии, а в 1968 году поступил на отделение финского языка и литературы Петрозаводского университета. На старших курсах вместе с Г. М. Кертом собирал языковой материал в полевых экспедициях на Кольском полуострове. После окончания университета работал в секторе языкознания Института языка, литературы и истории КарНИЦ РАН. Через два года поступил в очную аспирантуру. В 1980 году в г. Тарту (Эстония) П. М. Зайков успешно защитил кандидатскую диссертацию. С 1988 по 1993 год преподавал финский язык и историю финского языка в университете, а затем вернулся в сектор языкознания и начал заниматься исследованием карельского языка. Защитив докторскую диссертацию на тему «Глагол в карельском языке» в 1997 году, П. М. Зайков стал заведующим кафедрой карельского и вепского языков ПетрГУ. В 2003 году выступил с предложением о создании в ПетрГУ ученого совета по защите кандидатских диссертаций. Руководство университета поддержало эту идею, и в 2004 году, благодаря усилиям Петра Мефодьевича, совет начал работу, состоялись первые защиты. Всего с 2004 по 2012 год защитились более 10 соискателей ученой степени кандидата филологических наук. Под руководством П. М. Зайкова успешно защитили кандидатские диссертации три аспиранта: Е. В. Богданова (2003), Н. М. Гилоева (2004), Т. В. Пашкова (2008).

П. М. Зайков посвятил свою жизнь изучению и возрождению карельского языка. Им опубликовано более 120 научных и учебных изданий, связанных с прибалтийско-финскими языками, центральное место в них занимает карельский язык.

От всей души поздравляем Петра Мефодьевича с юбилеем и желаем ему здоровья и долголетия!

Кафедра прибалтийско-финской филологии ПетрГУ

CONTENTS

Pigin A. V.

Editorial note 7

RUSSIAN LANGUAGE, NATIONAL LANGUAGES OF RUSSIA

Selemeneva O. A.

TROPHONYMS IN THE TRAVEL MAGAZINE MEDIA TEXTS: PRINCIPLES OF SYSTEMATIZATION AND FUNCTIONAL POTENTIAL 8

Dyachkova I. N.

SEGODNYA U NIKH GRUZINSKOY BOGORODITSY, A ZAVTRA – FROLU GOLODNOMU: ON SOME POMOR CHRONONYMS IN I. M. DUROV'S DICTIONARY 18

Zakharova E. V., Nagurnaya S. V.

URBANONYMS OF PETROZAVODSK: THE HISTORY OF BILINGUALISM AND TRANSLATION CHALLENGES 27

Pellinen N. A.

THE LINGUISTIC IMAGE OF AN ORPHAN IN KARELIAN DIALECTS 38

Zhuravleva N. S.

CONCEPTUAL BASIS OF THE PROJECT "DICTIONARY OF I. A. EFREMOV'S LANGUAGE" 43

THEORETICAL, APPLIED, AND CONTRASTIVE LINGUISTICS

Shestakova L. L., Kuleva A. S.

EVALUATION MARKERS IN A MEDIUM-SIZED EXPLANATORY DICTIONARY: PRAGMATIC LABEL "SHOWING DISAPPROVAL" 52

Drozdova M. N.

ERRATOLOGICAL ASPECT OF METAPHOR RECONSTRUCTION IN TRANSLATIONS OF IVAN TURGENEV'S NOVEL *A NOBLEMAN'S NEST* 59

Samara E. A.

THE USE OF DATIVE CASE DENOTING AN ANIMATE OBJECT AS THE GOAL OF MOVEMENT WITH THE VERB *ĖPXOMAI* 69

WORLD LITERATURES

Tsvetkov Yu. L.

POETICS OF HUGO VON HOFMANNSTHAL IN HIS BIOGRAPHICAL NOTES *AD ME IPSUM* 76

Abramova O. G., Pere P. S.

POETICS OF THE NORTH IN TORGNY LINDGREN'S AND DMITRY NOVIKOV'S NOVELS: TYPOLOGICAL CONVERGENCES 83

Osmanova K. P.

TRANSFORMATION OF THE CROWD IMAGE IN *THE CONFESSION* BY ARTHUR ADAMOV 88

FOLKLORE STUDIES

Ivanova T. G.

G. A. GLINKA AND HIS MYTHOLOGICAL DICTIONARY (FROM THE HISTORY OF FOLKLORE STUDIES IN THE EARLY XIX CENTURY) 95

Kharkova S. Yu.

CHRISTIAN CHRONONYMS IN HEROIC EPICS: HOLIDAYS AND DAYS OF THE WEEK 103

Reviews

Ivanova T. G.

The book review: As along the Tolshma River...: collection of Tolshma ditties 113

Tarlanov Z. K., Tarlanov E. Z.

The book review: Vlasov, S. V., Demidov, D. G. Essays on the language of *The Tale of Igor's Campaign* ... 117

Matashina I. S.

The book review: Soini, E. G. Finnish poetry from neo-romanticism to rap lyrics 119

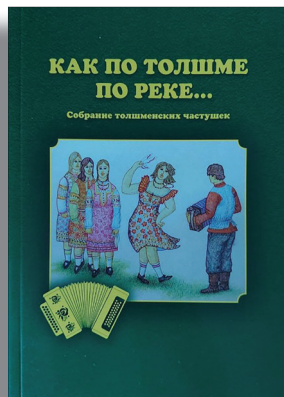
Scientific information

Andrianova I. S., Khareva M. I.

Results and prospects of the first International Scientific Conference "Assisting Wives of Writers and Poets: Celebrating the 180th Anniversary of Anna Dostoevskaya" 121

Anniversaries

Celebrating the 80th anniversary of Pyotr M. Zaikov ... 123

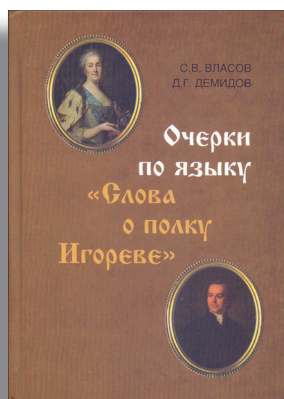
КАК ПО ТОЛШМЕ ПО РЕКЕ... Собрание толшменских частушек

В настоящее издание входят частушки, записанные с 2010 по 2022 год в местности Толшма. Данная территория располагается вдоль одноименной реки – правого притока Сухоны – и включает в себя все южные территории Тотемского округа Вологодской области. Центром Толшмы является село Никольское, где прошли детские годы поэта Николая Рубцова, куда он впоследствии неоднократно возвращался и подолгу жил, где были написаны его лучшие стихотворения.

Издание адресовано всем интересующимся темой русского песенного фольклора.

Как по Толшме по реке... : собрание толшменских частушек / Тотемское музейное объединение, Мемориальный дом-музей Н. М. Рубцова ; составитель Г. А. Мартюкова ; редколлегия: Алексей Новосёлов (ответственный редактор и др.). – Вологда : Полиграф-Периодика, 2023. – 156 с.

Отзыв о книге читайте в рубрике «Рецензии»

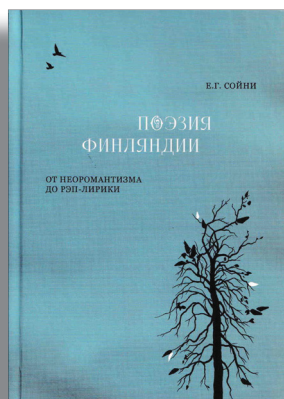
С. В. Власов, Д. Г. Демидов ОЧЕРКИ ПО ЯЗЫКУ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

В книге рассматривается гипотеза создания «Слова о полку Игореве» в 90-е годы XVIII века на основе «Задонщины». В качестве автора замысла и своеобразной заказчицы могла выступать сама Екатерина II, изображенная на лицевой стороне обложки. Автором древнерусского текста мог быть ее библиотекарь, выполнявший особые поручения при ней, поэт ломоносовской школы В. П. Петров, чей портрет находится там же. Он скончался в 1799 году, за год до публикации «Слова...» графом А. И. Мушковым-Пушкиным. Строй кадансированной прозы очень напоминает Н. М. Карамзина, который, вероятно, принял участие в создании «Слова...» как редактор.

В издании воспроизводятся статьи, посвященные «Слову о полке Игореве», которые были опубликованы с 2013 по 2023 год.

Власов С. В., Демидов Д. Г. Очерки по языку «Слова о полку Игореве». – СПб. : Нестор-История, 2025. – 448 с.

Отзыв о книге читайте в рубрике «Рецензии»

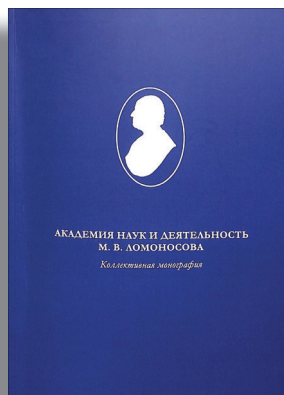
Е. Г. Сойни ПОЭЗИЯ ФИНЛЯНДИИ от неоромантизма до рэп-лирики

В книге исследуется поэзия Финляндии, созданная на протяжении полного противоречий, смен художественных парадигм, направлений и течений XX века. После работ Э. Г. Карху это первая и пока единственная в отечественном литературоведении монография, в которой представлен анализ важнейших аспектов творчества видных поэтов Финляндии ушедшего века с выходом на литературную проблематику века XXI-го от неоромантизма до рэп-лирики. Исследованы пространственные категории, фольклорные компоненты, образная система. Раскрыт поэтический мир Катри Вала в соотносительности с поэзией Китая; уделено внимание интеллектуальной ветви поэзии финского модернизма; доказано, что интеллектуализм финской поэзии проявил себя не столько в рациональных знаниях и эрудиции, сколько в том, что поэты, овладев этими знаниями, словно «оружием», ощутили его разрушительную силу и решили сменить силу интеллекта на созерцательность.

Книга вызовет несомненный интерес специалистов и широкого круга читателей.

Сойни, Елена Григорьевна. Поэзия Финляндии от неоромантизма до рэп-лирики / Е. Г. Сойни ; Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук», Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН. – Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2025. – 365 с.

Отзыв о книге читайте в рубрике «Рецензии»

АКАДЕМИЯ НАУК И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М. В. ЛОМОНОСОВА

Коллективная монография представляет итоги научных исследований, посвященных языку, культуре, истории образования, а также истории науки. Главным предметом исследований стали деятельность М. В. Ломоносова и работа Академии наук в XVIII в. Для специалистов по изучению XVIII века, а также для всех, кто интересуется проблемами русской культуры и науки XVIII столетия, историей Российской академии наук, окружением Ломоносова и его творческой биографией.

Академия наук и деятельность М. В. Ломоносова. Коллективная монография / отв. ред. С. С. Волков, Н. П. Копанева, Н. В. Патронева, А. С. Снаксарева. – Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2025. – 276 с.

